

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет»
Учреждение Российской академии образования
«Уральское отделение»

Л. С. Приходько

**МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ
РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: XX век**

Монография

Екатеринбург
2009

УДК 13(091)
ББК ТЗ(2)6–282.2
П 77

Приходько Л. С. Мировоззренческие ориентации русского крестьянства: XX век [Текст]: моногр. / Л. С. Приходько. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2009. 176 с.

ISBN 978-5-8050-0304-3

В монографии исследован процесс раскрестьянивания России и представлены соображения автора о ходе и особенностях эволюции мировоззренческих ориентаций русского крестьянства в XX в. Работа выполнена на обширном конкретно-историческом материале.

Предназначена студентам гуманитарных специальностей.

Рецензенты: д-р филос. наук, проф. А. П. Ветошкин (Уральский институт бизнеса); д-р ист. наук, проф. В. П. Леднев (ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

ISBN 978-5-8050-0304-3 © ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009

© Приходько Л. С., 2009

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Категория «мировоззренческая ориентация» и ее социально-философский смысл.....	10
§1. Проблема типологии мировоззренческих ориентаций.....	10
§2. Мировоззренческие ориентации крестьянства и менталитет.....	17
Глава 2. Мировоззренческие ориентации русского крестьянства дореволюционной России.....	37
§1. Менталитет и сознание русского крестьянства.....	37
§2. Мировоззренческие ориентации: консервативное и прогрессивное, общечеловеческое и национальное, религиозное и светское.....	42
Глава 3. Трансформация мировоззренческих ориентаций советского крестьянства.....	56
§1. «Крестьянский вопрос» в советском обществе.....	56
§2. Эволюция мировоззренческих ориентаций крестьян.....	81
Глава 4. Динамика мировоззренческих ориентаций сельского населения постсоветской России.....	118
§1. Смена парадигмы общественного сознания: кризис и реформы.....	118
§2. Метаморфозы мировоззренческих ориентаций современных сельских жителей.....	135
Заключение.....	149
Библиографический список.....	150
Приложение А. Модели мировоззренческих ориентаций разных категорий населения.....	165
Приложение Б. Модели мировоззренческих ориентаций русского крестьянства начала XX в.	166
Приложение В. Кулацкий террор: Справка ОГПУ.....	167

Приложение Г. Эволюция мировоззренческих ориентаций советского крестьянства	169
Приложение Д. Формы организации и управления в сельскохозяйственных образованиях Свердловской области на 01.01. 1993 г.	171
Приложение Е. Структура мировоззренческих ориентаций сельских жителей конца XX в.	172
Приложение Ж. Тематика и краткое описание проведенных под руководством автора или при его участии социологических исследований	173

Введение

На рубеже XX и XXI столетий страна и общество оказались в такой же ситуации, как и в конце XIX в.: опять остро встала проблема выбора пути развития.

Современное общество – переходное общество: от старого «светлого будущего» (коммунизма) оно движется к новому «светлому будущему» («модернизированный капитализм», «постиндустриальное общество»). Одной из особенностей этого периода является нестабильность. В экономике, например, просматривается «пунктирное» развитие: некоторые успехи нивелируются предкризисными и кризисными явлениями; возникают и закрываются предприятия сферы услуг; до сих пор не работают в полную мощность многие промышленные предприятия; неуклонно сокращается количество сельских поселений и катастрофически уменьшается число жителей в них. Страна потеряла продовольственную безопасность, оказалась в стратегической зависимости от импортных продуктов питания.

В обществе наблюдается интенсивный процесс расслоения: большая часть населения оказалась у черты или за чертой бедности, появились миллионеры, четко обозначился слой бедноты. В деревне происходит борьба за выживание. Раскрестьянивание русской деревни, начавшееся еще в XIX в., приближается к финишу. Сегодня ведущие страны – производители сельскохозяйственной продукции и сырья – при желании способны массивной продовольственной интервенцией, даже не прибегая к демпинговым ценам, в короткие сроки уничтожить российских производителей в большинстве отраслей АПК.

Существенные потери понесла страна и в сфере духовной культуры: крах господствующей идеологии вызвал кризис мировоззрения, разочарование в прежних идеалах. Современное состояние духа нации характеризуется определенной деградацией. В рыночной стихии исчезает нравственная мотивация трудовой деятельности. Поведением людей управляет не только желание выжить, но и стремление побольше отхватить от общественного пирога, опередив соседа.

Деформируются национальные нравственные ценности: исконно русское гостеприимство, милосердие, сострадание чужому горю, идущая от традиций народной общинности взаимовыручка. Преступления против человеческой жизни, их особая изощренность говорят о забвении основного нравственного закона – уважения к личности, ее человеческому

достоинству. В массовом сознании идет очевидная замена духовных ценностей парадигмой личного материального обогащения. Зачастую материальные блага рассматриваются не в плане возможности самораскрытия, самореализации, творчества, а как самоцель – быть богатым.

В силу отмеченного важнейшими, на наш взгляд, являются сегодня проблемы поиска, точнее, восстановления русской национальной идентичности, воссоздание стройной архитектоники русского национального мироотношения, русской ментальности, хранителями которой в значительной степени остаются русские крестьяне. Возрождение национального самосознания тесно связано с переосмыслением пройденного пути. Исследование эволюции ценностных и мировоззренческих ориентаций русского крестьянства даст возможность определить глубину и значимость влияния сегодняшних изменений в обществе на внутренний мир человека, сферы его сознания.

Необходимость исследования аксиологических и мировоззренческих ориентаций ментальности прошлого обусловлена и тем, что Россия почти не знала опыта применения реальной демократии, далеко не изжила имперские мечтания, что способствует деформациям в ориентациях масс. Возможно, что судьба реформ России сейчас зависит не от выбора экономической модели, не от той или иной конституции, а от внятного и спокойного обсуждения общественных идеалов.

По нашему глубочайшему убеждению, преодолеть серьезнейшую ситуацию, сложившуюся в стране, претворить в жизнь демократические реформы без заинтересованного отношения крестьян и их активного участия в преобразованиях невозможно. А значит, переоценка отношения к крестьянству, возрождение крестьянства – это веление времени.

Мы видим задачу философской науки в том, чтобы осмыслить процессы, происходящие в сознании постсоветского крестьянства, выявить наиболее устойчивые новые тенденции взаимодействия социального сознания в целом (мировоззренческих ориентаций, в частности) и общественно-бытия, а нашу – и в том, чтобы сделать эти выявленные тенденции достоянием не только философских кругов, но и широкой общественности.

В первой главе предлагаемой книги «Категория “мировоззренческая ориентация” и ее социально-философский смысл» анализируется содержание основных понятий, раскрывается диалектика мировоззренческих ориентаций и менталитета.

Опираясь на художественные произведения, отражающие «подлинную правду жизни» (Г. Успенский) пореформенной России, документы, работы видных государственных деятелей, труды историков и философов, мы обращаемся к «источнику, т. е. к мужику» (Г. Успенский), к Деревенской Руси. Чаяния и стремления многомиллионного русского крестьянства, обманутого в 1861 г., получившего «освобождение» без земли, оказавшегося в крайней нищете, под гнетом помещиков и новых эксплуататоров-капиталистов, рассматриваются во второй главе «Мировоззренческие ориентации русского крестьянства дореволюционной России». Анализируя механизм действия крестьянской общины, мы раскрываем здесь особенности менталитета русского крестьянства, его мировоззренческие ориентации.

1917 г., несмотря на внешние проявления, не означал радикального и полного разрыва с прошлым: разрыв был в плане политическом, в структурных же изменениях общественной жизни скорее просматриваются элементы преемственности, усиление архаичности и поэтому имеются все основания говорить об эволюции общественного сознания, в частности мировоззренческих ориентаций русского крестьянства. Исследованию этой эволюции посвящена третья глава «Трансформация мировоззренческих ориентаций советского крестьянства».

Четвертая глава «Динамика мировоззренческих ориентаций сельского населения постсоветской России» представляет собой попытку социально-философского анализа состояния российского общества конца XX в. и отражения процессов, происходящих в нем.

Эмпирический материал исследования основывается, прежде всего, на социально-философских и теоретико-методологических «срезах» темы. Включает работа и эмпирический базис: результаты социологических исследований, проведенных в разные годы (в том числе под нашим руководством или при личном участии), и вторичного анализа данных социологических опросов различных исследовательских коллективов (НИЦ комплексных социологических исследований АН СССР, АОН при ЦК КПСС, НИЦ при Институте молодежи АОН, ВЦИОМ, Центр исследования ценностей при Институте философии РАН, Аграрный институт РАСХН и т. д.), данные всесоюзных переписей населения, статистические материалы государственных комитетов и ведомств СССР и РФ, публикации периодических изданий.

Для удобства читателя приведены необходимые приложения, где представлены модели МО разных категорий населения (прил. А), модели МО русского крестьянства начала XX в. (прил. Б), справка ОГПИУ «Кулацкий террор» (прил. В), модели МО советского крестьянства в динамике (прил. Г), данные Свердловского областного управления сельского хозяйства за 1993 г. (прил. Д), структура МО сельских жителей конца XX в. (прил. Е), тематика и краткое описание проведенных под нашим руководством либо при нашем участии исследований (прил. Ж).

Список использованных аббревиатур

- АКХ – Ассоциация крестьянских хозяйств
- АО – Аграрное общество
- АН СССР – Академия наук СССР
- АОН – Академия общественных наук
- АПК – Аграрно-промышленный комплекс
- АПО – Аграрно-промышленное объединение
- АРА – American Relief Administration (Американская администрация помощи)
- ВСНХ – Всероссийский совет народного хозяйства
- ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
- ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения
- ГКО – Государственный комитет обороны
- ГУЛАГ – Главное управление лагерей
- ДВК – Дальневосточный край
- ЖО – жизненная ориентация
- ЗАО – закрытое аграрное общество
- ЗОО – акционерное общество закрытого типа
- ИП – историческая память
- ЛПХ – личное подсобное хозяйство
- Минюст – Министерство юстиции
- МО – мировоззренческая ориентация
- МТС – машинно-тракторная станция
- МЭРТ – Министерство экономического развития и торговли РФ
- НВК – Нижневолжский край
- НГК – Нижегородский край
- НИЦ – научно-исследовательский центр
- НО – научная ориентация
- НрО – нравственная ориентация

НцО – национальная ориентация
ОАО – открытое аграрное общество
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
ООО – общество с ограниченной ответственностью
ОС – общественное сознание
ПатрО – патриотическая ориентация
ПО – политическая ориентация
ПрО – правовая ориентация
РАГС – Российская академия государственной службы
РАПО – районное агропромышленное объединение
РАСХН – Российская академия сельскохозяйственных наук
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РО – религиозная ориентация
РПЦ – Русская православная церковь
СВО – Северо-Волжский округ
СЖ – смысл жизни
СКК – Северо-Кавказский край
СНК – Совет народных комиссаров
СО – социальная ориентация
СЭВ – Совет экономической взаимопомощи
ТОЗ – товарищество по совместной обработке земли
ТОО – товарищество с ограниченной ответственностью
УрГСХА – Уральская государственная сельскохозяйственная академия
УрСХИ – Уральский сельскохозяйственный институт
ЦДООСО – центр документации общественных организаций Свердловской области
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦКК – Центральная контрольная комиссия
ЦК КПСС – Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦО – ценностная ориентация
ЦЧО – Центрально-Черноземный округ
ЭкО – экологическая ориентация
ЭО – экономическая ориентация
ЭсО – эстетическая ориентация

Глава 1. КАТЕГОРИЯ «МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ» И ЕЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ

§1. Проблема типологии мировоззренческих ориентаций

Проблемы типологии¹ возникают, когда исследователю приходится иметь дело с разнородными по составу множествами объектов (или множеством определений конкретного объекта) и решать задачу упорядоченного описания и объяснения этих множеств. Исследователь выделяет сходства и различия изучаемых объектов, стремится отобразить строение (структуру) исследуемой системы, выявить ее закономерности, позволяющие предсказать существование неизвестных пока объектов (или свойств).

В данной работе мы исходим из понимания типологии как методологического средства¹, что открывает возможность использования поливариантности различных моделей для исследования системы мировоззренческих ориентаций.

Решение проблемы типологии мировоззренческих ориентаций невозможно без обращения к некоторым исходным понятиям.

В философской и социологической литературе понятия «ориентация», «мировоззренческие ориентиры», «мировоззренческая ориентация», «ценностная ориентация», «социальная ориентация» широко используются, но трактуются по-разному. Поэтому возникла потребность в выборе точки отсчета, т. е. определения, позволяющего осуществить анализ МО русского крестьянства.

Социальный феномен *ориентации* достаточно сложен, и сложность эта порождена многогранностью взаимоотношений в системе

¹ «Типология (от гр. *tipos* – отпечаток, форма, образец и *logos* – слово, учение) – 1) метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной идеализированной модели, или типа... 2) особое методологическое средство, с помощью которого строится теоретическое объяснение. При этом происходит сдвиг в трактовке типа, который выступает... как результат сложной теоретической реконструкции исследуемого множества объектов, объединяемых с помощью методов типологии» [177, с. 685].

«субъект–объект» в процессе конкретной деятельности. Кроме того, при изучении ориентации необходимо учитывать взаимозависимость познавательных и практических отношений субъекта познания и субъекта действия.

Формирование ориентации происходит в процессе познания людьми определенной сферы действительности, в ходе которого проявляется практическое отношение к миру, определяются пути и средства достижения цели [18, с. 9].

Будучи имманентно присущей любому виду человеческой деятельности (природообразующей, социообразующей и духовно-образующей), ориентация представляет собой этап подготовки к ней, является связующим звеном между субъектом и объектом, обеспечивая превращение идеи (замысла) в определенное действие. В результате ориентации человека в действительности предметы, процессы (объект) соотносятся со всей системой разнообразных человеческих потребностей и интересов – материальных и духовных (субъект).

Приняв определение ориентации как одного из видов целесообразной человеческой деятельности [18, с. 9; 121, с. 74–95], соотнесем его с наиболее удачными, на наш взгляд, определениями понятий ЦО, СО, мировоззрение, определим МО и предложим вариант структуры МО.

Из множества дефиниций мировоззрения выберем наиболее общую, философски емкую, которая дана Л. А. Мясниковой в новом философском словаре: «Мировоззрение – концептуально выраженная система взглядов человека на мир, на себя и на свое место в мире» [158, с. 488]. Такое понимание мировоззрения, на наш взгляд, отражает тот факт, что *мировоззрение* в его общем виде интерсубъективно и безличностно.

На каждом историческом этапе духовной истории человечества сосуществуют мировоззрения, в разной степени сложившиеся и по-разному влияющие на людей. Причем любое мировоззрение в любой фазе своего развития имеет множество вариаций. Отсюда с необходимостью вытекает, что, во-первых, ни один из индивидов не выступает носителем исторического типа мировоззрения во всей его полноте, а, во-вторых, поливариантность общественного мировоззрения на уровне индивида превращается в источник дальнейшей эволюции самого общественного мировоззрения. Общественно-историческая практика *задает* мировоззрение, но отнюдь *не дает* его человеку. Выработывает ми-

ровоззрение, шлифует его, придает ему общезначимый характер и меняет ориентиры он сам [103, с. 119].

Человек в своей общественно активной деятельности, в своем поведении, в отношениях к людям и обществу выступает в единстве всех своих мировоззренческих сторон, богатстве интеллектуальных, эмоциональных и волевых качеств. Поэтому в определенном смысле можно утверждать, что *мировоззренческая характеристика человека* есть его *личностная характеристика* [108, с. 27], есть самосознание человека, выражение отношения ко всем событиям и явлениям жизни, с которыми ему приходится сталкиваться.

Мировоззрение имеет сложную структуру. Об этом подробно написано в ряде известных работ [3, с. 11–12; 42, с. 6–7; 60, с. 165–166; 158, с. 489; 188, с. 127–145], поэтому мы специально останавливаться на этом вопросе не будем. Только отметим наиболее часто упоминаемые *типы мировоззрения*: философское, научное, ненаучное, религиозное, художественное, мифологическое, народное, так как некоторые из них оказались в поле нашего исследования, и три *уровня мировоззрения*: когнитивный (рассудочный), эмоциональный (аффективный) и поведенческий, которые обеспечивают три *типа отношения* сознания к миру – познавательное, ценностное и практическое.

На *когнитивном уровне* происходит процесс осмысления и осознания человеком мира и своего места в нем, цели и смысла жизни и деятельности; *эмоциональный уровень* мировоззрения выступает в качестве фактора, выражающего ориентацию и отношение человека к действительности; на *поведенческом уровне* происходит определение (выработка) линии поведения и деятельности. Уровни диалектически взаимодействуют между собой и воплощаются в структурных элементах мировоззрения: взглядах, представлениях, принципах, убеждениях, идеалах. Конструирующим моментом мировоззренческой системы является ее социальное назначение, а системообразующим фактором – принцип единства теории и практики.

Основное назначение мировоззрения состоит в том, чтобы служить личности, группе, обществу жизненным *ориентиром*, быть надежным путеводителем во всей практической деятельности людей. Проявляется назначение мировоззрения в его функциях.

Целесообразно говорить о трех имманентных мировоззрению функциях: гносеологической, методологической и социальной, нахо-

дящихся в единстве и взаимосвязи, «срабатывающих» как целостная регулятивная система в сознании и поведении личности и обеспечивающих регуляцию познавательной и практической деятельности «изнутри» [42, с. 45]. *Гносеологическая функция* помогает личности в процессе познания адекватно отражать объективный предмет. *Методологическая функция* осуществляется через идеи и принципы, которые служат основой для разнообразных методов, приемов, подходов к освоению действительности. Социальная функция состоит в том, чтобы служить жизненным ориентиром личности, группе, обществу в непосредственной деятельности.

Каждая из мировоззренческих функций содержит *подфункции*. Социальная функция, например, конкретизируется в ориентирующей, оценочной и прогнозирующей подфункциях. Ориентирующая подфункция дает возможность а) выбора наиболее оптимальных путей решения общих и частных проблем в личной и общественной жизни; б) поиска наиболее рациональных способов решения этих проблем; в) обретения гармоничного единства целей и средств в достижении желаемого результата. При этом человек соотносит свое поведение, познавательную и практическую деятельность с существующими в обществе социальными и моральными установками; это – реализация оценочной подфункции. Ориентирующая подфункция состоит в выработке человеком жизненной позиции, деятельного отношения к миру, соответствующего его личному и общественному интересам [42, с. 45, 48, 50–51]. Прогнозирующую подфункцию можно назвать гуманитарной, так как мировоззрение должно играть адаптационную, жизнеутверждающую роль для каждого индивида, способствовать формированию гуманистических ценностей и идеалов, утверждению позитивного смысла и цели жизни.

Исходя из сказанного можно определить мировоззренческую ориентацию как проявление интересов и потребностей индивида в социально значимых целях и средствах деятельности. И в этом смысле понятие МО совпадает с понятием социальной ориентации, интерпретируемым как процесс формирования общей направленности личности, реализующейся в жизненных планах, осознание социальным субъектом своего места и роли в социальной общности и в обществе в целом, определение своего отношения к этой общности, направления своей деятельности [18, с. 10].

Определив МО, попытаемся соотнести ее с ценностной, политической, жизненной, нравственной, религиозной, эстетической, правовой, духовной ориентациями, т. е. смоделировать определенную структуру МО.

Наиболее близким, по мнению ряда авторов, к МО является понятие ЦО, определяемое как система устойчивых представлений о предпочитаемых, избираемых личностью или какой-либо человеческой общностью в качестве важных, необходимых, полезных для себя материальных и духовных благах и идеалах, а также о наиболее эффективных способах их получения [102, с. 36], как система аттитюдов, установок на определенный тип поведения, как направленность на определенные нормы и ценности [86, с. 42]. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые считают МО категорией более широкой, нежели ЦО, и включающей в себя кроме последней социально-политическую, религиозную, нравственную, эстетическую, научно-теоретическую ориентацию человека.

В отечественной литературе существует несколько подходов к структуре мировоззренческих ориентиров. Так, например, В. И. Дрыгин говорит, во-первых, о *гносеологической ориентации*, включающей знания, содержащей определенное понимание (и объяснение) взаимоотношений человека с окружающим миром, а также ориентирование на деятельность по отношению к социальной и природной среде; во-вторых, о *методологической и идеологической ориентациях*, формирующихся на основе действия мировоззренческих принципов и убеждений как внутренняя ориентация человека в жизни, в практической деятельности; в-третьих, о *ценностной ориентации*, задаваемой потребностью и интересом [42, с. 21, 23, 24]. Философский энциклопедический словарь определяет мировоззрение как систему «взглядов на объективный мир и место в нем человека, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, *ценностные ориентации* (выделено мною. – Л. П.)», как «общее понимание мира, человека, общества, определяющее социально-политическую, философскую, религиозную, нравственную, эстетическую, научно-теоретическую ориентацию (выделено мною. – Л. П.)»

[177, с. 375]. В определении просматривается особая роль ЦО. Действительно, ЦО имеет универсальный характер (в результате ценностной ориентации человека в действительности объекты соотносятся со всей системой разнообразных человеческих потребностей – материальных и духовных), составляет интегральный стержень МО и совпадает с понятием «духовная ориентация», которая рассматривается как «осознаваемые или неосознаваемые предпочтения одних идеалов и ценностей другим, осознаваемую или неосознаваемую направленность человеческой активности на достижение тех или иных целей в процессе обыденной жизни и профессиональной деятельности» [102, с. 68].

В литературе используется и понятие *жизненной ориентации*, интерпретируемой как разновидность ЦО и характеризуемой устойчивой направленностью индивида, группы на определенные сферы деятельности и образа жизни [169, с. 48]. Кстати, это понятие может породить свою классификацию ориентаций, любая из которых может быть рассмотрена как своеобразный практический выход человека в сферу определенных общественных отношений. Так, *политическая ориентация* используется для характеристики политического самоконтроля субъекта в конкретное время и в конкретных условиях политических реалий, как функция от политической культуры [16, с. 7; 102, с. 42]; *религиозная ориентация* представляет специфическую направленность деятельности личности в связи и в соответствии с определенным вероучением, в основе которой лежит убеждение, что высшее и абсолютное выражение ценности – в боге, который выступает как совершенные истина, справедливость, добро, красота [6, с. 528–529] и т. п.

Существует и другой подход, согласно которому жизненная ориентация имеет под собой две «опоры»: знания и ценности, во многом «полярные», противоположные по своей сути: цель знаний – постижение истины, назначение ценностей – формирование идеалов [23, 41, с. 24]. Мы придерживаемся первого подхода.

Определив основным объектом нашей работы исследование МО русского крестьянства, мы будем говорить о ценностной, нравственной, религиозной, политической, эстетической, экономической, правовой и т. п. ориентациях как о структурных элементах МО, которые

четко проявляются и эволюцию которых можно будет проследить и проанализировать.

Попробуем смоделировать *структуру* МО в виде обыкновенной «пирамиды» (рис. 1), в основании которой лежат потребности и интересы, стержнем является ЦО, вершиной – «смысл жизни» как наиболее общее представление о месте человека в мире и его предназначении, «колечки» представляют различные элементы МО, а величина их определяет условную долю этого элемента в общей структуре МО¹. Так, исторически формировавшаяся модель МО может иметь, например, следующий вид (рис. 2).

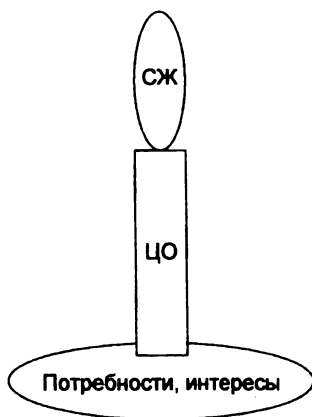

Рис. 1. Основа модели МО

Выше отмечалось, что общественно-историческая практика *задает* мировоззрение, а *не дает* его человеку. Выработывает мировоз-

¹ Условная «доля» рассчитывается по формуле

$$R_j = \frac{R_1 + R_2 + \dots + R_n}{n},$$

- где R_j – средний рейтинг ориентации в ответах;
 J – название соответствующей ориентации;
 R_1 – рейтинг ориентации в первом источнике информации;
 R_2 – рейтинг ориентации во втором источнике информации и т. д.;
 R_n – рейтинг ориентации в наших исследованиях;
 n – количество использованных источников информации.

зрение, шлифует его, придает ему общезначимый характер, меняет ориентиры (наращивает «годовые кольца») он сам.

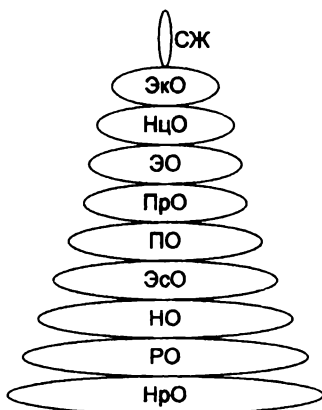

Рис. 2. Исторически формировавшаяся модель МО

И поэтому «пирамида» МО другой личности будет иметь другую форму¹ (даже при условии использования того же набора «колец») (см. прил. А). МО, с одной стороны, отражают момент выбора предмета конкретной потребности (через ЦО), накопленный опыт, систему прошлых установок, а с другой – выступают как наиболее сложный вид опережающего отражения. И в этой связи хочется отметить достаточную неустойчивость моделей, представленных в прил. А на рис. А 3, А 4, из которых, в свою очередь, более неустойчивой является модель «МО современного сельского жителя».

§2. Мировоззренческие ориентации крестьянства и менталитет

В отечественной науке существует несколько подходов к изучению *крестьянской ментальности*: *экологический*, основанный на почвенно-климатических особенностях Российской равнины [28, с. 25–29; 100, с. 40–56]; *этнокультурный*, близкий к отождествлению крестьян-

¹ Модели составлены на основе опубликованных социологических и статистических материалов и результатов собственных исследований [3; 5; 15; 18; 40; 45 и др.].

ского сознания с религиозной верой [63, с. 32–44; 115; с. 30–33; 130, с. 181–185; 170, гл.4] *исторический*, выводящий ментальность крестьянства из общинной организации [8; 37; 101; 117; 194] и т. п. А между тем изучение ментальности по определению предполагает решительный отказ от подобной дедукции: и практика, и все формы поведения личности должны быть рассмотрены как производные от тех инвариантных образов и представлений, с помощью которых индивиды осмысливают мир и свое место в нем, т. е. востребует *философский* (или более широко – *мировоззренческий*) подход. Ведь понятия «менталитет», «ментальность», «крестьянская ментальность», «русская ментальность», «российская ментальность» суть понятия, обозначающие онтологические основы жизни этноса, социально-экономической группы, слоя.

Вопросы онтологии неизбежно связаны с метафизикой, которая нас интересует прежде всего как философское учение о предельных, сверхопытных принципах начала бытия. *Метафизический объект* – это такой объект, в существовании которого мы убеждены, но вместе с тем осознаем невозможность его познания научно-философскими методами в пределах возможного опыта. *Менталитет* – метафизический объект. Поэтому, осознавая трудность выявления предикатов такого объекта, мы не отказываемся от попыток познания его, будучи уверенными в единой природе того или иного этноса (социального слоя): безотносительно к тому, познали мы ментальность или нет, она определяет органичную связь народа, его имманентное единство.

Так что же такое «менталитет», «ментальность»? существует ли единая ментальность для всех этносов? Эти и другие вопросы занимали и занимают умы многих ученых мира.

Термин «менталитет» встречается уже у Р. Эмерсона (1856), но свое продуктивное и многоплановое развитие понятие ментальности получило во франкоязычной гуманитаристике. М. Пруст, отмечая его новизну, с симпатией включил неологизм в свой словарь, заодно проникая в дотоле невиданные пространства, за ним предугадываемые [156, с. 177]. В научный оборот слово «менталитет» (*mentalite*) ввел этнограф и психолог Леви-Брюль, выделив в одной из своих основных работ («Первобытное мышление») два типа менталитета – дологический (связан с мышлением первобытных людей) и логический (связан с европейской традицией рационального мышления). С его

подачи в первые десятилетия XX в. термин использовался по отношению к приматам и жителям первобытных обществ [176, с. 17].

Следующий этап в эволюции термина и разработке концепции ментальности представлен работами французского историка Ж. Лефевра, который предложил в качестве объяснительного средства концепт «коллективной ментальности», говоря о поведении масс в кризисные периоды. Исследуя поведение «революционной толпы», он показал, что за идеолого-политической «событийной» историей скрывается ее глубинный источник – подчиненная особым закономерностям динамика коллективной ментальности.

Основатели журнала «Анналы» М. Блок и Л. Февр в 1938 г. выдвинули идею объединения усилий историков и психологов в изучении менталитета. М. Блок определил привязанность крестьян к рутинным методам хозяйства как проявление «коллективного менталитета», где экономический расчет бедных крестьян играл не последнюю роль. А Л. Февр в статье «История и психология» (1938) поставил задачу «инвентаризировать, а затем воссоздать духовный багаж, которым располагали люди изучаемой эпохи; с помощью эрудиции, а также воображения восстановить во всей его *цельности* физический, интеллектуальный и моральный образ эпохи, в которой зрели предшествующие ... поколения» [цит. по: 34, с. 25].

В манифесте школы «Новых Анналов» (1946) Л. Февр подчеркивает, что мыслительные установки и привычки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений без ясного осознания этого, формируя историю и самого человека. Менталитет мыслится им как исторически складывающаяся структура.

Концептуально термин «менталитет» оформлен Ф. Броделем. Его исходной посылкой было признание ментальности как наиболее устойчивой детерминанты всех сфер повседневности, как жизненного мира, объединяющего область материальных процессов и предметов с областью сознательных и бессознательных проявлений человека в истории¹ [32, с. 175].

1960–1970 гг. характеризуются повышенным интересом к изучению менталитета. В монографии о крестьянстве Легендока Леруа Ла-

¹ Позднее этот вопрос проработал Ле Гофф: «Инерция является исторической силой исключительного значения. Менталитеты изменяются более медленно, чем что-нибудь другое, и их изучение учит, как медленно шествует история» [цит. по: 34, с. 25].

дюри писал, что, изучая серийные источники о землевладении за четыре века, «мог ощущать огромное дыхание социальной структуры» [193, с. 88].

Изменяясь с общим движением исторической науки, понятие менталитета «воплощает собою скорее форму восприятия историков, чем четко обозначенный предмет исследований» [136, с. 58]. Одной из интереснейших форм этого движения является движение через национальные границы. Так, англичанин Е. П. Томсон исследовал «моральную экономику толпы XVIII в.». Выдвигая на первый план классические отношения, он защищал честь бунтовщиков, «раскрывая нечто общее в менталитете деревенских баб и мировых судей и их соседей из простого народа [37, с. 33]».

Концепция *коллективной ментальности* нашла свое развитие в трудах известного философа, социолога и психолога Э. Фромма, который ввел понятия «*социальный характер*», «*рыночный характер*» и др., аналогичные по своей сути понятиям коллективного и индивидуального менталитета. В своей известной работе «Бегство от свободы» (1941) он предложил модель взаимодействия социальных, экономических и психологических факторов, предполагающую между ними систему двойных связей [179]. «Согласно такой модели, все *социально-экономические и политико-идеологические мотивы активности людей имеют шанс на успех в истории лишь при условии их “резонанса” с социопсихологической аурой*, в которой они действуют. Иными словами, “рацио” структурировано как жизнеспособное образование на матрице социально значимой “эмоцио”, причем их локальное комплектование может перерасти в “глобальное” по автокаталитическому механизму» [156, с. 178].

Создавая подобного рода модели и концепции менталитета, ученые Запада способствовали становлению нового методологического поля в гуманитарном знании. А что же у нас в России?

Несколько лет назад Б. Н. Миронов заявил: «Вся мировая историография, вслед за французской школой Анналов, уже несколько десятилетий внимательно занимается менталитетом разных сословий и классов. Это считается исследовательской задачей первостепенного значения. А советские историки только начинают заниматься этой проблемой» [104, с. 429–430]. Получается, что Россия опять отстает от своих передовых «коллег»?

Это так и не так. Еще до этих западных авторов Ф. М. Достоевский, не употребляя термина «менталитет», по существу сформулировал его основные смысл и значение. «Есть идеи, – писал он, – невысказанные, бессознательные и только лишь чувствуемые, таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, – до тех пор только и может жить сильнейшей живой жизнью народ. В стремлении к выяснению в себе этих сокрытых идей и состоит вся энергия его жизни. Чем непоколебимее народ содержит их, чем менее склонен изменить первоначальному чувству, чем менее склонен подчиняться различным и ложным толкованиям этих идей, тем он могучее, крепче, счастливее» [41, с. 196].

К числу таких глубинных, «сокрытых в русском народе идей» Достоевский относил идею «бесперывного покаяния и самосовершенствования», идею всеобщей ответственности, взаимопомощи и всеобщих «братских связей» [41, с. 196–197]. Эта «чисто русская идея» «братских связей» и подлинного христианского единения лежит, по Достоевскому, в основе развития России.

Г. И. Успенский, по собственному утверждению, обнаружил сущность, внутреннюю цельность и резонность крестьянской жизни, когда положил в основание всей организации ее земледельческий труд [174, с. 105].

Строгое терминологическое употребление понятия «менталитет», связанное с конкретной исследовательской перспективой, в работах отечественных ученых-гуманитариев встречается не часто (хотя слово и появляется в многочисленных публикациях). Косвенно, не определяя предмет своего исследования как ментальность, содержательно работали с историческими формами мышления М. М. Бахтин, В. С. Библер, С. И. Великовский, В. В. Кизима, Л. Е. Куббель и др.

В ранге категории используют ментальность историки, культурологи, философы истории, знакомые с трудами французских историков, рассматривающие бытие всех конкретных культурных систем сквозь призму единого основания их ментальности. Прежде всего, видимо, следует назвать А. Я. Гуревича, для которого анализ ментальных структур представляет собой ключевой момент анализа культурного облика любой исторической эпохи [34], а все проблемы истори-

ческого исследования связаны с задачами возрождения духовной жизни. В учебнике для школы «История средних веков» А. Я. Гуревич и Д. Э. Харитонович определили «ментальность как социально-психологические установки, способ восприятия, манеру чувствовать и думать». *Менталитет*, пишут они, *выражает повседневный облик коллективного сознания*, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных усилий мыслителей-теоретиков [31, с. 39].

Привлекают категорию ментальности в описании тоталитарного и посттоталитарного общества А. Захаров, Н. Любомирова, Э. Надточий, А. Подорога, М. Рыклин, М. Ямпольский и др. В этой связи заслуживает внимания диссертационная работа М. В. Калужской «Тоталитарная ментальность: опыт философско-политического анализа», защищенная в 1993 г. в Екатеринбурге. Автор, определив менталитет «как систему устойчивых мыслительных приемов, способов производства смысла, представляющую собой структурный элемент культуры» [53, с. 10], рассматривает *тоталитарную ментальность как продукт взаимодействия идеологии с властными структурами*. «Тотальная ментальность определяет нормы и границы тоталитарной культуры, представляя собой механизм ее воспроизведения и сопротивления» [53, с. 12].

Несомненный интерес представляют материалы «круглого стола» «Российская ментальность», проходившего в начале 1993 г. в редакции журнала «Вопросы философии», и материалы Международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.)» (Москва, 14–15 июня 1994 г.), изданные в 1996 г. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. В предисловии сборника отмечено, что помимо историографических подходов участники конференции обсудили ряд аспектов: анализ системообразующих факторов менталитета русского крестьянства; влияние природно-географического фактора; влияние общинных структур и различных форм их трансформации; воздействие на менталитет специфических проявлений власти и государства, а также владельца крестьянских душ (феодала), земельного собственника и т. п. Было уделено внимание фактору влияния политической борьбы в обществе и политических структур, воздействию экономики (как натуральной,

так и рыночной), влиянию религии, просвещения, традиций уклада жизни, культурно-историческим факторам и т. п.

Хотелось бы остановиться на некоторых материалах «круглого стола» «Российская ментальность», где был представлен широкий диапазон заявленных тем.

Вызывает интерес оригинальное выступление доктора философских наук Г. Д. Гачева «Ментальность или национальный космопсихоз» [28], в котором структура национального целого представлена как «Космо–Психо–Логос», как единство национальной природы (Космос), национального характера народа (Психея) и склада мышления (Логос). Говоря о «русской ментальности... мы, естественно, танцуем не от индивидуального “Я” и его *cogito*, но улавливаем его приемы к некоему Целому. И это дыхание Целого исходит на мой Логос, на мою мысль» [28, с. 26]. Задавшись вопросом «Что такое русский Космос?», Г. Д. Гачев представляет и его структуру. Это – «Мать-сыра земля Россия» («природина»); она «рождает русский народ, который ей и сын, и муж». Более того. «В России, – считает Гачев, – женское начало обслуживается двумя мужскими – Народ и Государство... И эта триада субъектов действует, пока существует русское “Целое”» [28, с. 28, 29].

Особенности русской ментальности ученый видит в особенностях соотношения Пространства и Времени. В России – гигантское пространство, «бесконечный простор», а для времени применяется обычно западная мерка. «А у нас такт кровообращения-то иной... И психика русского человека замедленная... Несоответствие шага Пространства и шага Времени сказывается и в русском Логосе»: «в нем естественен задний ум» [28, с. 27].

Серьезному анализу подвергается столь привычное «Умом России не понять». Показано, что рассудочная логика (строгая философия) не присуща России: Русский Космос хорошо постигается русской литературой. И философия у нас всегда на грани художественной литературы или религиозной.

Рассматривая второй субъект русского бытия – *Государство*, Гачев отметил, что обычно оно строится по западным образцам, *излучает жестко рассудочный логос и им обслуживается «живое бытие».*

Третий субъект – Народ-«светер». Его логос, по мнению философа, – это песня, поэзия, матерный блатной язык и безмолвие, в поле

которых бьется логос русской Личности, Слово России... И здесь тоже интересная находка – формула русской логики «Не то, а...» (на Западе: «Это есть то-то»). Русский ум, как отмечает Гачев, начинает с какого-то отрицания, отвержения, взяв, как правило, с Запада готовую данность (например: «Нет, я не Байрон, я другой»). Он предложил *модель-схему Русского Космоса*: это Путь-дорога, Русь-тройка, космодром в однонаправленную бесконечность. И в этом он видит корни «незавершенки» во всей русской культуре и задушевной мечты русской души – начать все снова, жизнь – сначала.

Доктор философских наук И. К. Пантин в выступлении «Национальный менталитет и история России» [115], определил *менталитет как выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны*, как некое единство характера исторических задач и способа их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. И далее: «Менталитет – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения многих миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [115, с. 31].

Учитывая «пестроту» понятия, И. К. Пантин предлагает взять в качестве рабочей гипотезы понятие «менталитет нации». Он выделил две сквозные линии истории России, свойственные ей на протяжении нескольких столетий. Это, во-первых, борьба за объединение Руси, за выживание страны перед лицом нашествия иноземных полчищ, и, во-вторых, модернизация народного хозяйства, обновление общества и экономического строя («европеизация»). Далее отмечено, что большинство проблем страны решала с помощью «сильной власти»; отсюда и такая черта русской ментальности, как преобладание монархической традиции в сознании народных масс, которая, в конечном счете, помогла придти к власти большевикам в 1917 г.

Еще со времен Ивана Грозного Россия стремилась на Запад, чтобы завоевать выход в Балтийское море, а с периода правления Петра I, осуществившего это, «начинается настоящее участие России в политическом концерте европейских держав»; именно в связи с Петром мы можем говорить уже о «догоняющем развитии», «догоняющей модернизации» как особом типе экономического и социального движения России. Вслед за Петром революцию «сверху» осуществил Александр II, а в XX в. – большевики. Пантин объединяет эти собы-

тия в единую эпоху – эпоху «великих реформ», имеющих в начале своем, как правило, поражение в войне, и отмечает наличие некоего «инварианта исторических изменений», характерного если не для всей российской истории, то, по крайней мере, для последних трех веков. Суть инварианта заключается в том, что вестернизация оказывалась обычно делом меньшинства народа, «европеизация» ограничивалась изменением внешних аспектов общественной жизни и *превращалась в освобождение из одного рабства во имя другого*. Этим он объясняет тот факт, что «простому человеку» в России не достаёт глубокого чувства своей самостоятельности и ответственности, что он не имеет правильного понятия о свободе, не осознаёт грани компетентности государства и компетентности гражданского общества: на протяжении веков его *главное желание заключается в том, чтобы правительство управляло им для него, а не против него*. А так как это невозможно, в конечном счёте «возникает своеобразная историческая инерция», которая проявляется в осуществлении реформационных процессов в России: почти всегда смелые реформаторские замыслы колоссально ускоряются вначале для того, чтобы потом смениться периодом контрреформ, вызванных тем, что вливания «в умы и быт россиян гигантскими, героическими дозами» достижений мировой культуры «народ просто-напросто не может сразу переварить». И в этом смысле, подчёркивает И.К. Пантин, всегда имеется почва для контрреформ и попятных движений [115, с. 32–33].

Своеобразна гипотеза доктора философских наук В. П. Макаренко о том, «что для российского менталитета власть – это дьявольская сила», так как «система социальных представлений выступает как регулятив человеческого поведения, независимо от того, принимаем мы их или отвергаем» [92, с. 40]. Он утверждает, что язык несёт в себе культурно-оценочные компоненты. Используемый язык и его выразительные возможности предопределяют, в известном смысле «строят», то общество, в котором мы живём: языковой строй обнаруживает специфику менталитета. Далее. Менталитет обнаруживает себя и как фактор политического процесса, и как когнитивный фактор. На всем протяжении русской государственности формировались такие его особенности, как общинность, соборность и православная вера, в 30-е гг. XIX в. объединённые канонической государственной формулой «*православие, самодержавие, народность*». (В годы

советской власти триада превратилась в диаду «*партийность и народность*». Но суть сохранена: роевое, общинно-государственное начало в противовес «гнилому индивидуализму Запада».) Ученый выявил в связи с этим и другие *особенности русской ментальности*. Это, во-первых, психология осажденной крепости, во-вторых, изолированность и связанный с нею мессианизм. Из этих черт, по его мнению, вырастают российский утопизм, неприятие жизни сегодняшней и даже завтрашней во имя жизни послезавтрашней. Футуралистический мессианизм имеет два полюса: один – высокая мечта и жажда всемирной гармонии и другой – готовность жертвовать собой (отсюда проистекает идея социальной жертвенности).

В подтверждение своих выводов В. П. Макаренко приводит слова из «Письма к издателю “Колокола”», жестко характеризующие нашу ментальность: «Забота о будущем не в нашем духе; *на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество*, будем социалисты, демократы, будем говорить о высокой честности с глазами в крови; на деле – боимся всякого труда, высокой мысли, живем настоящей минутой: наш чиновник ворует для того, чтобы покутить... наш мужик работает, чтоб кваску напитокся. Даже материальной заботы о будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцем, он предмет насмешки и неприязни» [92, с. 41]. В этой фразе гениально подмечен не свойственный, пожалуй, ни одной другой культуре разрыв между мечтой и реальностью («мечта о будущем» не есть «забота о будущем»: ради мечты можно страдать, сражаться и даже умирать, утешая себя мыслями «об общем деле», тем, что это «ради всех»). А забота требует самостоятельной деятельности и хлопотливого труда («на себя»), предполагает независимую личность, которая так и не выработалась в общей массе русского народа). Анализ завершается предположением о тех чертах российской ментальности, которые должны отойти в прошлое, и о тех, которые должны усилиться, «обновиться».

Наиболее близко к проблемам ментальности подошла группа современных исследователей, которые в своих диссертациях анализировали сущность духовных оснований социума, вопросы соотношения сознательного и бессознательного, общественное и индивидуальное мировоззрение, его универсальные модели, проблемы иерархии общечеловеческих ценностей и др. С. А. Патласов, например, понимая ментальность как нечто «общее, что лежит в основе сознательного», пока-

зав, что «феномен ментальности выступает глубинным, сложнофиксируемым источником веры, эмоций, чувств», что «в ментальности непосредственно содержатся образы мировосприятия, представления», дает определения человека как супранатуралистической, космоцентрической, теоцентрической, антропоцентрической форм ментальности [116, с. 12, 13]. Ни больше, ни меньше: человек – формы ментальности!

Не хотелось бы обойти вниманием и ряд дефиниций, «прозвучавших» со страниц сборников различных конференций [98]. Так, А. А. Петраков, размышляя над вопросом «Менталитет: благо или наказание?», трактуя менталитет как философско-экономическую категорию, приходит к выводу, что «менталитет в основе своей – это “Я”, мысль, сознание, ум», «всеобщая форма искания самоосуществления малым или большим коллективом, всем обществом» [98, с. 5, 9]. Философ Р. А. Разин вводит понятие «революционного менталитета» как менталитета правдоискательства, мессианства, поиска справедливости путем разрушения устоявшихся норм в обществе [98, с. 28].

Мы видим из приведенного обзора, что далеко не все авторы единодушны в трактовке менталитета и его различных аспектов. По большому счету это первое серьезное приближение к теме, и на данном этапе неизбежны разные мнения в понимании проблемы. И все-таки в ходе этого движения выясняются (вычленяются) какие-то основные моменты, определяется круг вопросов, которые нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. И, как нам кажется, в числе приоритетных может быть *концептуальная связка* «менталитет – мировоззрение» [125; 128; 160, с. 14–16].

Анализ данного явления мы проведем исходя из целостности крестьянского хозяйствования, социальной организации и духовности, единственности природных и социальных факторов человеческой жизни, так как крестьянское мировосприятие во всех своих этнокультурных проявлениях выражает эту слитность способа производства и образа жизни, сращенность производства средств существования с самим существованием, с воспроизводством человеческой жизни.

В глазах крестьянина *земледелие выступало космическим процессом* [28, с. 25–27], соединившим пространство и время, духовную и материальную среду, человеческий мир и мир природы. Со сменой языческих (натуральных) верований христианством (этической рели-

гией) хозяйствование на земле сохранило многие черты священнодействия, присущие язычеству. В русском крестьянине не только поселился христианин, но и сохранился язычник. И, может быть, в большей степени это был язычник, чем христианин: необычайная суровость климата, вечная сверхнапряженная ситуация ожидания хоть мало-мальских результатов тяжелого труда, обилие воздействия разнообразных факторов на этот результат порождали «языческую самодеятельность», погружая русского крестьянина в бездонный мир суеверий, примет, обрядов.

Подчинив все стороны жизни единому ритму, *аграрная обрядность становилась летоисчислением, крестьянским календарем*. Так, «лето» неслучайно обозначало в русском языке год: весь круговорот времени рассматривался сквозь призму этого главного сельскохозяйственного сезона, вмещавшего в себя период вегетации злаков («День летний год кормит»)¹.

Перерыв в сельскохозяйственных работах воспринимался как продолжение процесса: «работала» природа (земля «вынашивала» посева, дождь поливал их и т. п.). Зима тоже не была «пустым сезоном»: она предсказывала («зачинала») будущий урожай («Много снега – много хлеба»). Крестьянин пытался задолго до введения агротехники снегозадержания «помочь» природе специальными обрядами (например, символическая пахота по снегу). Обряды в полноте их космического значения могли исчезнуть, а приметы оставались, «помогая» подготовиться к новому сезону.

Перерывы в земледельческой деятельности («межсезонья») играли особую роль в воспроизводстве крестьянского социума, подчиняясь общему ритму бытия земледельцев – это было время свадеб и рождений. Единому ритму, в котором сливались производство средств производства и воспроизводство самой жизни, соответствовала аграрно-календарная обрядность, освящавшая живительную силу природы (плодородие земли, приплод скота, плодовитость людей).

Наиболее ярким воплощением этой живительной силы оставалась Земля-матушка. В ее культе всегда было место и самому земледельцу: крестьянин знал, что «Без хорошего труда нет плода», «Труд

¹ Здесь и далее пословицы приведены по кн. В. Даля «Пословицы русского народа» [35].

человека кормит, а лень портит», «Рукам работа – душе праздник» и т. п. *Крестьянская вселенная имела свои координаты, в основе которых лежала связь с землей.*

Родина воспринималась прежде всего как родная земля¹. *Хозяйственное отношение к земле проявлялось и в осознании крестьянами своего социального положения (СО). Хозяйствование на земле воспринималось патриархальным сознанием как космический процесс, в котором участвовали и сверхличные силы: Небо-отец, Ветер-господин, Дождь-кормилец, Солнце-князь, Луна-княгиня, Огонь-царь, Вода-царица, Земля-матушка. И поэтому результаты труда принадлежали не только человеку. В сознание крестьян входила идея сверхличной собственности как эманации всемогущества высших космических сил («земля божья», «все в руке божьей», «не земля хлебом кормит, а небо»). И они подчинялись тем, кого считали представителями этих сил: от заступницы Богородицы до царя-заступника («Русским Богом да русским царем свято русская земля стоит»), от «батюшки-государя» до «барина-батюшки».*

Таким образом, *в основе так называемого крестьянского царизма лежит один из глубинных стереотипов земледельческого восприятия верховной власти как носительницы космического порядка, объединяющего общество и природу в процессе воспроизводства жизни на земле («Царь-батюшка, Земля-матка», «Народ-тело, царь-голова»).*

Безначалие было синонимом безвластия, означало в крестьянском сознании хаос («Нельзя земле без царя стоять, без царя земля вдова»). Хаос, в свою очередь, *мог быть порожден и отсутствием у власти моральной (космической) санкции на правление: «За царские согрешения Бог всю землю казнит», «Народ согрешит – царь умолит; царь согрешит – народ не умолит»... Цари грешили, народ страдал, власть периодически укреплялась, порядок в правлении восстанавливался... А поле крестьянского «царизма» сужалось: угасала безотчетная вера в космические свойства самодержавия [178, с. 340].*

Разрушение одномерности крестьянской вселенной, превращение ее в многомерное историческое пространство имело и другие проявления: вместе с идеей космической власти *исчезало из крестьянского*

¹ 1) Происхождение от Земли-матушки; 2) отношение к поколениям предков, обрабатывающих ее; 3) принадлежность к общности людей – уроженцев этой земли.

сознания и представление о сверхличной собственности. Толкуя, что «земля Божья», крестьянин осознавал, что «кормит не земля, а нивка», «земля – тарелка, что положишь, то и возьмешь», т. е. он видел разницу между землей – территорией и землей – собственным продолжением («нивкой», «отчиной-дединой»).

Русской крестьянской ментальности присуще представление *о труде как первоисточнике имущественных прав* (ЦО). Право землепользования распространялось на все, «куда соха, коса, топор ходят». «Нерукотворные» объекты собственности психологически присваивались крестьянином в меру хозяйственных потребностей и трудовых усилий, затраченных на их удовлетворение. Отношение к природе (земледельческий труд) и отношение к обществу (принадлежность к земельной общине) делали такую санкцию само собой разумеющейся. И только затем возникла неприкосновенность как качество собственнического отношения. Возникло почти религиозное отношение к собственности.

Глубокий след в крестьянском менталитете оставила барщина, особенно ее распространение и развитие в конце XVIII – начале XIX в., когда она обрела свою классическую форму. *Барщина оказалась разрушительной для крестьянства не только в социально-экономическом, но и в культурно-историческом плане, отучая крестьян «жить своим умом»* [148, с. 42].

В сознание крестьянина прочно вошло противопоставление между «пахать на себя» и «пахать на барина». Работая на помещика, крестьянин стремился сберечь свои силы. Усиливалась невольническая привычка к отбыванию труда как наказания, формировалось безучастное отношение к тому самому делу, которое изначально воспринималось как призвание, составляло основу и смысл существования. Формировался социально-психологический тип «работника на земле» (в последовательных разновидностях батрака, поденщика, колхозника, труженика АПК), переставшего ощущать издревле освящавшую его усилия связь с сохранением и воспроизводством самой жизни. Развивалась та деформация сельского населения, которая превратилась в важнейший фактор «увекочивания» нынешней стагнации сельского хозяйства.

Были ритуализованы как неподобающие для работы («грех») некоторые дни, выпадающие даже на самый разгар страды. Изменилась

и психологическая доминанта праздничности: главной чертой праздника становилось состояние праздности, с самоценным пьянством и разнузданным куражом.

Реформа 1861 г. нанесла сокрушительный удар по целостности земледельческого «космоса». «Отрезав» у крестьян значительную часть обрабатывавшейся ими земли, она бросила вызов их исконным представлениям о собственности, согласно которым земля как «*божий дар*» («космическая» категория) *не может иметь цены и не может быть предметом купли-продажи!*.. Она распределяется миром между теми, кто ее обрабатывает, кто может приложить к ней свою руку. Таков нравственный императив социальной и физической выживаемости¹.

Восходящий к древнейшей норме пользования землей всяким на ней живущим, *принцип общинного земледелия обретает новый смысл*, освящая усиливающиеся корпоративистские и индивидуалистические притязания. Идеалы космического «лада», восстановление гармонической целостности и общей справедливости все более подвигали ее носителей к губительному «черному переделу», что свидетельствовало об углублении разрушительных изломов в крестьянской картине мира; с ее утратой создавалась опасность для существования и самого крестьянского мира. Крестьяне, в известной мере, стали жертвами собственного порыва: соединив стремление к воссозданию всеобщей справедливости с классовой ненавистью, «шквал общинного права» [49, с. 211] смел помещичье земледелие, позволив новой власти упразднить институт частной собственности на землю, а затем и крестьянское хозяйствование на земле.

Определившийся после 1861 г. *естественный ход аграрной революции начинал обретать «классическую форму семейного предприятия»* [93, с. 771]. Ведущую роль в консолидации крестьянской семьи как хозяйственного организма играло распространение товарно-денежных отношений, которые, дифференцируя крестьянство и этим разрушая облик крестьянской общины, одновременно способствовали воссозданию в новых условиях архетипических признаков хозяйствования на земле.

¹ Через полвека новая реформа, предложенная П. П. Столыпиным, затронув интересы и настроения большинства сельского населения, исходившего из незыблемости локального космического порядка с целостностью его ядра в виде комплекса угодий, разбилась о мощное чувство протеста против «несправедливости».

Принимая отдельные черты капиталистического предприятия, хозяйствование крестьянина на земле не подчинялось диктату принципа извлечения максимальной прибыли [125, с. 270–273]. Ценность денег связывалась с существованием общественных отношений: «Без хозяина деньги – черепки».

При господстве рыночных отношений крестьянское хозяйство сохранило частичную независимость от рынка, которая обеспечивалась внутридеревенским обменом ресурсами, продуктами и услугами. Коммерциализуясь, оно оставалось и квазинатуральным: задействованная в хозяйстве семейная рабочая сила (как и потреблявшиеся в семье продукты своего хозяйства) по-прежнему для крестьянского мировосприятия не имела цены: «Мужики не купцы, а крестьяне, работники хлебопахотные: им не капиталы копить, а выработать нужно... для семьи достатки, да за добрые труды быть словутными, почетными в миру, в обществе» [88, с. 145].

«Крестьянские бюджеты» включали только то, что «выходило» из хозяйства на рынок и что поступало с него. То есть *крестьяне продолжали руководствоваться традиционными оценками рентабельности в виде «трудо-потребительного баланса* (выделено мною. – Л. П.)» [181, с. 101], хотя последний уже не играл той ключевой роли, как при натурально-хозяйственной организации производства. Учет расходов, прикидка доходов органично внедряются в крестьянское хозяйство, поскольку представляют собой развитие элементов экономического рационализма, испокон веку присутствующих в крестьянском мышлении в виде соотношения посеянного и уродившегося.

Это особый исторический тип рациональности, ориентированной на максимум усилий и превышение его. В условиях рискованного земледелия основная ставка земледельца делалась на напряженный ритм, высочайший темп и невероятные усилия. Фатализм теснил максимализм, когда крестьянин оказывался в неблагоприятных социальных условиях, парализовавших его волю к хозяйствованию, и стимулировал наращивание трудовых усилий, поскольку крестьянин мог рассчитывать, что плоды их достанутся ему же.

В рыночной стихии крестьянин действовал так же, как в неконтролируемой природной стихии: что-то пытался предвидеть («Хорош урожай – продавай раньше; плох урожай – продавай позже»), применял какие-то причинно-следственные связи («Если мышки погрызут

хлеб сверху (на корню. – Л. П.), то дорог будет; снизу – дешев, а сбоку – средняя цена»). А главное – стремился сделать все от него зависящее для поддержания жизнедеятельности семейно-хозяйственного организма («все» выражалось в распределении отхожих промыслов, совмещении хозяйствования с батрачеством и различными отработками).

Но крестьянин не спешил бросать землю, так как надеялся «хорошо устроиться» при благоприятных для хозяйства условиях в рыночной системе. Воскрешенное реформой и укрепленное развитием товарно-денежных отношений стремление к хозяйствованию порождало инстинктивное сопротивление крестьянства «закону разделения» (Маркс), отделению производителя от средств производства. И в рыночной экономике крестьянин оставался не только специфическим производителем, но и особым типом потребителя. На первом месте у крестьян оставалось знаменитое «Землицы бы!» (даже если надел был достаточен для семейного потребления, требовалось нечто вроде страхового фонда для нового поколения семьи, поскольку крестьянин продолжал остро ощущать зависимость своего хозяйства – и самой жизни! – от стихийных факторов).

Структура потребностей крестьянской семьи четко характеризовала ее как коллективную личность (во время коллективизации это своеобразно отразилось в слове «единоличник», означавшем в крестьянском понимании – в отличие от официальной идеологии – представителя семейного хозяйства как единого целого), которой она оставалась во всех классовых обществах в силу сращенности со своим хозяйством («двор»).

Архетипические черты сохраняло крестьянское представление о богатстве, идеал которого ассоциировался не с количеством материальных благ, а с полнотой бытия (крестьянин отказывался от избыточной работы, если она представлялась излишней или приходилась на неурочное время, и отдавался всем существом праздничным потехам). Под богатством понималось обладание таким имуществом и деньгами, которые позволяли иметь сверх необходимого для удовлетворения обычных потребностей. В Смоленской губернии, например, богатым считался крестьянин, обеспечивающий потребности семьи хлебом. Степень зажиточности же определялась тем временем, когда крестьянин начинал покупать хлеб: «до Рождества», «до Масляной», «после Святой», только перед «новью». Но, чтобы «не ударить

лицом в грязь», «сохранить репутацию», крестьянская семья должна была соблюдать известный уровень затрат, в том числе на «престижное потребление».

Сложные, противоречивые процессы в российском обществе порождали, с одной стороны, так называемые культурные хозяйства, использующие достижения сельскохозяйственной науки, стремящиеся следовать рациональным принципам земледелия, а с другой – внутреннее, духовное раскрестьянивание определенной части селян, которые, осознавая тяготы крестьянского существования и низкую отдачу земледельческого труда, видя блага городской жизни и возможность доступа к ним, забрасывали «отчину-дедину». Причем *раскрестьянивание захватило и нехозяйственных мужиков, и наиболее предприимчивых, выбившихся в «кулачество»*. Происходил как бы профессиональный отбор.

Земельная революция 1917–1918 гг. возродила крестьянскую веру в способность крестьянства хозяйствовать и надежду на расширение землепользования за счет других классов. Возродилась община с ее передельным механизмом. Количество хозяйств в деревне возросло в 1,5 раза: только в 1917–1922 гг. из города вернулись 8 млн чел., а земельная прибавка на душу населения в среднем составила 20% (с 1,6 до 2,2 десятины).

Но 1920-е гг. завершились тем же, с чего начались, – мешочничеством, а крестьянство попало в ловушку, выход из которой был возможен либо путем медленного, целенаправленного возврата к нормальным рыночным отношениям, формировавшимся в начале века, либо через некапиталистическую модернизацию. Государственная система управления, соединившая экономическую и политическую власть, выбрала путь, приведший к экономическому принуждению.

Раскрестьянивание русской деревни, осуществляемое во имя индустриализации страны и построения социализма, приобрело своеобразный характер: крестьянство потеряло свою относительную самостоятельность, крестьяне превратились фактически в наемных рабочих с наделом в виде мелкого подсобного хозяйства. Административная система выжимала из крестьянского хозяйства по максимуму, используя способность крестьян сокращать потребности до крайнего предела, сохраняя громадную силу сопротивления семейного хозяйства к разрушительному влиянию воздействия извне. Это замечатель-

ное свойство советская власть проэксплуатировала до конца. И случилось то, что И. Ильин назвал настоящим бегством от труда, безмолвной всеобщей стачкой личных инстинктов. Происходила очередная ломка в сознании крестьян их космического миропонимания: «Крестьянин не только был бедным, но и не хотел быть богатым» [85, с. 198].

Мировоззрение советского крестьянина представляло синтез традиционной этики выживания с коллективизированным сознанием, сформированным советской эпохой: равенство всех крестьян и обязанность богатых по отношению к бедным (функции богатого исполняло государство, которое поддерживало определенное материальное и прочее равновесие в деревне, дотируя слабые хозяйства, уравнивая в зарплате) [85, с. 198]. Глубинное ментальное противоречие советского общества точно сформулировал А. Ахиезер: «...крайне болезненное несоответствие между потребностями в получении благ и потребностями их производить» [7, с. 18].

Курс на обновление социализма (1985–1991) начался с попытки возрождения колхозов как подлинно кооперативных хозяйств в духе «ленинских заветов». Но советские колхозы никогда не были полноценным кооператором, образованным на добровольной основе и на интересе. Они результат отрицательного консенсуса, объединившего когда-то частных работников за право иметь личное подсобное хозяйство и кормиться с него. Поэтому мероприятия по внедрению коллективного хозрасчета быстро приобрели привычный характер и все планы по реанимации колхозов провалились.

Значение различных сторон действительности для человека находит выражение в ЦО, которая, выступая как внутреннее состояние психической деятельности человека, является отражением определенных объективных условий. *Последующее десятилетие характеризуется серьезной переоценкой ценностей.*

В сознании крестьян складывается определенная иерархия ценностей: *лидируют* семья, благополучие детей, материальное обеспечение, стабильность, мир. *Устойчиво снижается рейтинг* добросовестного труда, борьбы за справедливость, поиска истины. Смысл жизни видится во власти и силе, личной защите и безопасности. Упал интерес к духовно-эстетической сфере.

Мировоззрение крестьянина основывалось не на абстрактном чувстве любви к родной природе, к своей деревне, к отчему дому, а на личном интересе: на желании быть хозяином, свободно распоряжаться своим трудом и его результатами. Именно он привязывает его к земле, природе, деревенским традициям и обычаям, ко всему сельскому укладу жизни.

Психология крестьянина – это психология собственника и труженика: мелкого, крупного, частного, коллективного, но обязательно хозяина. *Крестьянин на земле не просто работает, а хозяйствует, и тогда его труд не в тягость ему, а в радость.* Собственность ментально подчинялась крестьянствованию, а не крестьянствование служило собственности. Пока государство не усвоит эту азбучную истину и не поможет (прежде всего, в законодательном плане) возрождению великого крестьянского инстинкта, крестьянский вопрос в стране разрешен не будет.

Глава 2. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

§1. Менталитет и сознание русского крестьянства

Оговорив в первой главе, что «менталитет – объект метафизический», и проанализировав ряд определений этого понятия, мы можем отметить: социальная миссия менталитета состоит в том, что он формирует ментальность, которая служит своего рода колыбелью для личности (класса, общества): именно здесь происходит «очеловечивание», «одухотворение» человеческих особей, демократизация внутри коллективных отношений. Ведь, как отмечал И. К. Пантин, «ментальность – это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся “коду” в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические» [115, с. 31].

Русская (российская) ментальность изначально формировалась крестьянской средой, которая имела свою специфику (ментальность крестьянства – это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального общества, в сельской соседской организации) и включала в себя народное мировоззрение, народную веру, крестьянское право, мораль, нравственное поведение, искусство.

Народное мировоззрение, являющееся ведущим элементом крестьянской ментальности, складывалось на основе обыденного сознания, которое обладает рядом особенностей: это стихийность, недифференцированность, стереотипность, эмоциональность, практичность, здравый смысл и т. п. До XIX–XX вв. именно этот уровень обеспечивал мировоззренческие ориентации трудящихся, отстраненных от профессиональной культуры и самостоятельной творческой деятельности.

Заслуживает внимания определение народного мировоззрения, данное Т. М. Садкиной: «Народное мировоззрение, функционируя на уровне обыденного сознания, является комплексом представлений народных масс о мире и о себе. В нем выражены интересы и потребности народа, смысл его существования. Народное мировоззрение ориентирует, направляет и организует деятельность народа в каждую конкретно-историческую эпоху» [147, с. 9].

Наиболее адекватно народное мировоззрение докапиталистической формации выражено в *народной культуре* (фольклор, традиции, обычаи, обряды, художественное творчество), а так как основным субъектом мировоззрения являлось крестьянство, сознание и культура которого, с одной стороны, тесно связаны с материальной практикой, трудовой деятельностью, которые формируют стихийно-материалистический, стихийно-диалектический характер народных воззрений, а с другой – оставались окрашенными «традицией мифа, языческого ритуала, магии» [33, с. 92], то правомерно говорить и о «народной вере», «народном варианте» официальной религии.

Как уже отмечалось, в русском крестьянине не только поселился христианин, но и сохранился язычник. И это тоже нашло свое отражение в МО.

В народном сознании складывается свое представление о боге, по-своему видится проблема жизни и смерти («Бойся жить, а умереть не бойся»). К богу, святым, священникам у крестьян хозяйственный, деловой подход: крестьяне воспринимают их как советчиков, участников земледельческих работ. В очерке «Ноль-целью» (1888) Г. Успенский рассказывает, как молодая энергичная крестьянка Марфа молится, «не желая оставить овец без защиты и помощи», овечьему угоднику Самоову (т. е. богу Саваофу) [175, с. 542; см. также: 130, с. 182]. Таким образом, в сознании крестьян бог и святые «материализуются», «омужичиваются»; в молитвах людей труда, по существу, нет ничего мистического, в их сознании преобладают в основном суеверия... *Ориентированность не на небесное, а на земное – коренное отличие крестьянского мировоззрения.*

Следует выделить и такую форму выражения народного мировоззрения, как *народная психология*, которая играет в нем не последнюю роль, формируя принцип организации психики. Специалисты выделяют два противоположных принципа организации последней: рациональность и иррациональность, которые представляют два резко отличающихся друг от друга способа восприятия и передачи информации, два разных (но дополняющих друг друга) пути миропонимания, каждый из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Если первый, как уже отмечалось, шел «от земли», от практики, когда крестьянин отходил от нерассуждающей веры и искал (и находил!) естественные связи в мире, то второй основывался на народной вере и влиял на духовную сторону мировоззрения.

Иррациональность является стержнем русского характера и проявляется в его антиномичности [87, с. 35–60; 130; с. 182–184; 155, с. 12]: сочетаются доброта и жестокость, безудержное стремление к свободе («воле вольной») и рабская покорность, трудолюбие и лень, невиданная сила воли и пассивность, покорность судьбе... Иррациональность характера изначально несет в себе качества, которые не только противоположны, но взаимоисключают друг друга. И, видимо, поэтому сила русского характера раскрывается в крутые, переломные моменты, «изломы истории»!

Народное мировоззрение не только отражает мир, но и «относится» к нему, поэтому наряду со знаниями оно включает в себя и *оценочный момент*. Причем оценка дается в синкретической форме: нравственная сторона оценки всегда связана с классовой, политической, экономической, правовой, эстетической, но остается ведущей. Видимо, это происходит оттого, что *мораль* раньше других форм общественного сознания регулировала отношение человека к миру. Кстати, и в Иисусе Христе народная вера увидела не бога или богочеловека, а исторически существующую личность, первого проповедника гуманистических идей, который, как писал Белинский, «возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истинность своего учения» [13, с. 214], т. е. *моральный аспект религии*.

Народ всегда высоко ценил такие моральные качества, как трудолюбие, уважение к старшим, любовь к детям, патриотизм, преданность Родине, доблесть, человеколюбие, терпимость и терпение.

Крестьянское «человековедение» учило осуждать те помыслы и поступки, которые могли нанести вред взаимоотношению людей: ту-неядство, корысть, клевету, обман (доброта побуждала иногда лгать из желания не обидеть собеседника, желания мира, добрых отношений с людьми, но это обманом не считалось), бессердечие, несобранность, неумение доводить дело до конца. Как бы ни поворачивалась к русскому народу судьба, его никогда не покидали милосердие и сострадание к человеку, готовность поделиться последним куском хлеба с голодающим, прийти на помощь нуждающемуся [68, с. 274; 281; 282; 330].

В сознании русского народа всегда жило обостренное чувство справедливости, причем это была не только потребность материального воздаяния, компенсации, но и чувство высшей справедливости – жить

по душе, достойно, вознаграждать по совести. Сформировался *народный идеал справедливости*¹, который был в душе русского крестьянина своего рода компасом в море жизни: не следует гнаться за богатством, за наживой, руководствоваться материальным расчетом, испытывать жадность к деньгам и вещам. Как цель жизни это считается недостаточным. Главное – прожить жизнь по-доброму, по правде, достойно, по совести [119, с. 44].

Крестьянская ментальность формировала индивидуальное и семейное общение, «жизнь по сердцу», которая создавала открытость души по отношению к чужому, малоизвестному человеку, простоту общения, вежливость, чуткую естественность и деликатность, которые так поражали иностранцев [130, с. 182–183; 131, с. 17–18].

С усилением классовых антагонизмов в народном сознании происходило нарастание элементов протеста: фольклор все более становился рупором политических и правовых воззрений, классовых симпатий и антипатий народных масс (можно вспомнить в этой связи антицерковное творчество народных «потешников» – скоморохов, в сказках, песнях, устных народных рассказах, произведениях прикладного искусства высмеивались попы, монахи, «бары» и даже бог [129, с. 59–60; 172, с. 230]).

Тяготы жизни, полной нищеты, тирании, классового гнета [94, с. 386], множество обид порождали жестокость: в крестьянском быту мужа жестоко избивали своих жен («учили уму-разуму» или по пьянке «отводили душу»); деспотизм главы семьи часто выражался в поступках, близких к садизму. В народном сознании допускался гнев, но не злопамятство. Русский человек отходчив («Гнев – человеческое, а злопамятство дьявольское»; «Не поминай лихом»; «Господин гневу своему – господин всему») [119, с. 47].

Резко отрицательное отношение к существующим порядкам («Хоть бы все законы пропали, только бы люди правдой жили»; «Где закон, там обида»; «Законы святы, да законники супостаты») сочеталось в народном мировоззрении с упованием на милость монарха («Царь от бога пристав»; «Бог помилует, а царь пожалует»; «Где царь, тут и правда»), с верой в возможность решения проблем «сверху»: на протяжении веков главное желание крестьянина относительно власти, как уже отмечалось, заключалось в том, чтобы правительство управляло им за него, а не против него [115, с. 31].

¹ Особенно выпукло этот идеал представлен Успенским в цикле «Крестьянин и крестьянский труд» [174, с. 449–550].

Вторжение в деревню капиталистических отношений развращало крестьянство, порождало представления, настроения и идеалы, характерные для мелкой и средней буржуазии, деформируя традиционную народную культуру. Но «неевропейская» ментальность, порожденная крестьянской средой, не могла прямо заимствовать и усваивать чужие ценности: крестьянская среда неизбежно их «перерабатывала», приспособливая. И, может быть, поэтому большевизм, явивший собой новый тип культуры – своеобразный синтез европеизма и патриархальщины, индивидуальности и коллективности [115, с. 69], был принят (по крайней мере, на первом этапе) широкой массой крестьянства.

Существенную роль в формировании русской ментальности сыграла народная педагогика, представляющая собою синтез национального своеобразия и самобытного народного опыта, мудрость которой может быть представлена в виде «Жизненного Кодекса Русского Человека» [119, с. 29]:

- «Жизнь дана на добрые дела»;
- «Живи так, чтобы ни от Бога греха, ни от людей стыда»;
- «Добро не умрет, а зло пропадет»;
- «Добро наживай, а худо изживай»;
- «Добра не бегай, а худого не делай»;
- «Молись, да злых дел берегись»;
- «Отыди от зла и сотвори благо»;
- «Кто доброе творит, тому зло не вредит»;
- «Нам добро, никому зло – то законное житье».

Для народной педагогики характерен ряд *традиций* [186, с. 90]:

1) воспитание всем миром (община, коллективная опека, личная свобода);

2) воспитание в труде (игра, ремесло, преемственность в семье и общине);

3) «бабушкина педагогика» (любовь и забота);

4) воспитание чувств (сказки, песни, обряды);

5) духовная культура (природа и религия).

Высшая мера воздействия и высшая мера ответственности были прерогативой семьи и родственников.

В комплексе получалось, что в каждой крестьянской семье с давних пор родители воспитывают у детей стремление жить в мире, дружбе, любви к труду, человеку, в духе высокой морали. И в резуль-

тате: «Они никогда не поддаются панике», – писал Энгельс, сравнивая русских с представителями западноевропейских стран [95, с. 480]. А такие знатоки психологии русского человека, как Н. Лосский, К. Симонов, С. Соловьев, А. Толстой, Л. Толстой, подчеркивали, что отличительными чертами русского национального характера являются высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, общительность, доброжелательность, храбрость, мужество, неприспособленность, умение концентрировать жизненные силы в борьбе с нелегкими условиями существования.

Таинственность русского характера, как подмечали многие писатели и ученые, *состоит не в принадлежности к русской нации, а в «состоянии души»*. Более всех к этому «состоянию души» приблизился Ф. М. Достоевский, написавший: «КРАСОТА СПАСЕТ МИР», – самый гуманный прогноз за последние две тысячи лет. И сегодня, по большому счету, мы всем миром, всей планетой идем к этому пониманию смысла жизни, к утверждению общечеловеческих ценностей, к новому видению мира, к новой психологии.

Завершая эту часть работы, отметим, что крестьяне в России XIX в. представляли самое многочисленное сословие с социально оформленной средой, со своим микрокосмом и аграрной цивилизацией.

§2. Мировоззренческие ориентации: консервативное и прогрессивное, общечеловеческое и национальное, религиозное и светское

Смена системы хозяйствования в постреформенной России повлекла за собой важнейшие перемены. Усилился процесс экономической дифференциации. На одном полюсе деревни обозначились «крепкие» хозяйства, главным источником богатства которых была эксплуатация наемного труда и торгово-ростовщическая деятельность (кулаки), а на другом – безлошадные хозяйства (примерно 25%); крайним проявлением бедности было отсутствие коровы (до 10%). Основная масса крестьянства продолжала оставаться под влиянием сельской общины, ориентировавшей своих членов на традиционные агротехнические приемы, сковывавшей предприимчивость и хозяйственную деятельность. В этот период были сильны настроения коллективизма, уравнительной справедливости.

В ходе столыпинской реформы¹, в процессе разложения общины, в крестьянской среде постепенно выделялся слой зажиточных крестьян, являвшихся носителями новых, капиталистических отношений (1/6 часть крестьян, владевшая примерно половиной всех наделных земель), использовавших рациональные технологии ведения хозяйства. Из общины стала выходить и разоренная беднота, стремившаяся укрепить за собой землю, чтобы продать ее и уйти в город или попытаться найти счастье где-то на стороне (земли скупали «крепкие хозяева»).

Процесс дифференциации крестьянства в начале XX в. схематически можно представить следующим образом (рис. 3).

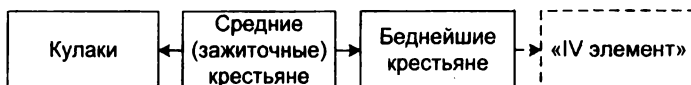

Рис. 3. Дифференциация крестьянства в начале XX в.²

В политическом отношении права крестьян и в начале XX в. были весьма ограничены. На них не распространялся суд присяжных; до 1905 г. для крестьян сохранились телесные наказания и местные сословные суды. Вся деревенская жизнь находилась под контролем земских начальников.

Все эти явления нашли отражение в общественном сознании крестьян. В этой связи представляет интерес *классификация типов общественного сознания*, предложенная И. К. Кирьяновым [59], в основу которой положена оценка крестьянами своего социально-экономического положения и перспектив развития.

Согласно его классификации утвердившийся *конформистский тип*, кулачество, превращался в сельскую буржуазию. Отличительными его чертами являлись стремление к сохранению (и умножению) соб-

¹ Реформа была задумана как многоаспектное изменение страны, предполагающее модернизацию земской управы и судебного дела, улучшение положения рабочих и кредитного дела, снятие ограничений на свободу совести, проведение новых коммуникаций и т. п. Сердцевину реформы составляли идеи преобразования общинного землевладения, переселения и нововведений в школе.

² IV элемент – это деклассированные слои населения (бродяги, нищие, уголовные элементы и т. д.) и «кандидаты» в пролетариат.

ственности и негативное отношение к общинным порядкам. С 1890-х гг. представители этого типа начали осознавать себя организаторами производства, дающими возможность существованию трудящихся элементов. В отношении помещиков кулаки стремились занять положение лидера, устраняя своих конкурентов на рынке. В то же время они были готовы на союз с ними, направленный на защиту частной собственности. Политические ориентации кулачества имели наивно-монархическую направленность.

Традиционалистский тип – среднее крестьянство – ориентировал свое хозяйство на простое производство и в большей степени сохранял его полунатуральные черты и большое количество пережиточных элементов старого уклада. Оказавшись брошенным на периферию социально-экономического развития, превратившись в слой, поставляющий «материал» для буржуазии и пролетариата, среднее крестьянство отказывалось (не могло?) видеть прогрессивные черты эволюции деревни, было сторонником ликвидации частной собственности на землю, уравнительного распределения ее в рамках общины «по справедливости»; в ПО доминировали конституционно-монархические идеи.

Радикальный тип – беднейшее крестьянство, чье хозяйство носило ярко выраженный товарный характер. Основой существования являлась продажа рабочей силы (в то же время сохранялись патриархальное отношение к собственности и свойственные ему уравнительные тенденции); в ПО прослеживалась антимонархическая направленность (за республику). В перспективе – превращение в сельскохозяйственный пролетариат [59, с. 19–20].

Так как основные положения приведенной классификации не противоречат материалам данной работы, мы, анализируя МО крестьян как средство адаптации их в мире и мира в их сознании, придерживаемся данной типологии.

Помня, что «мировоззренческая ориентация отдельного человека (тем более группы, класса.– Л. П.) может быть предельно противоречивой, включающей несовместимые по своей сущности убеждения, не согласующиеся принципы» [110, с. 64], и учитывая, что МО выступает как наиболее сложный многоэлементный вид опережающего отражения, мы предлагаем некоторое обобщение своих исследований в блоках «консервативное и прогрессивное», «общечеловеческое и национальное», «религиозное и светское».

Термину «консервативный» явно не повезло. Произведенный от лат. *conserve* – «охраняю, сохраняю», этот термин использовался, зачастую и сейчас используется только в строго отрицательном значении – «враждебный и противодействующий прогрессу»; при этом утрачивается положительная функция консервативного – трансляционная. А ведь именно благодаря консерватизму мы можем говорить о ментальности, о культуре, об истории конкретного народа.

Термину «прогрессивный» повезло больше: лат. *progressus* означает «движение вперед, успех», и прогрессивный, соответственно, – передовой, идущий вперед (противоположность – консервативный) [73, с. 367].

То есть перед нами диалектическая пара понятий, отражающих «полярные» стороны целостных явлений, процессов. В МО русского крестьянства четко прослеживаются обе эти линии.

Носителем *первой линии* («консервативное») являлась основная масса крестьянства, обманутая реформой 1861 г. и не понявшая столыпинских преобразований. В МО среднего и беднейшего крестьянства нам удалось выявить следующие тенденции:

- доминируют *догосударственные нравственные идеалы* (нравственные ориентации (НрО)) как результат данной хозяйственной деятельности и особенностей организации общества, основанного на традиционных сельскохозяйственных занятиях;

- *земля мыслится как синоним Правды, воплощение всех ценностей древней жизни* (ЦО): земля – «главное не только по отношению к народному брюху, но и по отношению к народному духу, к народной мысли, ко всему складу народной жизни» [174, с. 465–471]; «это лишь в некотором смысле свобода, в некотором – богатство, а в некотором (главном) – обязанность, а в некотором (высшем) – мистическая связь с миром, ощущение самоценности» [159, с. 24];

- *сильна власть «мира»* (СО): «Мир – ничего не поделаешь. Мир осенила идея, мир “укрепился” на ней, мир решил... Что тут, в самом деле, поделаешь! Стихия, неизбежность, закон! “Деды – обездолили”, – но ведь деды думали сделать лучше, все думали “миром”» [68, с. 294];

- *восприятие действительности осуществляется в рамках дихотомии «мы – они»*, понимания внешнего по отношению к крестьянскому сообществу мира как чужого и враждебного;

- имеет место редукция *личностного сознания*, а поэтому и ответственности за принятие решений в ситуации риска и неопределенности;
- господствует *уравнительная справедливость* («равенство нищеты – необходимое условие дружной жизни») [55, с. 464];
- распространена *круговая порука*, «т. е. каждый из них ручался солидарно за всех, все же вместе за каждого в отдельности» [119, с. 115];
- типичными являются *семейный характер хозяйства*, сращенность экономического и биологического;
- прослеживается *негативное отношение к новшествам*, «к цивилизации» [68, с. 192; 174, с. 404–405];
- проявляется *двойственное отношение к власти: недоверие*, равно как и боязнь негативных последствий верховных распоряжений и постановлений, с одной стороны, и *неумение жить вне сфер государственного влияния* (настроение иждивенчества) – с другой [65, с. 239] (ПО, ПрО);
- *крестьянству чужд излишний радикализм*, хотя оно оказывается достаточно мобильным, если речь идет о его социальном выживании или если радикализм властей вызывает в нем потребность в ответных радикальных действиях [174, с. 239].

Вторая линия («прогрессивное»)¹ в основном была представлена «новыми людьми» (Каронин), сформированными реформой 1861 г., «новообращенными» крестьянами (Успенский), которые были «умственнее» прочих мужиков (Крапоткин) и сумели «поймать момент» (конформистский тип в нашей классификации), у которых «зудела шишка приобретательности» (Каронин). «Столыпинская реформа ... тоже была обращена к типу мышления, которому свойственно самому за себя думать и самому пробивать для себя дорогу, предполагала пробудить рыночный менталитет и инициировать прагматизм и профессионализм» [137, с. 229].

Анализируя МО этого типа крестьян, мы выделили следующие тенденции:

- развитие товарно-денежных отношений повлекло выраженную ориентацию на рынок (ЭО). Кстати, русское предпринимательство было по духу крестьянским и выходило преимущественно из крестьян,

¹ В данном случае термином «прогрессивное» обозначены тенденции перехода от традиционного к индустриальному типу развития.

- наметились перемены в отношении к земле: из самооценности она превращалась в средство («монету словить»); смыслом жизни становилась собственность в любом виде (ЭО);

- начало пробуждаться чувство личности (СО); происходили осознание своего интереса, отход «от уравниловки» («хочет платить только за себя»); крестьяне противодействовали приговору о круговой поруче или же если и давали на него согласие, то при условии получения ссуды и на свою долю, хотя им это вовсе не было нужно [174, с. 444]; проявлялось стремление выйти из общины;

- формировались гибридные нравственные идеалы (НрО); деревня подходила к XX в. с чрезвычайно сложным веером социально-нравственных градаций [41, с. 38];

- вырабатывалось умение постоять за свои права (крестьяне учились разбираться в законах, могли толково и связно объяснить свои дела в спорах с начальством) (ПрО);

- усиливалась экономическая дифференциация внутри большой семьи (переход к нуклеарной семье);

- обозначилась потребность в образовании, научных знаниях (НО), использовались современные технологии в хозяйственной деятельности (ЭО);

- крестьяне начали проявлять энергичность, деловитость, изворотливость, умение рисковать (ЭО);

- прослеживалось стремление к власти, желание управлять жизнью деревни (ПрО).

С помощью С. Каронина попробуем сделать некоторое обобщение выявленных тенденций: «Совесь мужика раскололась “пополам”. Явились две совести, две нравственности. Мужик уважал мир, но уважал и человека, который жил вне всякого мира; он думал, что надо жить в мире, но было бы, пожалуй, лучше выехать из него; он был общинник, признавая в то же время право на полную собственность; он держался равенства... признавая превосходство; он жил в деревне “соопча”, не считая дурным делом бросить ее и зажить в лавочке; он растерялся в этих мыслях, не решив, как лучше – пахать мирскую землю или попробовать другое “рукомесло”, остаться на миру, “ин кабак” завести, считать мир храмом или обворовать его и не считать такого дела постыдным» [55, с. 483].

В менталитете любого народа есть два уровня: *дорефлексивный* (архетипический) и *осознанно-социальный*. Первый уровень К. Юнг охарактеризовал следующим образом: «Коллективное бессознательное как оставленный опытом осадок и вместе с тем как некоторое эго его (индивида. – Л. П.) опыта есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена. В этом образе с течением времени выкристаллизовывались определенные черты, так называемые архетипы, или доминанты» [191, с. 141].

Второй уровень выступает как осознание индивидом (группой, общностью) места своего народа в общечеловеческой целостности, функционально-динамическая сторона двухуровневой структуры менталитета и реализуется индивидами через социально-психологический механизм идентификации.

Специфика уровней менталитета детерминирована общественно-историческими условиями. В традиционных обществах дорефлексивный уровень оказывает влияние на мироощущение и мировосприятие человека, а затем это мироощущение и мировосприятие преломляется в привычках, национальном характере и других социально-культурных особенностях. Национальная идентификация выступает основой преемственности поколений и трансляции ментальности. Второй уровень ментальности – оторефлексированная культура – появляется благодаря установкам элиты осмыслить обычаи и традиции народных масс [62, с. 112–113].

В рамках данной главы нас будет интересовать первый уровень, т. е. то, как крестьяне в своих МО отразили опыт общения с другими народами и свою «вписанность» в большой мир (человечество), – мы попытаемся соотнести «национальное» и «общечеловеческое».

Представляет интерес трансформация содержания понятия «общечеловеческое». Н. Я. Данилевский оставил нам свою версию: «Понятие об общечеловеческом не только не имеет в себе ничего реального и действительного, но оно уже, теснее, ниже понятия о племенном или народном, ибо это последнее по необходимости включает в себя первое и, сверх того, присоединяет к нему нечто особое, дополнительное... Следовательно, общечеловеческого не только нет в действительности, но и желать быть им – значит желать довольствоваться общими местами» [36, с. 122–123]. Объявив общечеловеческое об-

щим признаком в бытии отдельных народов, философ вводит другое понятие – «всечеловеческое» – для обозначения совокупного бытия всех отдельных народов, совокупность всего народного, во всех местах и временах существующего.

Термин «общечеловеческое» был употребляем, но его определение отсутствует даже в справочных и энциклопедических изданиях последних десятилетий.

Образ и понятие «общечеловеческое» часто использовали в выступлениях политики эпохи перестройки (и прежде всего М. С. Горбачев) в связи с формулировкой «новое мышление».

Не вдаваясь во все тонкости проблемы, несомненно, заслуживающей тщательной проработки и ждущей своего исследователя, оставим свое внимание на тех качествах, которые по праву можно назвать «общечеловеческими»¹ и которым придается большое значение и в бесклассовом первобытном обществе, и на любых стадиях общества классового, – сострадании и верности слову, стремлении помочь друзьям и заботиться о больных и слабых и т. д. [19, с. 181–182]. Классовое общество присовокупило к ним серию моральных религиозных заповедей, которые в той или иной интерпретации содержались в различных религиях. Таким образом, «общечеловеческое» включает в себя необходимый *минимум правил, помогающих человечеству (в целом) выжить*.

Но человечество состоит из народов, народностей, наций, национальностей, имеющих особенности, позволяющие отличать их друг от друга. И эти отличия четко прослеживаются на уровне МО, мироощущений.

Говоря о МО русского крестьянства последней трети XIX – начала XX в., мы будем использовать термин «национальное сознание», под которым будем понимать восприятие себя «русским», восприятие материальных и духовных ценностей своего народа, национальных интересов, так как говорить о «национальном самосознании» этой группы людей, видимо, исторически не совсем оправданно («самосознание» предполагает достаточно высокий уровень развития абстрактного мышления).

¹ Современные представления об общечеловеческом будем рассматривать в следующих главах.

Русский народ вполне осознавал свое особое место в многообразном мире. В старой России понятие «русский» сливалось с понятием «православный», обозначая в первую очередь определенное качество сознания, мироощущения [146, с. 162].

Обобщая исследованный материал, мы отмечаем следующее:

- земледельческие народы, к числу которых принадлежат славяне (а значит, и русские), близки к общечеловеческим началам, отличаются восприимчивостью ко всему чужому;

- русским крестьянам свойственен патриотизм. Отечество – земля отцов, выстраданная и завещанная потомкам. И задача потомков – хранить и беречь ее в том виде, в каком она «выстроена» за столетия. Преобладавшие в крестьянстве ориентации выражали две фразы: «Ежели немец (татарин, француз, швед. – *Л. П.*) прет, то как не защищаться?» [123, с. 108]; «Нам чужого не надо, но и своего не отдадим» [69, с. 181];

- одним из доминантных качеств русского национального характера является коллективизм. Общинность ориентировала крестьян на солидарность и взаимопомощь: русский человек готов не только последнюю рубашку отдать, но и жизнь за «правое дело»;

- для русских характерна парадоксальность душевных проявлений («Умом России не понять...») [12, с. 255; 14, с. 7, 41, с. 143; 87];

- весьма типична для русской души безмерность жизненного порыва («Коль любить, так без рассудка...»);

- русский народ заражен жаждою страдания, страдальческая «струя» «бьет ключом из самого сердца народного... страданием своим русский народ как бы наслаждается» [41, с. 61; см. также: 170, с. 114–115];

- к сущностным (жизнеопределяющим!) силам русского национального характера относятся любовь к свободе и высшее выражение ее – свобода духа [119, с. 109, 123];

- русские проявляют уважение к национальной кухне и одежде других народов: «Дома ешь, что хочешь, а в гостях – что велят (дают)»; «Что в рот, то и спасибо»; «В какой народ придешь, таку и шапку наденешь»;

- в рамках триады национального сознания «воля – чувство – разум» русским свойственен приоритет чувственного начала [170, с. 134];

- русскому крестьянству дореволюционного периода свойственно толерантное отношение к другим народам: «В каком народе жи-

вещь, того обычая и держись»; «Русские, смотрят на все народы, замежеванные в бесконечные границы Северного царства, как на братьев своих...» [180, с. 98–99];

- формирование дружеских связей у русских крестьян осуществлялось в первую очередь на основе общности интересов. В этом процессе главным критерием считались индивидуальные качества товарища по совместной деятельности, а не национальность последнего («Люблю молодца и в татарине»; «И у цыгана душа не погана»);

- имели место персонифицированное отношение к источнику авторитарной власти (хронологически – князь, царь, император, генеральный секретарь, президент), а через него поклонение государству, с одной стороны, и неприятие несправедливых и нелицеприятных действий государственной власти – с другой [170, с. 62–65]. Кстати, в развитие этой темы хотелось бы привести еще один признак, сформулированный В. И. Курашовым: «... русские безгосударственны, они чужаются власти, она им не нужна... поскольку русские созерцательны, философичны... В силу этой особенности русские по духу (по сути!) отдают власть людям другой национальной принадлежности и политической ориентации – варягам и немцам, наследственным родовитым князьям-монархам и самозванцам, коммунистам и демократам... Люди в российской власти могут быть русскими, но только по генам, не по сути, не по духу... Русские не хотят заниматься этим малоинтересным и недостойным делом и за это должны платить большой терпимостью по отношению к тому, кому они это перепоручают» [75, с. 27–28];

Таким образом, можно утверждать, что «национальное» и «общечеловеческое» находятся в отношении друг к другу как особенное и общее, как часть и целое. И как невозможно и не нужно противопоставлять часть целому, так и невозможно представить гармонию целого лишь как исчезновение особенностей и индивидуальностей его частей. Национальное – необходимый этап, важнейший элемент в развитии общечеловеческого.

«Религиозное» и «светское»... История их взаимоотношений проста и насыщена столкновениями, хотя и то и другое явление связаны с понятием «вера». В «Современном философском словаре» Д. В. Пивоваров определяет эти термины следующим образом: «фейтх-вера» – духовное и сакральное отношение человека к бытию-истине и «белиф-вера» – светское, гносеологическое отношение к истине [158, с. 128].

В историческом времени и пространстве каждый человек заново и по-своему ищет свои ориентиры в обретении смысла жизни, духовности.

Духовная жизнь общества многообразна. Она воплощается в идеях, взглядах, нравах людей, в общественном и индивидуальном сознании. Духовная жизнь противоречива. В ней были (и есть) консервативные и прогрессивные, реакционные и революционные учения и идеи, религиозное и безрелигиозное (атеистическое) отношение к миру. Создание духовной жизни общества – результат интенсивной деятельности его членов. Национальное своеобразие делает эту жизнь более яркой и красочной. Так, *религией русского народа является не христианство вообще, а православие в его русском варианте* [119; 146, с. 157–172].

После 1861 г. *религиозные ориентации* жителей Российской империи представляли довольно пеструю мозаику: кроме православия (государственной религии), ислама, буддизма и иудаизма, существовавших легально, и нелегальных старообрядцев появилось большое количество сект (по некоторым данным, к началу XX в. в России было не менее 5 млн различных сект; вместе со старообрядцами численность сектантов составляла 35 млн чел. [21, с. 25]), которые резко распадаются на две группы – на *секты чисто крестьянского характера* и на *секты мелкобуржуазные*, смешанного состава, вбравшие в себя мелкобуржуазные и полукапиталистические элементы деревни и города и возникавшие в связи с ростом капитализма.

Секты первой категории¹ отличались известными индивидуальными чертами, связанными со злобой дня, общинной демократией; это были нередко организации борьбы трудящихся «за лучшую долю». Секты второй категории² обнаруживают некоторые общие черты, в особенности ослабление коммунистических (общинных) и мистических тенденций, заменявшихся нередко самой откровенной защитой частной собственности и рационализмом в догматике и обрядности; это были организации эксплуатации, и если они боролись, то только со своим злейшим конкурентом в этой области – синодальной церковью [109, с. 366–403].

¹ На Урале – немояки, лучинковцы, секта медальчиков; духовные христиане; «истинные христиане» и др.

² На Кавказе – духоборцы, воробьевцы, веригинцы; пестрая «штунда», баптисты и др.

Революция 1905 г. стимулировала новый сдвиг в области религиозных исканий. Сначала ее влияние было разрушительным: бог временно перестал быть необходимым даже в представлениях косного крестьянства. После неудачи революции сектантские искания возобновились с новой силой. Этому способствовали известная пролетаризация крестьянства, манифест о веротерпимости, легализовавший все секты, кроме «изуверных» (скопцов и хлыстов) [109, с. 403].

Кроме оживления религиозной жизни ярко проявились вольнодумные и атеистические тенденции (свободомыслие).

Свободомыслие выступило в двух формах – политической и антирелигиозной, зачастую взаимодействующих. «При этом политическое свободомыслие может быть делом религиозных людей и получать религиозное обоснование. Антирелигиозное свободомыслие выступает как право разума на критику религии и свободное отношение к действительности. Проявлением свободы мысли в отношении религии надо признать и атеизм, который существовал и существует в разных формах. Атеизм – это высшее выражение свободомыслия в отношении религии» [167, с. 11–14].

Интересно, что представители русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в. считали атеизм чуждым русскому народу, наносным (с Запада) явлением, приписывали ему бездуховность и аморальность, характеризовали как «болезнь души человеческой», «миросозерцание животного», т. е. православие и выросшая на нем философия в полной мере проявили нигилистическое, антигуманное отношение к тому феномену духовной жизни, который именуется свободомыслием [167, с. 9]. А по мнению Белинского, русский народ – «глубоко атеистический», в нем «нет и следа религиозности»; русский человек «произносит имя божие, почесывая себе кое-где. Он говорит об образе: *годится – молиться, а не годится – горшки покрывать*»; большинство духовенства отличается «схоластическим педанством за диким невежеством»; «поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонства, бесстыдства», именно про него русский народ «рассказывает похабную сказку» [12, с. 710].

Антирелигиозное свободомыслие проявляется в разных планах: в *социальном* – как выражение идеологических установок тех или иных классов; в *культурологическом* – как органический элемент духовной культуры; в *личностном* – как мировоззренческая позиция че-

ловека той или иной эпохи. В духовной жизни общества эти аспекты тесно переплетены. *Свободомыслие носит классовый и одновременно общечеловеческий характер*, отражая прогрессивные идеи (содействие общественному развитию, гуманистическая направленность, борьба за духовное раскрепощение личности, стимуляция творческой жизни общества)¹.

Все эти МО нашли отражение в русских пословицах и поговорках. Так, в книге В. И. Даля «Пословицы русского народа» из 25 тыс. пословиц свыше 21 тыс. выражают безрелигиозный, скептический, а иногда и атеистический подход к религии и церкви [167, с. 43].

Эта подчеркнутая дуальность переносилась и в «земную жизнь»: светская власть могла трактоваться как божественная или дьявольская.

Итак, *новым явлением крестьянской ментальности стало ослабление религиозности*, фиксируемое этнографами на протяжении последней трети XIX в. и особенно отчетливо выявившееся на протяжении XX в. [89, с. 193]. Прежде всего это касалось крестьянской молодежи. (Церковные архиереи называли основными причинами распространения религиозного индифферентизма отходы на фабрики и промыслы) [123, с. 93].

В начале XX в. в деревне впервые стал проявляться *конфликт отцов и детей*, обусловленный разным социальным опытом (СО) и кругозором поколений (МО). В среде молодежи отмечались совершенно невозможные еще несколько лет назад выходки по отношению к церкви и ее служителям, о чем свидетельствует вышедшая в годы первой русской революции книга И. А. Родинова «Наше преступление», в которой приведены примеры столь изощренных форм крестьянского богохульства, что преподаватели церковных академий стеснялись цитировать некоторые места из нее студентам [20, с. 26].

Обобщая сказанное, мы можем отметить следующие характерные тенденции МО:

- под покровом христианства *сохраняется язычество* (двоеверие, суеверия);
- распространяется понимание сущности христианства (православия), *сводящее веру – к обрядоверию, содержание – к форме*;
- *подлинная религиозность присуща русским святым*, выражавшим национальные идеалы [66, с. 279–289];

¹ Идеи свободомыслия проявлялись и в религиозной оболочке.

- выявляется невозможность быть подлинным христианином для рядового мирянина из-за отсутствия учения о *мирской нравственности*, сочетавшего бы заповеди веры с потребностями повседневной жизни [133, с. 12];

- выявляется вся *глубина мировоззренческого раскола*: народная культура отдалается от культуры элитарной, «распахивающейся» на встречу западным влияниям. В «трещину» проникают нигилизм, рационализм, атеизм, протестантская идеология с потребительским отношением к жизни, эгоизмом, прикрытым либеральной фразой;

- отмечаются *усиление индифферентизма* по отношению к религии и переход на позиции атеизма значительной части населения.

Завершая эту главу, мы можем сделать некоторые выводы:

- понятие менталитета не совпадает с категорией «мировоззренческая ориентация» (МО), отражая более широкое духовное явление, уходящее в сферу подсознательного (бессознательного);

- менталитет включает в себя все содержание МО рассматриваемой общности в ту или иную эпоху, а также базовые установки, ценности, стереотипы сознания;

- МО – более гибкое образование, чутко реагирующее на изменения общественно-исторической практики, с одной стороны (объективный фактор), и разнообразные человеческие потребности и интересы – с другой (субъективный фактор).

МО «расколовшегося» крестьянства дореволюционной России представлены рядом моделей в прил. Б.

Глава 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

§1. «Крестьянский вопрос» в советском обществе

Вряд ли у кого вызывает сомнение, что российское крестьянство явилось для советской власти самым неподатливым полем для социальных экспериментов. Да и как иначе могло быть в крестьянской стране, живущей многовековым укладом, который объявлялся чуждым и враждебным будущим социалистическим идеалам.

Решение «крестьянского вопроса» советской властью лучше всего проследить по партийным и советским документам, в которых отражены все принципиальные вопросы развития народного хозяйства, идеологии, культуры, социальных процессов и т. д.

До октября 1917 г. аграрная программа большевиков сводилась в основном к требованиям конфискации и национализации помещичьих земель и к созданию на базе крупных имений образцовых крупных хозяйств. Большевики всегда помнили, что они – партия рабочего класса и поэтому детально аграрные проблемы не обсуждали, за исключением II, IV, VI съездов РСДРП(б). Партия большевиков в основном приспособлялась к крестьянскому движению, на ходу меняя программные установки по аграрному вопросу в зависимости от требований крестьян.

Первые шаги завоевавших власть большевиков, например Декрет о земле¹, пользовались полной поддержкой крестьян [150, с. 3–4]. Но весной 1918 г. в городах возникли серьезные трудности с хлебом и ВЦИК

¹ По декрету земля стала общегосударственной собственностью; в руки народа было передано более 150 млн га помещичьей земли; крестьяне освобождались от земельной задолженности, от ежегодной уплаты аренды за землю и расходов на покупку земель в 700 млн р. золотом. В его основе – 242 местных крестьянских наказа I съезду Советов, в которых были изложены представления крестьян об аграрной реформе (отмена частной собственности на землю; уравнительное землепользование с периодическими переделами земли). Большевики этих требований не выдвигали (они были составной частью эсеровской программы), но, чтобы прийти к власти, нужно было заручиться поддержкой крестьян, одетых в солдатские шинели и нейтрализовать ту крестьянскую массу, которая осталась в деревнях, Ленин, понимая это, перехватил у эсеров их аграрную программу. И крестьяне пошли за большевиками. Как писал через несколько лет после революции В. М. Чернов, «советская власть была довольна уже тем, что деревня была на первое время “нейтрализована” и занята собственным делом, в которое ушла с головой и предоставила городские политические бури их собственной участи» [183, с. 138].

специальным декретом делегировал народному комиссару продовольствия чрезвычайные полномочия по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими [150, с. 29–31]; декрет «О спекуляции» предусматривал различные наказания за противоправные действия по сбыту, сокрытию, скупке, хранению продовольственных товаров [150, с. 83–84]; декрет «О привлечении к заготовке хлеба рабочих организаций» учреждал создание продотрядов и их полномочия [150, с. 98–99], а постановление Народного комиссариата по финансовым делам «Об обложении сельских хозяев натуральным налогом в виде отчисления части сельскохозяйственных продуктов в пользу государства...» представляет собой скрупулезную инструкцию: с кого сколько брать, кто и как должен проводить взимание налога, как учитывать и контролировать процесс и т. п.

Большевики запретили свободную торговлю хлебом, так как считали, что государство должно взять все товары в свои руки и выдавать их населению по мере необходимости. Большевистское правительство введением продовольственной диктатуры (9 мая 1918 г.) и созданием комбедов (11 июня 1918 г.) объявило *военный поход в деревню* с целью изъятия хлеба для воюющей армии и голодающих районов.

Создание комбедов несомненно имело *политическую направленность*: главной подоплекой был *раскол деревни*. На комбеды была возложена функция информаторов, доносивших о припрятанном хлебе¹. Подозрительность и вражда поселились в деревне, раздувая пламя Гражданской войны.

Декрет о земле дал крестьянам то, чего они так долго добивались, – помещичью землю. На этом крестьяне посчитали свою революционную миссию оконченной. Они были благодарны за землю, но сражаться за эту власть с оружием в руках не спешили, надеясь переждать тревожное время на своем поле. Чрезвычайные меры, которые правительство стало вводить с весны 1918 г., были встречены основной массой крестьянства с недоумением: зачем нужна земля, если хлеб отбирают до последнего зернышка?² Крестьяне не хотели по низкой цене или бесплатно (в поряд-

¹ Беднота, объединившаяся в комбеды, считала своим долгом доносить на более благополучного соседа, получая за «услуги» бесплатно часть изъятых хлеба.

² В январе 1919 г. была введена продразверстка, по которой государство бесплатно изымало у крестьян все излишки хлеба, а с 1920 г. она была распространена на картофель, овощи и на другие сельскохозяйственные культуры.

ке реквизиций) отдавать хлеб («излишки зерна»)). Чтобы «уйти от карандаша» продовольственника, крестьяне меняли структуру посева: резко сокращали производство хлебов, пеньки, конопли и увеличивали посевы культур, не подлежащих обложению: лука, петрушки, укропа, виковой смеси и пр. Нередко деревенские жители продавали лошадей, чтобы избавиться от гужевой повинности, сбывали сенокосы горожанам, лишь бы избежать разверстки на сено [21]. Силой власти удавалось изъять только часть урожая, причем ценой больших людских потерь с обеих сторон¹. Массовым уклонением отреагировали крестьяне на объявленную мобилизацию в Красную армию².

В канун первой годовщины Октябрьской революции в 80 уездах Центральной России практически одновременно вспыхнули крестьянские восстания, которые подавлялись с невероятной жестокостью³ [44; 67; 84;

¹ Только в июле – августе 1918 г. в Центральной России таких столкновений было более 150. Большевики применяли к недовольным чрезвычайные меры (отдача под суд, ревтрибуналы, тюремное заключение, конфискация имущества, заложничество, расстрел на месте); за 1918 г. погибло ок. 20 тыс. бойцов продотрядов (иногда в открытом бою, иногда спящими).

² «На призывные пункты не являлось до 75% призывников. Крестьяне Алапавского уезда Топорковской волости Екатеринбургской губернии 1894–1893–1892 гг. рождения и подлежащие мобилизации не только отказались от освидетельствования врачебной комиссией, но и предъявили следующие требования:

1. Пойдут на фронт только тогда, когда соберется весь уезд.

2. Будет выдано обмундирование и оружие.

3. Когда пойдут на фронт местные коммунисты и милиция» (ЩООСО, ф. 76, оп. 1, д. 77. л. 14–15).

³ Долгие годы в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма в «секретном фонде» хранились не публиковавшиеся никогда рукописи Ленина. В 1990 г. с ними впервые ознакомились эксперты парламентской комиссии. Перед вами ленинское письмо от 11 августа 1918 г. «Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам. Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно привести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес *всей* революции, ибо теперь вят “последний решительный бой” с кулачем. Образец надо дать.

1. Повесить (непреренно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.

2. Опубликовать имена.

3. Отнять у них весь хлеб.

4. Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц – кулаков.

Телеграфируйте получение и исполнение...

Р. С. Найдите людей потверже!» [78].

97]. Хотя крестьянские выступления вряд ли можно характеризовать как антисоветские и даже антибольшевистские: в сознании народных масс советская власть, большевики ассоциировались с демократическим этапом революции (мир, земля, народовластие), но и тяготы «военного коммунизма»¹ были связаны с коммунистами, которые после декрета ВЦИК от 14 июня 1918 г. стали вытеснять представителей других социалистических партий из Советов. Крестьянское сознание «раскололось». Поэтому *основным политическим требованием* крестьянства стали лозунги «Советы без коммунистов», «За большевиков, но против коммунистов».

Экономическая и административная система, сложившаяся в Советской России в 1918–1921 гг., получила название «военного коммунизма». Ее характеризовали следующие черты:

- широкая национализация промышленных предприятий, перевод на военное положение оборонных заводов и железнодорожного транспорта;
- свертывание централизации управления промышленностью (через ВСНХ и его главки);
- введение продразверстки, по которой государство бесплатно изымало у крестьян все «излишки» хлеба (позднее – картофеля, овощей, других сельхозкультур); запрет свободной торговли;
- натурализация хозяйственных отношений в условиях полного обесценивания денег; введение оплаты труда натурой;
- бесплатное пользование жильем, транспортом, коммунальными и прочими услугами;
- введение трудовой повинности.

Пройдя кризисный период начала 1918 г., а затем наиболее свирепый период «красного террора» (лето – осень 1918 г.), большевики начали искать другой путь – *путь согласия с широкими крестьянскими массами*.

Своеобразной переходной мерой стала попытка замены продразверстки фиксированным налогом.

Окончательно поворот в сторону середняка закрепили решения VIII съезда РКП(б) (18–23 марта 1919 г.). Пошел навстречу и середняк: угроза возвращения помещиков, идущих в арьергарде белых армий, отодвинула разногласия с советской властью на второй план.

¹ В 1918 г. была введена трудовая повинность для эксплуататорских классов, в 1920-м – всеобщая; создавались трудовые армии.

Весной и летом 1921 г. на Волге разразился жуткий голод. После конфискации «излишков» осенью 1920 г. у крестьян не осталось зерна для посева, к этому добавились сильная засуха и разрушительные последствия Гражданской и «крестьянской» войн. Несмотря на помощь из-за рубежа (American Relief Administration – АРА – под руководством президента Герберта Гувера)¹ и деятельность Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол) от голода погибло более 5 млн чел².

Положение коммунистов с конца 1920 г. стало стремительно ухудшаться. Российское крестьянство, отстоявшее в боях с белогвардейцами и интервентами землю, настойчиво выражало нежелание мириться с экономической политикой большевиков, которая душила любую хозяйственную инициативу. И в разных концах страны вспыхивают *антиправительственные восстания* крестьян (Тамбовская губерния, Поволжье, Дон, Кубань, Западная и Восточная Сибирь, Урал, Белоруссия, Карелия, Средняя Азия), названные современниками малой гражданской войной³. На подавление этих восстаний была брошена вся мощь регулярной Красной армии. Боевыми операциями командовали М. Фрунзе, С. Буденный, М. Тухачевский, И. Якир и др. Широко практиковались методы массового устрашения – взятие заложников, расстрелы родственников и пособников «бандитов», высылка на север целых деревень; использовались и новые средства (в том числе химическое оружие). Недовольство бурлило и в Вооруженных силах; росла волна массовых забастовок в городах... По своей сути это были *стихийные взрывы народного возмущения политикой советского правительства*.

¹ АРА выделила 61 566 231,53 долл. и поставила 718770 т товаров. Лишь в августе 1922 г. ее сотрудники кормили ежедневно 4 173 339 детей и 6 316 958 взрослых; раздали медикаменты, предоставленные американским Красным крестом и армией США, на сумму 8 072 256, 03 долл. [44, с. 332–333].

² Участник Помгола писатель Михаил Осоргин отметил как «обыденное явление» людоедство в Поволжье: «Ели преимущественно родные, в порядке умирания, кормя детей постарше, но не жалея грудных младенцев, жизни еще не знавших, хотя в них проку было мало. Ели по отдельности, не за общим столом, и разговоров об этом не было» [190, с. 340–341].

³ В Тамбовском восстании участвовало под руководством А. Антонова две крестьянские армии общей численностью около 50 тыс. чел. («антоновщина»). Военные действия продолжались около двух лет. Жестоко карались не только участники, но и целые села, которые «поддерживали» бандитов (2 сентября 1920 г. местные «Известия» сообщили, что в наказание были сожжены пять деревень).

Отношение советской власти к крестьянству можно определить как крестьянофобию, хотя в тактическом смысле власть подерживала крестьянское движение в той мере, в которой оно разрушало старое. В наиболее острые моменты власть обращалась к крестьянству, пытаясь получить его поддержку за счет частичных льгот [112, с.14]. Подобный выход она нашла и в марте 1921 г.: X съезд РКП(б) принял решение о замене продразверстки продналогом, что положило начало *новой экономической политике* (нэп). Размер продналога был вдвое меньше разверстки и объявлялся заранее (перед посевной). Он не мог быть увеличен в течение года. Все излишки, оставшиеся после его внесения, поступали в распоряжение крестьян, что создавало материальный стимул для увеличения производства сельскохозяйственной продукции. Чтобы этот стимул заработал, пришлось вернуться к свободе торговли. Правда, декрет ВЦИК (март 1921 г.) ограничивал свободу торговли «пределами местного хозяйственного оборота», а в масштабах страны (как и в 1918 г.) предлагался безденежный товарообмен между городом и деревней через государственные и кооперативные торговые учреждения.

В октябре 1922 г. был принят новый Земельный кодекс. Крестьяне получили право свободного выхода из сельской общины и выбора форм землепользования. Разрешались аренда земли и применение наемного труда. В деревне пошло на убыль число насаждавшихся колхозов. Государство поощряло развитие простых форм кооперации (потребительской, промысловой, кредитной, сельскохозяйственной и др.)

Частным лицам разрешалось открывать или брать в аренду мелкие промышленные и торговые предприятия. К середине 1920-х гг. капиталистический сектор составил 20% всех промышленных объектов, где производилось 5% всей продукции; в розничной торговле частные предприниматели контролировали около 53% товарооборота; в аграрном секторе произошла еще одна дифференциация населения: в 1927г. было 35% бедняцких, 60% середняцких, 5% кулацких крестьянских дворов. В целом сельское хозяйство оставалось несовершенным в техническом отношении, базировалось, главным образом, на ручном труде и было малопроизводительным. Но зерновое хозяйство достигло довоенного уровня, правда, со значительным сокращением товарной части зерна, что вело к нарушению снабжения

продовольствием города и армии, создавало угрозу срыва социалистической индустриализации¹ [189, с. 138, 140].

Произошла перестройка управления народным хозяйством; была ослаблена его чрезмерная централизация. Тресты перешли на хозрасчет, их права и самостоятельность (по вопросам заготовки сырья и реализации продукции) были расширены. Трудовые мобилизации «военного коммунизма» заменил свободный найм рабочей силы; упраздняясь уравнительная оплата труда; к 1922 г. отменена карточная система.

В целом нэповская экономика носила смешанный рыночно-административный характер: большевики использовали товарно-денежные отношения при сохранении в руках государства «командных высот» (крупная и средняя промышленность, транспорт, внешняя торговля, банки). Ленинский проект резолюции по вопросам нэпа был заложен в основные мероприятия по изменению экономической и политической ситуации в стране. В проекте утверждалось, что нэп *установлен «на долгий, рядом лет измеряемый, период времени и требует от всех проведения ее (экономической политики – Л.П.) с безусловной тщательностью и добросовестностью...* На первое место выдвигается товарообмен как основной рычаг... как стимул к расширению крестьянских посевов и улучшению крестьянского земледелия. <...> Губернии с наибольшим количеством хлебных излишков должны быть призваны ударными для проведения в них товарообмена в первую очередь»; кооперация считается «основным аппаратом для проведения товарообмена» и т. д. [78, с. 333–334]. Ленин видел в НЭПе обходной путь к социализму.

Но, видимо, мало было проявлено «тщательности» и «добросовестности» при проведении нэпа: осенью 1923 г. разразился «кризис сбыта» – промтоварами были забиты все склады и магазины, так как крестьяне, только-только оправившиеся от небывалой засухи и голода, не имели средств для их покупки. Опять столкнулись интересы города и деревни. Крестьяне в этих условиях не нашли ничего лучшего, как *задерживать отсыпку в госхранилища зерна по продналогу*. В ряде мест (Амурская область – декабрь 1923 г., Грузия – август 1924 г.) *вспыхнули крестьянские восстания*. Повстанцы были усмирены; как и в 1921 г., *власти пошли на уступки*. В 1924–1925 гг. была смягчена ценовая политика в пользу сельских производителей, расширено пра-

¹ Трудности со снабжением вынудили правительство снова ввести с конца 1928 г. в городах карточную систему.

во на аренду земли, использование наемного труда. Была проведена денежная реформа (рубль превратился в конвертируемую валюту); осуществлен переход к денежному обложению крестьян (это давало им большую свободу в развитии хозяйства).

Данные уступки несколько ослабили противоречия между промышленностью и сельским хозяйством, но не устранили перекося в классовой ориентации аграрной политики советской власти: началась кампания «ограничения кулачества как класса» за счет регулярных уравнильных переделов земли. При росте сельского населения началось дробление крестьянских дворов, ослабление их мощности и производительности труда (слабеющие единоличные хозяйства не могли использовать сложную технику, и в итоге в 1926 г. 40% пахотных орудий составляли деревянные сохи, треть крестьянских дворов не имела лошадей). Деревня возвращалась к натуральному хозяйству (по некоторым данным, крестьяне потребляли до 85% собственной продукции); появились «лишние люди» (в 1927 г. – 20 млн чел.).

К этому времени нэповская экономика достигла пика в своем развитии. По данным официальной статистики, среднегодовые темпы прироста промышленной продукции в 1921–1928 гг. составили 23%. Национальный доход увеличивался на 18% в год и к 1928 г. на 10% превысил уровень 1919 г. в перерасчете на душу населения. К 1925–1927 гг. по основным показателям производства зерновых и развитию животноводства удалось достичь уровня России 1913 г. Крестьянский быт в годы нэпа изменился незначительно. Патриархальные отношения в семье, общий труд в поле от зари до зари, желание приумножить свое достояние характеризовали уклад основной массы российского крестьянства. Оно стало *более зажиточным, у него развивалось чувство хозяина. Маломощное крестьянство объединялось в коммуны и колхозы*, налаживало коллективный труд [54, с. 116, 172].

Хозяйственная либерализация не повлекла за собою существенных преобразований в *политической сфере*. Крестьянофобия проявилась прежде всего в ущемлении избирательного права сельского населения (статьи Конституции РСФСР 1918 г.).

Так, на Всероссийский съезд Советов в городах избиралось по одному депутату от каждых 25 тыс. *избирателей*, в деревне же – от 125 тыс. *всего населения*, на областной, соответственно, – от 5 тыс. и 25 тыс., губернский – от 2 тыс. и 10 тыс., на уездный – от 200 и 1000. Неравенство

проявилось не только в непропорциональности представительства: избиратели уездных городов, участвуя через избранных ими депутатов в уездном съезде Советов, могли непосредственно от городского Совета избирать представителей на губернский съезд, а избиратели губернских городов, минуя последний, – на областной и всероссийский съезд. Сельские же граждане лишь однократно осуществляли свое избирательное право – при выборах на волостной съезд [62, с. 139–140].

Но даже в таком соотношении власти увидели угрозу для социализма. Поэтому в положении, принятом ВЦИК 26 января 1922 г., представительство деревни на уездных съездах Советов уменьшилось еще вдвое, и расхождение избирательных норм стало десятикратным [62, с. 140].

Сельские советы формировались местными партийными организациями, основная масса крестьян вообще «не занималась политикой», поглощенная работой «по хозяйству»¹ [62, с. 140].

Спад политической активности в первые годы нэпа сменился резкой активностью деревенских масс летом – осенью 1924 г. Недовольство чрезмерным налогообложением и методами взимания сельскохозяйственного налога, ценовой политикой («ножницы цен» на промышленную и сельхозпродукцию), подогретое слухами о трениях («во власти» после смерти В. И. Ленина, породило требования «перевыборов снизу доверху», «всеобщего, прямого и тайного голосования», «равного пропорционального представительства от крестьян и рабочих в Советах» [62, с. 140] и массовое бойкотирование выборов 1924 г. В результате 29 декабря 1924 г. Президиум ЦИК признал недействительными выборы сентября – декабря 1924 г. во всех областях, где явка была меньше 35% или имели место явные фальсификации.

На весенних перевыборах 1925 г. активность избирателей повысилась до 41% и отразилась в структурах сельских Советов: доля коммунистов и комсомольцев уменьшилась в сельсоветах вдвое (с 11,3% до 5,9%), в волостных советах – в 1,5 раза (с 60,6% до 42,3%) [62, с. 141]. Это был реальный уровень поддержки большевиков сельским населением.

Чтобы не допустить такого волеизъявления, при организации выборов стали практиковать составление избирательных списков (составлялись на закрытых партсобраниях) и проведение предвыборных

¹ На выборы в 1922 г. явилось 22,3% сельских избирателей; в 1923-м – 35,8% [62, с. 140].

агитационных собраний. Председателями на избирательных действиях были уполномоченные уездных избирательных комиссий.

Законодательная и административная дискриминация крестьянства в ходе проведения выборов подрывала авторитет Советов как органов народовластия, и поэтому активность крестьян была наиболее низкой в сравнении с другими категориями сельских жителей, обладавшими правом голоса. Их неприятие существующей системы нашло отражение в выступлениях с требованиями создания крестьянских союзов¹.

Игра в демократию становилась все более рискованной для партии, и июльский Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) 1926 г. указал на «неправильность сокращения числа лиц, лишенных избирательных прав». Круг «лишенцев» был расширен (в деревне их количество выросло втрое). Кроме этого, усилилась критика «сверху» местных парторганизаций, которые «неверно истолковали» суть «советской демократии», «самоустранившись от руководства выборами в деревне» [62, с. 142–143].

Пытаясь повернуться «лицом к деревне», делая вынужденные уступки в экономической сфере, *власть осталась для крестьян чужой.* «В настоящее время массы не знают, что во всей деятельности Совета виноваты не отдельные люди, которых они винят, а вся наша советская система классового насилия, а потому ругают отдельных лиц; когда же они раскусят классовую сущность нашей системы, они пойдут против всей системы. Когда это будет – это вопрос времени, – но это будет» [62, с. 143]. Эти слова принадлежат секретарю партийной ячейки на Кубани и сохранились в архивных документах РГАСПИ.

Власть не стала дожидаться, когда «это будет». Сплошная коллективизация поставила точку на политике лавирования в отношении деревни, уничтожив крестьянина не только как самостоятельного сельхозпроизводителя, но и как независимую политическую силу. И уже после этого в «сталинской» Конституции было провозглашено всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании.

Следующее десятилетие стало десятилетием геноцида против крестьянства.

Но обо всем по порядку.

Добровольное производственное кооперирование мелких и средних крестьянских хозяйств, получившее в 1920-х гг. название «кол-

¹ В 1924 г. – 139 случаев агитации за крестьянский союз, в 1926 г. – 1562, за 8 месяцев 1927 г. – 1565 случаев [12, с. 142].

лективизация», рассматривалось большевиками как главный из двух способов социалистического переустройства деревни¹. В первые годы советской власти среди коллективных хозяйств преобладали артели и коммуны (до 12 тыс.), но после перехода к нэпу число колхозов значительно сократилось. К 1928 г. они объединяли около 1% всех крестьянских дворов (в основном бедняцких).

XV съезд партии, который проходил 2–19 декабря 1927 г., определил, что *коллективизация должна стать основной задачей партии в деревне*. Такая постановка задачи не была случайной: на рубеже 1927–1928 гг. государственные закупки после закупок сельскохозяйственной продукции остались полупустыми (крестьяне не торопились расставаться с зерном). Экспортировать было нечего, а значит, не было и валюты для индустриализации. Под угрозой голода оказались города и армия. Сталин увидел в этом очередной «крестьянский бунт». В 1928 г. был принят Закон «Об общих началах землепользования и землеустройства», предоставлявший колхозам льготы по получению в пользование земли, кредитованию и налогообложению. Одновременно ограничивалась аренда земли кулакам, запрещалось выделение на хутора зажиточных хозяйств. В помощь колхозам государство организовало машинно-тракторные станции.

В 1928–1929 гг. экономическая политика существенно изменилась (введение хлебозаготовок, насильственная коллективизация), что вызвало негативную реакцию фактически всех слоев крестьянства, у которых такая политика порождала тревожные ассоциации (комбеды, продразверстка, «военный коммунизм»). Крестьяне утрачивали интерес к развитию сельского хозяйства. Их пугало принуждение, они боялись гнева власти, пытались найти компромисс, а когда убедились, что власть их не слышит, стали сопротивляться, используя исконно крестьянские методы борьбы, а также новые, родившиеся в советское время (см. прил. В).

Осуществление грандиозной индустриализации требовало коренной перестройки аграрного сектора. В западных странах аграрная революция (система совершенствования сельскохозяйственного производства) предшествовала революции промышленной, а потому в целом было легче снабжать продуктами городское население. В СССР оба этих процесса приходилось осуществлять одновременно. При этом де-

¹ Второй способ – создание государственных хозяйств-совхозов, напрямую субсидируемых из казны.

ревня была не только поставщиком продовольствия, но и важнейшим источником финансовых ресурсов для нужд индустриализации.

В кризисных условиях 1929 г. Сталин решил проводить ускоренную индустриализацию, сломав расшатанный механизм рыночной экономики и заменив его механизмом с административно-распорядительным типом хозяйства. Начать демонтаж, по его мнению, необходимо было с деревни, не дожидаясь, когда она поднимется против коммунистов. Генсек стремился решить, опираясь на силу государства, две взаимосвязанные задачи: политическую и социально-экономическую. Во-первых, раз и навсегда снять с повестки дня постоянно беспокоивший власти крестьянский вопрос, для чего провести «ликвидацию кулачества как класса» и в ходе этого изъять из деревни все способные к сопротивлению слои населения. Во-вторых, образовать на базе низкотоварных крестьянских дворов крупные социалистические коллективные хозяйства (колхозы).

Необходимость этих шагов была «обоснована» Сталиным в работе «Год великого перелома» (ноябрь 1929 г.), в которой он заявил, что широкие слои крестьянства готовы к вступлению в колхозы и наступлению на кулака [163, с. 125–126]. Эти идеи легли в основу партийно-государственных решений. В конце декабря 1929 г. Сталин объявил о конце нэпа и переходе к политике «ликвидации кулачества как класса». 5 января 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», которое устанавливало сроки проведения коллективизации по отдельным районам и ликвидации кулачества как класса. Ретивые администраторы стали торопиться с рапортами о выполнении заданий партии, объявив целые районы районами сплошной коллективизации (в их числе – Ирбитский округ Уральской области). Давление на крестьян усиливалось.

Созданная специальная комиссия во главе с В. Молотовым занималась *решением участи кулаков*. Кулаки делились на три категории. В первую вошли кулаки, которые занимались «контрреволюционной деятельностью», во вторую – кулаки, которые не оказывали активного сопротивления советской власти, но являлись «в высшей степени эксплуататорами» и тем самым содействовали контрреволюции (подлежали аресту и высылке в отдаленные районы Сибири, Северного Урала, Казахстана; их имущество подлежало конфискации); кулаки третьей катего-

рии, признанные «лояльными к советской власти», осуждались на переселение в пределах областей на необработанные земли [70, с. 96–97].

Для успешного проведения коллективизации власти мобилизовали 25 тыс. рабочих из городов. С помощью войск ОГПУ в течение короткого времени, за 1,5–2 года, были изъяты из деревни реально и потенциально опасные для власти слои населения¹.

Историки называют разные цифры: от 3,5 млн до 15 млн чел. «раскулаченных». Часть их была брошена в тюрьмы, основная масса целыми семьями отправлена под конвоем в трудовые лагеря, устроенные в глухих районах. Видимо, во многом этими обстоятельствами можно объяснить «активность» выступления крестьян в колхозы в конце 1929 г.

Однако конкретные условия проведения коллективизации, отсутствие материально-технической базы, перегибы, проявившиеся в насилии, обобществлении имущества, скота, инвентаря, отсутствие порядка и организации в колхозах показали всю несостоятельность крестьянских надежд и вызвали прилив недовольства и у тех, поверив, пошел в колхозы, и у тех, кого принудили к этому. Это отразилось в «скрытой войне» колхозников против колхозов².

Так продолжалось до марта 1930 г., после чего *произошел естественный отток крестьян из колхозов*, а Сталину стало ясно, что безумная гонка в колхозы, начатая по его призыву, грозит катастрофой.

¹ Прежде всего это были кулаки и зажиточные середняки, т. е. крестьяне, которым было что терять от коллективизации, и которые поэтому противодействовали большевистскому наступлению на деревню – в различных формах, вплоть до борьбы с обрезками в руках.

² Многие крестьяне, не желая отдавать свое имущество в колхозы (сдаче подлежали все лошади и коровы, 80% свиней, овец и т. д.), уничтожали инвентарь и забивали скот. поголовье коров и лошадей сократилось за 1930 г. на треть, свиней – в 2 раза, овец – в 2,5 раза. Общая урожайность упала на 10%. Во многих районах вспыхнули волнения, подавленные войсками. «По деревням на Украине – погромы, грабежи, гонения, террор, выселение, – писали крестьяне из Мариупольского округа. – Только видим разные налоги, бесконечные контрибуции, распродажи. В коллективы гонят почти силой оружия. Разве это свобода? Это крепостное право». Крестьяне одной из деревень Северного края прямо заявили: «Советская власть организацией колхозов стремится совсем закабалить крестьянство. При царе работали на помещика, а при советской власти – на коммунистов». В январе 1930 г. массовые противоколхозные выступления прошли по всем округам среднего Поволжья; в ЦЧО с 17 декабря 1929 г. по 1930 г. прошло 38 крестьянских выступлений, в которых участвовало более 15 тыс. чел. и т. д. [120, с. 172]. В городах ввели карточную систему распределения продовольствия.

Недовольство стало проникать и в армию. И Сталин сделал хорошо рассчитанный шаг. Так, 1 марта 1930 г. был утвержден «*Примерный устав сельскохозяйственной артели*», согласно которому обобществлялись основные средства производства (пахотная земля, рабочий скот и инвентарь, семенное зерно), а в единоличном пользовании колхозников оставались приусадебные земли (огород, сад), мелкий инвентарь, корова, мелкий домашний скот, птица. Затем в «Правде» 2 марта была опубликована вместе с уставом статья «Головокружение от успехов», в которой Сталин всю вину за создавшееся положение возложил на исполнителей, местных работников, заявив, что «нельзя насаждать колхозы силой», необходимо опираться «на добровольность колхозного движения и учет разнообразия условий в различных районах СССР» [164, с. 193, 195, 198]. После этой статьи Сталин стал восприниматься большинством крестьян как народный заступник.

Но шаг назад был сделан для того, чтобы тут же совершить десяток шагов вперед: за выполнение работ крестьянам стали начислять *трудодни*, в соответствии с количеством которых распределялись необходимые для жизни продукты¹; в 1932 г. была введена *паспортная система*, приковавшая крестьян к колхозам². Жесточайшие репрессии ожидали колхозников, которые, голодая, пытались утаить или похитить часть урожая. В 1932 г. был принят закон, предусматривавший меру наказания от 10 лет заключения с конфискацией имущества до расстрела – за хищение колхозной собственности («за колоски», как называли его в народе)³ [149, с. 60].

Политика сплошной коллективизации привела к тяжелым последствиям: за 1929–1934 гг. производство зерна сократилось на 10%, поголовье крупного рогатого скота и лошадей – на 1/3, свиней – в 2 раза, овец – в 2,5 раза. Разорение деревни привело в 1932 г. к невиданному голоду⁴, охватившему примерно 25–30 млн чел., но, несмот-

¹ В беднейших колхозах после выполнения плана госпоставок (их размер часто увеличивался сверх объявленных ранее цифр) нередко не оставалось продуктов для личного потребления.

² Получить паспорт селяне могли по специальному разрешению власти.

³ Менее чем за полгода было осуждено более 103 тыс. чел., из них приговорено к высшей мере наказания 6,2%, к 10 годам лишения свободы – 33%. С 1935 г. закон применялся уже к детям с 13-летнего возраста [149, с. 60].

⁴ Количество жертв не поддается точному учету, по разным оценкам оно составляло от 3–15 млн чел.

ря на масштабы голода, за границу было вывезено 18 млн центнеров зерна для получения валюты на нужды индустриализации [149, с. 61].

Дешевая избыточная рабочая сила деревни также стала важным источником индустриализации страны. Уже к 1931 г. безработных не осталось, был введен жесткий контроль над использованием трудовых ресурсов. На стройки пятилетки с удовольствием отправлялась сельская молодежь, избавляясь от полуголодной деревенской жизни, однообразного сельского труда, обретая возможность получить образование, «устроиться» в городе.

К середине 1930-х гг. были четко обозначены *обязанности сельских жителей по отношению к государству*: обрабатывать поля и ухаживать за скотом, получая в награду в лучшем случае 1/5 урожая; содержать собственный скот и обрабатывать во вне рабочее время собственный приусадебный участок, поставляя государству мясо по низкой цене и платя налоги; выполнять другие повинности (поддержание в порядке дорог, строительство хозяйственных помещений, лесозаготовки, торфозаготовки и т. д.); содержать учителей, бухгалтеров и других служащих государства, проживающих в деревне; служить в армии, участвовать в собраниях и общественных организациях, словом и поднятием руки поддерживая любые решения партии и правительства.

В то же время колхозники не имели того, что могли иметь рабочие: ежегодных отпусков; выплат во время болезни; путевок в санатории и дома отдыха; оплачиваемых отпусков по беременности и родам для колхозниц; пенсий.

Возникла новая система сельскохозяйственного производства, обрекавшая непосредственных производителей на полуголодное существование, а порой и на голодную смерть,— система, *по жестокости эксплуатации не знавшая себе равных*. Логическим следствием введения этой системы было положение, когда страна с самой большой в мире территорией, самыми большими в мире посевными площадями не могла себя прокормить.

«Сороковые-грозные» стали серьезным испытанием социалистической модели общества.

Во время войны ярко проявилась выработанная тысячелетним опытом способность нашего народа переносить жесточайшие социальные перегрузки. Во время войны русский народ реализовал все

свои лучшие ментальные качества. На фронт ушли миллионы мужчин – женский труд стал основным на селе¹. Колхозники и рабочие совхозов хорошо понимали свою ответственность перед фронтом. И они самоотверженно трудились, чтобы обеспечить армию и население продовольствием, а промышленность – сельскохозяйственным сырьем. Когда не хватало семян, колхозники пополняли семенной фонд из личных запасов, один колхоз помогал семенами другому. Не хватало тракторов, лошадей – пахали на коровах, а иногда и сами впрягались в плуг. В 1943 г. в селе было развернуто соревнование женских тракторных бригад, в котором участвовало более 150 тыс. трактористок. Не зная усталости трудились на полях и стар и млад².

Широкий размах получило массовое патриотическое движение – сбор средств на вооружение Красной армии, начатое осенью 1942 г.³

Были созданы добровольческие соединения, в которые вошли лучшие из лучших и для которых вооружение, снаряжение и обмундирование изготавливались из средств населения.

Трудом на пределе человеческих возможностей, величайшим самопожертвованием крестьянству удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия и сырья, спасти от голода. Сельское население являлось основным источником пополнения действующей армии, поставщиком рабочей силы для промышленности, транспорта и строительства.

Но государство продолжало «закручивать гайки», стараясь выжать из деревни все. Об этом свидетельствует набор «крутых» мер

¹ Женщин-трактористок в МТС в 1943 г. насчитывалось в 2,6 раза больше, чем до войны, комбайнеров – больше чем в 3 раза. К руководству во многих колхозах, бригадах, на фермах также пришли женщины [24, с. 290].

² Так, престарелая колхозница из артели «Путь к коммунизму» Гаврилов-Ямского района Ярославской области П. Е. Морева, у которой на фронте сражались десять сыновей и четырнадцать внуков, выработала в 1943 г. 300 трудодней [24, с. 291].

³ Колхозник, житель Новопокровского района Саратовской области Ф. П. Головатый внес из своих сбережений 100.000 р. на строительство самолета. Его примеру последовали сотни других колхозников. Всего в фонд обороны и в фонд Красной армии к концу 1943 г. было передано около 13 млрд р. Поступило много ценностей, продовольствия и теплой одежды. Тысячи танков, самолетов, орудий, построенные на личные сбережения трудящихся, могучим потоком шли на фронт [24, с. 292].

в постановлении СНК СССР от 24 ноября 1942 г. «Об ответственности за невыполнение обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству колхозными дворами и единоличными хозяйствами»: наложение штрафов в размере двукратной стоимости неданных продуктов по рыночной цене, привлечение к уголовной ответственности, опись имущества для принудительного погашения задолженности. В недоимщики можно было попасть очень легко (потерялись документы; не дошли до мест новые «цифры» и т. д.). Годовой минимум трудодней для каждого трудоспособного члена колхоза был повышен в 1,5 раза (он сохранялся до середины пятидесятых годов) [151, с. 219–220], изменялись нормы выработки на различных видах работ на 12–25% ежегодно [126, с. 35], повышались налоги.

Военная цензура Чкаловской области на основании просмотра писем граждан отмечала резкое увеличение к концу войны жалоб на высокие налоги. Если в IV квартале 1944 г. их было 214, то в I квартале 1945 г. – 467. Сельские жители писали родным на фронт: «... про налоги. Их так много, что не успеваешь рассчитывать. Мы выбиваемся из сил, а если нечем платить, то приезжают и отбирают последний хлеб и картошку...» [51, с. 121]. *При взимании налогов имел место административный произвол.*

Располагая крайне незначительными правами и возможностями в деле финансовой поддержки, планирования кадрового обеспечения сельхозпроизводства, Советы в качестве средства влияния на колхозные дела широко применяли репрессивные методы в отношении руководителей. В Свердловской области в 1943 г. Артинский райисполком вынес решение о привлечении к уголовной ответственности 24 председателей колхозов (33% их общего числа); кроме того, многие хозяйственные руководители были сняты с работы. В Пышминском, Еланском районах такие решения были вынесены в отношении 30% председателей колхозов [151, с. 123].

Как видим, «властвование государства» реализовалось в рамках государственной и правовой системы, порождая чиновнично-административный произвол. *Насилие оставалось нормой жизни.*

Сельское хозяйство к концу войны было крайне ослабленным. В 1945 г. его валовая продукция составляла 60% от довоенной. Не хватало техники, во многих селах продолжали пахать на коровах. Жестокая засуха 1946 г. еще более подорвала производительные силы

колхозов и совхозов, породила страшный голод (поедались трупы падших животных, имелись случаи людоедства).

Однако государство продолжало через ценовую политику осуществлять неэквивалентный товарообмен между городом и деревней. При планировании сдачи сельскохозяйственной продукции власть исходила из потребностей государства, а не из возможностей деревни. Налог на все, что содержал колхозник на своем подворье, был настолько велик, что держать скот, выращивать фруктовые деревья оказалось попросту невыгодным. Крестьяне вырубали сады, чтобы избавиться от бремени налога; с 1946 г. началось урезывание приусадебных участков. Закупочные цены на продукцию колхозов и совхозов были настолько низки, что подчас расплатиться с колхозниками за труд не оказывалось возможным. Среднему колхознику, чтобы купить новый костюм, требовалось работать целый год. Сохранялись нормы довоенного времени, ограничивающие свободу передвижения, крестьяне были лишены социальной защиты.

В 1947 г. началась *кампания по укрупнению колхозов*. За пять лет их число сократилось в три раза. Эта мера носила не столько экономический, сколько политический характер. 85% укрупненных колхозов по-прежнему не имели электричества, зато в каждом из них действовала собственная партийная ячейка.

Явно не способствовала укреплению сельского хозяйства и проведенная в конце 1940-х гг. в прибалтийских республиках, Молдавии, в западных областях Украины и Белоруссии *кампания по массовому разрушению единоличных крестьянских подворий*. На них обрушилась волна насильственной коллективизации, до 900 тыс. раскулаченных были сосланы в Сибирь. Хуторские хозяйства оказались разоренными и брошенными.

В 1948 г. колхозникам было настоятельно «рекомендовано» продать государству мелкий скот, содержание которого позволялось колхозным уставом. Крестьяне в ответ пустили под нож более 2 млн свиней, коз, овец. Резко повысились сборы и налоги с доходов колхозников от продажи на свободном рынке. Кстати, торговать колхозник мог, предъявив документ, что колхоз полностью выполнил свои обязанности перед государством. В этом же году вышел указ «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественной, паразитической образ жизни». По этому указу было репрессировано около 50 тыс. чел.

В начале 1950-х гг. сельское хозяйство с большим трудом достигло довоенного уровня, увеличило (примерно на треть) машинно-тракторный парк – и начало *погружаться в пучину стагнации*, постепенно опускаясь на уровень 1926–1929 гг. Поэтому на сентябрьском 1953 г. Пленуме ЦК КПСС был *выработан новый курс развития сельского хозяйства*. Для стимулирования материальной заинтересованности колхозников были повышены заготовительные и закупочные цены, снижены нормы обязательных поставок, увеличены почти в два раза капиталовложения в сельскохозяйственное машиностроение. Но сельское хозяйство было настолько подорвано, что оказалось не в состоянии выбраться из глубокого кризиса. В качестве выхода было принято решение об освоении целинных и залежных земель, прежде всего в Казахстане. В оборот было введено 42 млн га пашни, где выращивалось к концу 1950-х гг. до 40% всех зерновых [189, с. 218]. Кроме того, был отменен налог на ЛПХ и разрешено в пять раз увеличить размеры личного хозяйства; провозглашен принцип планирования снизу; введены пенсии для колхозников; начали выдавать паспорта колхозникам, колхозы получили право вносить изменения в свои уставы с учетом местных особенностей.

Эти меры, не подрывая государственной монополии, укрепили сельское хозяйство, во многом освободили крестьян от кабалы предшествующих лет. Прирост сельскохозяйственной продукции к концу 1958 г. сравнялся с темпами развития в годы нэпа.

Но уже с конца 1950-х гг. экономические стимулы начали вытесняться административным принуждением. *Экономическое реформирование переросло в административный натиск*; было нанесено два мощных удара сверху: технику МТС *не отдали колхозам, а заставили выкупить по высоким ценам в короткие сроки*,¹ и началось свертывание ЛПХ, тормозивших окончательную победу социализма на селе.

В декабре 1958 г. Хрущев с трибуны Пленума ЦК призвал сельских жителей продать государству или колхозам личный скот, а мясомолочную продукцию покупать у них. Он агитировал, ссылаясь на опыт своих земляков, которые продали коров колхозу и материально стали жить лучше, перестали «разрывать» между общественной нивой и личным скотным двором, получили свободное время на духовное развитие.

¹ За год государство вернуло средства, вложенные в деревню в предыдущие годы.

Началось новое раскрестьянивание в СССР. В 1930-е гг. крестьян освободили от земли, теперь – от коровы. К середине 1960-х гг. ЛПХ деревенских жителей во многих районах страны деградировали, что не замедлило сказаться на обострении продовольственной проблемы в стране.

В 1959 г., находясь в США, Хрущев обещал показать «кузькину мать» и в сельском хозяйстве¹. В качестве панацеи была выбрана кукуруза: и зерно дает, и зеленую массу на силос. Но чуда не произошло. И в 1962 г. правительство вынуждено было стимулировать животноводство повышением в 1,5 раза цен на мясо².

В 1963 г. перебои начались и с хлебом. Длинные очереди с ночи у хлебных магазинов вызвали широкие антиправительственные настроения. Государство вынуждено было начать *закупки американского зерна*. Эта *вынужденная мера стала неотъемлемой частью государственной политики вплоть до распада СССР*. Золотые запасы страны использовались, таким образом, для укрепления и развития американских фермеров, а хозяйства собственных крестьян подвергались гонению.

Семилетний план развития народного хозяйства был провален (рост сельскохозяйственного производства составил 15% вместо 70% плановых).

В правящих кругах укрепилось мнение, что административные методы управления способны обеспечить динамичное развитие экономики. Под руководством председателя Совмина А. Н. Косыгина началась подготовка программы более глубокого реформирования хозяйственного механизма, использования методов экономического стимулирования производства.

В марте 1965 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором Л. И. Брежнев провозгласил *новые ориентиры аграрной политики*: повышались закупочные цены на продукцию совхозов и колхозов, устанавливался твердый план государственных закупок, уменьшались налоги на денежный доход колхозов; вновь увеличились посевные площади под рожь и пшеницу; вместо трудодней были введены денежные оклады, что сразу повысило уровень жизни селян; отменялись за-

¹ Он предполагал решить «мясную проблему», взявшись за кормопроизводство.

² Новые цены количества мяса не увеличили, но вызвали волнения в городах. Самое мощное – в Новочеркасске – подавили силой оружия.

преты на ведение ЛПХ. Впервые на развитие сельского хозяйства *были выделены крупные средства*. Началось осуществление программ ирригации засушливых земель на юге и в Средней Азии, осушения заболоченных районов.

Данные меры встретили поддержку крестьянства, значительно оживили хозяйственную деятельность советской деревни. Это сказалось на продовольственном снабжении населения: в годы восьмой пятилетки в крупных городах прилавки магазинов имели весьма неплохой набор продуктов питания. Люди поверили, что карточки и талоны ушли в прошлое.

Но многое из запланированного осталось нереализованным: *новые условия хозяйствования не вписались в старую систему управления сельским хозяйством*. По-прежнему широко практиковались администрирование, некомпетентное вмешательство в дела колхозов, совхозов и в целом тружеников села; рос аппарат управления сельским хозяйством: численность надзирателей «с ложкой» достигла миллиона человек. Развитие межхозяйственной кооперации и специализации, химизация и мелиорация земель не принесли желаемых перемен [51, с. 199].

Плохое экономическое положение колхозов и совхозов усугублялось несправедливым обменом между городом и деревней. Удорожание сельскохозяйственной техники, «грабеж» со стороны обслуживающих деревню организаций, разрыв между закупочными и розничными ценами привели к тому, что к началу 1980-х гг. многие колхозы и совхозы оказались убыточными. Вложенные в агропромышленный комплекс более 500 млрд р. расходовались не по назначению.

Установление жесткого бюрократического управления, искоренение любых проявлений самостоятельности¹ гасили социальную активность крестьян, уничтожали заинтересованность в конечных результатах своего труда, хотя мотивы были прямо противоположными:

¹ В 1970 г. в опытном хозяйстве Акчи (Казахская ССР) проводился по инициативе работников интересный эксперимент, суть которого была проста и понятна: все, что заработано крестьянином, должно идти ему (право крестьянина на выращенную им продукцию священо), крестьянин сам должен распоряжаться плодами своего труда. Директор хозяйства И. Н. Худенко был осужден за мнимые «хищения» и умер в заключении. За инициативу и творческий подход к делу заплатили изломанными судьбами известные организаторы аграрного производства В. П. Белоконь и И. Снимщиков.

«Если раньше не работали потому, что знали: все равно ничего не дадут, то теперь не работают, так как знают, что все равно дадут»¹.

Слабый уровень социального развития села, продолжение политики ликвидации так называемых неперспективных деревень порождали чрезмерную миграцию крестьянского населения в города. Сокращение аграрного населения является мировой закономерностью. По мировым стандартам для удовлетворения продовольственных нужд населения необходимо, чтобы 7–10% населения трудились в аграрном секторе. В СССР в 1970–1980-е гг. в сельском хозяйстве было занято до 20%. Особенностью нашей страны было то, что *из деревни уходили наиболее сильные, квалифицированные работники, в основном молодежь*. С 1967 по 1985 г. ежегодно деревню покидало в среднем 700 тыс. чел. [51, с. 201]. Продолжался процесс отмирания лучших крестьянских качеств. Хозяйственной опорой, совестью крестьянской продолжали оставаться единицы, в основном пожилые люди, такие как герои повестей и рассказов В. Распутина и В. Белова. *Административная система не позволила вырасти сельскому труженнику – хозяину земли*. Она стала одной из причин формирования психологии социального иждивенчества, потери нравственных устоев, широкого распространения пьянства, хищений.

Противоречия и трудности, бесхозяйственность и «пофигизм» в сельском хозяйстве руководство страны пыталось компенсировать импортом продовольствия и зерна. «За 20 лет импорт мяса, рыбы, масла, сахара, зерна вырос в денежном выражении более чем в 10 раз» [51, с. 201].

С середины 1970-х гг. руководство страны сделало упор в сельскохозяйственной политике на *агропромышленную интеграцию* – организационное кооперирование колхозов и совхозов с обслуживающими их отраслями промышленности, транспорта, торговли, строительства. Ретивые чиновники начали с насаждения РАПО и закончили созданием в 1985 г. нового административного монстра – Госагропрома СССР, поглотившего пять союзных министерств. Венцом «творения» аграриев из ЦК КПСС стала Продовольственная программа (1982 г.), главными це-

¹ Такие ответы мы фиксировали в конце 1970 г. – начале 1980-х гг., участвуя в лекционной работе в селах Кустанайской области Казахской ССР и в ходе социологических исследований в Ставрополье (1985).

лями которой было накормить досыта страну к 1990 г. через развитие сети агропромов, удовлетворить потребности сельского хозяйства в технике, удобрениях; содержалось в программе и обещание коренным образом улучшить социально-культурную сферу села. *Впервые в документ был включен призыв повернуться лицом к личному подсобному хозяйству.* К сожалению, и эта программа, разработанная в недрах устаревшей системы управления, несла на себе следы застоя, имела половинчатый характер, не затрагивала интересы крестьянства и не отвечала потребностям хозяйственного механизма. Но, несмотря на все принимаемые постановления, продовольственная проблема значительно обострилась и к середине 1980-х гг. практически повсеместно снова были введены карточки на основные продукты питания.

В целом по сравнению с нищетой конца 1930-х гг., послевоенным периодом положение основной части населения улучшилось; в обыденную жизнь входили радиоприемники, телевизоры, холодильники; стали появляться домашние библиотеки; менялась одежда, выросли требования к ней. В стране происходил беспрецедентный в истории человечества подъем миллионов людей из самых низов общества. Они становились мастерами, учителями, врачами, офицерами, писателями, директорами и т. д. и т. п. Но у этого улучшения была и обратная сторона: в условиях разлагающейся командно-бюрократической экономики миллионы людей рассматривали «общественную социалистическую собственность» либо как свою («все вокруг колхозное, все вокруг мое!»), либо как ничью («божью») и считали вполне естественным при случае «перераспределить» ее в свою пользу¹.

Массовое распространение получили так называемые мелкие хищения. Психологически миллионы людей оправдывали их, видя размах коррупции на всех уровнях управления, в высших сферах. Относительное материальное благополучие было временным, предкризисным. В стране неумолимо обострялись продовольственные проблемы: к концу 1980-х гг. одна шестая часть продовольственных товаров, реализуемых через государственную и кооперативную торговлю, была получена по импорту. И это были не экзотические продукты, а то, что можно и должно в достатке производить у нас.

¹ Нам довелось услышать такое обоснование своеобразного перераспределения: «У бога всего много. А если от многого взять немножко, будет не грабеж, а дележка».

Меры и решения принимались: только за 1980-е гг. было принято свыше 80 совместных постановлений ЦК КПСС и Совета министров по сельскому хозяйству, вложено в агропромышленный сектор почти 120 млрд р. Но улучшение не наступило. Темпы прироста сельскохозяйственной продукции неуклонно снижались: если в 1984–1986 гг. они составляли 2,6%, то в 1987–1989 гг. – 1,5% [51, с. 253]. И в итоге к началу 1990-х гг. по всей стране были введены талоны¹ на продовольствие (а позднее и на многие промышленные товары), которые оказалось невозможно полностью отоварить. Деревни пустели, люди семьями покидали их. Но тем не менее власти на личное подсобное крестьянское хозяйство смотрели как на некое зло, считая, что все силы и время крестьянин должен отдавать общественному производству. *«Таким образом, убеждение в том, что крестьянин-собственник является врагом, что его мелкотоварное хозяйство способно ежегодно, ежечасно воспроизводить капиталистические отношения, а не хлеб, молоко, мясо, – это убеждение, проводимое в жизнь, стало теоретической основой подрыва аграрного сектора страны.* Недоверие к крестьянству сказалось в значительной части в новом союзном Законе о земле, который фактически отказал крестьянину в праве быть собственником земли» [51, с. 253]. Не являясь хозяином земли, крестьянин не был хозяином и производимой им продукции; он не имел права покупать технику, семена, породистый скот. Хронический характер приобрела система авральных работ в сельском хозяйстве, привычными стали «битвы за урожай», на помощь «армии хлеборобов» в принудительном порядке («шефская помощь селу») отправлялись «бойцы стройотрядов», учащиеся и студенты, рабочие и служащие.

В 1960-х гг., когда лучшим комментатором положения в стране было «армянское радио», широкую популярность в стране приобрел диалог: «Есть ли выход из безвыходного положения? – На вопрос о сельском хозяйстве не отвечаем». Неразрешимость проблемы была очевидной: каким образом сочетать общественные и личные интересы? каким образом закрепощенный колхозник мог кормить государство и не умирать с голода? Превращение крестьян в колхозников, ка-

¹ Правительство с целью сокрытия истинных размеров надвигающегося кризиса столь знакомое «продовольственная карточка» заменило на обещающее некие блага – «талоны».

залось бы, решало первую часть проблемы: государство стало получать столько сельскохозяйственных продуктов, сколько могло отобрать у колхозников. Оставалась вторая часть проблемы: сколько выделять на выживание? Как мы имели возможность убедиться, каждый из вождей имел свои рецепты решения «квадратуры круга» сельского хозяйства.

В 1935 г. Сталин, объявив о победе, о том, что 90% крестьян уже работает в колхозах, подчеркнул, что необходимо учитывать, «кроме общих интересов колхозников, их личные интересы...». Товарищ Сталин выразил свое неудовольствие тем, что «некоторые думают, что корову нельзя давать, а другие, что свиноматку нельзя давать. И вообще вы хотите зажать колхозника. Это неправильно» [164, с. 204]. Сталин не позволял «зажимать» колхозников без его прямого указания, демонстрируя тем самым *важнейший принцип советской системы: воля вождя определяет политику, в том числе и аграрную*. Хрущев в первые годы своего правления значительно облегчил положение колхозников. Затем, увидев, что облегчение положения не побудило их производить гораздо больше, он пришел к выводу, что работе в колхозе мешают личные участки. Те самые коровы, свиньи, которые Сталин разрешил иметь, Хрущев запретил: все силы должны быть направлены на работу в колхозе. Брежнев то разрешал, то запрещал.

Неэффективность сельского хозяйства была очевидна Горбачеву. «Он давно ищет способы, “подходы” (как он любит говорить). Это традиционные, десятилетиями испытанные приемы повышения производительности в колхозах и совхозах путем “совершенствования” управления, дополнительных инвестиций, увеличения выпуска сельхозтехники, развития мелиорации, химизации» [29, с. 204]. Но ничего не изменилось к лучшему. В 1988 г. была найдена панацея: *аренда и «фермеризация» советского сельского хозяйства*. Горбачев преследовал две цели: ликвидировать отчуждение от земли, вновь «*окрестьянить*» страну, превратив колхозников в крестьян, и через аренду «*раскрывать потенциал колхозов и совхозов*. А чтобы это “сработало”, необходимо перестать платить незаработанные деньги в колхозах и совхозах» [29, с. 214, 215, 216].

Реальные аграрные реформы в конце 1980 – начале 1990-х гг. блокировались «сверху» влиятельной группой из числа партийных работников и руководителей колхозно-совхозной системы. Поэтому

развитие фермерского хозяйства и свободных кооперативов крестьян-собственников не получило широкого распространения. Определенную роль сыграла и естественная психологическая инерция значительного числа работников сельского хозяйства. Итогом стали продовольственный кризис, угроза голода.

Продовольственный кризис усугублялся нарастанием топливно-го, энергетического, транспортного кризиса. Показателями краха так называемой социалистической экономики стали галопирующая инфляция, растущий внутренний и внешний долг, обесценивание рубля («деревянный»), возрастание объемов натурального обмена (бартер). Популистские экономические решения (повышение пенсий, пособий, рост зарплаты и т. п.) при остром дефиците товаров не сопровождались реальными реформами и окончательно подорвали экономическую жизнь страны. Изобилие программ перехода к рынку не способствовало решительному продвижению их в жизнь для создания реального рынка, защиты собственности, жесткой финансовой дисциплины. Все это порождало неуверенность, нервозность, озлобление среди миллионов людей страны. Кризис тоталитарного политического режима неизбежно привел к кризису командно-бюрократической системы и вместе с этим *снял с повестки дня так беспокоивший власть «крестьянский вопрос»: крестьянство перестало существовать как класс, как социальное явление.*

§2. Эволюция мировоззренческих ориентаций крестьян

Диалектику трансформации МО крестьянства удобно рассматривать, выделив четыре этапа в развитии социализма в СССР: период от победы Великой Октябрьской социалистической революции до построения основ социализма (1917–1936); период от времени построения основ социализма до утверждения общества развитого социализма (1937–1977); период «зрелого (развитого) социализма» (1978–1984); «перестройка» (1985–1991).

Победа Великой Октябрьской социалистической революции положила начало революционным преобразованиям во всех сферах жизни страны, открыла путь к социализму, к глубочайшим изменениям в духовном облике людей нового общества.

Этапы становления социалистической духовной культуры связаны с развертыванием культурной революции. Этот процесс протекал

в чрезвычайно многообразных конкретно-исторических формах, характеризующаясь сложной диалектикой общего и особенного. На особенности социалистической революции оказала влияние специфика социально-экономического, политического, исторического и культурного развития дореволюционной России. В. И. Ленин в статье «К вопросу о политике министерства народного просвещения» писал: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были ограблены в смысле образования, света и знания, – такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России» [77, с. 127]. Статистика свидетельствует, что в дореволюционной России более 75% населения было неграмотным, а большая часть нерусских народностей вообще не имели даже своей письменности [72, с. 56].

Ленинская теория культурной революции исходила из важнейшего положения теории марксизма о народных массах как решающей силе общественного прогресса, главным творце материальных и духовных ценностей. Она предусматривала такое изменение духовной жизни общества, которое не только охватывает все сферы общественного сознания, но и *качественно преобразует идеологическую сущность культуры* [81, с. 484]. Коммунистическая идеология, революционизируя мировоззрение, дает ему единственно научный критерий оценки общечеловеческой культуры и овладения ею.

Содержательным элементом культурной революции Ленин считал *соединение обучения, образования с политикой, ростом политической активности и сознательности трудящихся*, с формированием новой личности [80, с. 404]. Таким образом, речь фактически шла о *формировании политических ориентаций*. Поэтому во всех формах обучения наряду с ликвидацией неграмотности было заложено идеологическое («мировоззренческое») просвещение народа, освобождение культуры от влияния религии.

Декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», подписанный В. И. Лениным 26 декабря 1919 г., *впервые в истории человечества вводил обязательное обучение неграмотных в возрасте от 8 до 50 лет* на родном или русском языке, причем для обеспечения его исполнения предусматривалось создание условий для массового обучения неграмотных: рабочим на время обучения рабочий день сокращался на два часа с сохранением заработной платы, в деревнях обучение практиковалось в те месяцы, когда основные земле-

дельческие работы были завершены; для занятий органы Наркомпроса могли использовать народные дома, церкви, клубы, частные дома и т. п.; широко вовлекались профсоюзы, местные ячейки РКП (б), Союз коммунистической молодежи, комиссии по работе среди женщин и т. п.

Первый этап развития социализма в СССР (1917–1936) охватывает почти два десятилетия, насыщенных важнейшими событиями, бесспорными достижениями, ошибками и просчетами, сознательными антинародными акциями со стороны госаппарата.

Наиболее ярко проявлялись у проснувшегося для политической жизни крестьянства ПО. Как уже отмечалось, основная масса крестьянства с одобрением встретила первые декреты советской власти. Но продолжавшаяся мировая война внесла свои коррективы в экономические и социальные планы молодого государства, ввергнув страну в братоубийственную Гражданскую войну и вызвав к жизни «военный коммунизм».

Недовольное политикой «военного коммунизма» *крестьянство пыталось бороться всеми доступными методами: письменными* (просьбы, жалобы на деятельность местных властей, постановления и резолюции сходов и собраний), *словесными* (разговоры, выступления), *силовыми*. В Тамбовской губернии до ноября 1918 г. преобладали первые и вторые (прежде всего, сказывалось типичное для крестьян желание не обострять ситуацию, «не доводить дело до греха») даже в очень «острых ситуациях»: «Крестьяне постановили, что они отдадут весь хлеб, только чтобы не было над ними таких издевательств, что много с ними было», – сообщал уполномоченный губпродкома в Шацком уезде 3 сентября 1918 г. [99, с. 190, 191].

Количество совершаемых властью репрессивных акций изъятия привело к качественным изменениям – *мощнейшему выступлению крестьянских масс, подавленному с большим трудом с помощью артиллерии и авиации.*

Крестьянские восстания всколыхнули в 1918 г. Смоленскую, Воронежскую, Орловскую и ряд других губерний, причем здесь четко проявлялись ПО в лозунгах и призывах. Так, в Вятской губернии яростное сопротивление хлебной монополии происходило под лозунгом «Долой хлебную монополию, а с нею и Советскую власть!».

В ходе Гражданской войны крестьянство металось между «белыми» и «красными», поддерживая то одних, то других. В марте 1919 г.

в уездах Самарской и Симбирской губерний произошло крупное крестьянское восстание, вошедшее в историю как «чапанная война»¹. Общее число ее участников составило 100–150 тыс. чел., причем разных национальностей. Середняк в массе своей сначала поддерживал контрреволюцию, но стал поддерживать советскую власть, осознав демагогический характер аграрной политики белых правительств² [83, с. 91–92; 145, с. 139, 157, 211]; трудящееся крестьянство, по утверждению П. С. Лучевникова, поддерживало Колчака, так как *не обладало достаточным политическим опытом* и под влиянием эсеровской пропаганды не разобралось сразу в сущности военщины [90, с. 77]. Подобную причину называет и П. М. Спиринов, обращая внимание кроме того и на экономическую детерминанту – зажиточность середняка на Урале и Сибири [162, с. 91–92].

Изменение политической ориентации уральского крестьянства было следствием ряда причин экономического, социально-психологического характера. И. Ф. Плотников приводит множество конкретных примеров, показывающих, как под влиянием большевистской агитации крестьяне во многих районах Урала переходили от пассивного неповиновения властям к решительной борьбе, принимая участие в партизанском движении в тылу Колчака за восстановление советской власти [120, с. 88, 89, 34, 35]. К лету 1919 г. произошел окончательный переход середняка на сторону советской власти³.

Ликвидация основных фронтов, свертывание боевых действий в начале 1920 г. рождало у жителей деревни надежды на смягчение государственных повинностей, ослабление режима разверстки. Одна-

¹ «Чапанная война» – от слова «чапан», т. е. крестьянский кафтан.

² Все белые правительства поспешили отменить большевистский Декрет о земле. Взамен правительство Колчака в Декларации о земле сообщило крестьянам о их праве, обрабатывая чужую землю, снять с нее урожай и грозно предупредило, что все нарушители чужих земельных прав будут предаваться суду; в постановлении правительства Деникина содержалось требование предоставить владельцам захваченных земель треть всего урожая, крестьяне могли получить малую часть земли за выкуп; в «Законе о земле» Врангеля до 600 десятин земли сохранялось за прежним хозяином, оставшаяся земля могла отойти крестьянам за выкуп и с обретением права собственности через 25 лет.

³ В Вятской губернии использовали для поддержки советской власти «ударный метод» (кампании, вахты, субботники), проведение Недели крестьянина, Дней красного подарка, когда бесплатно передавали хлеб, мясо, теплые вещи для красноармейцев (СО).

ко и этот год не принес облегчения: массовые мобилизации по трудовой повинности дополнились масляной, молочной и яичной повинностью. К осени 1920 г. разверстка была распространена на солому, льняные и конопляные семена, веники, сушеные ягоды, грибы... Ужесточились методы изъятия продовольствия, сжимались сроки. Особенно тяжким становилось положение деревень возле крупных городов, например подмосковных.

Крестьяне, как отмечалось выше, реагировали на репрессивные методы правительства экономическими акциями. Производилось *резкое свертывание хозяйственной деятельности*: сокращали посевные площади и поголовье свиней, изменяли структуру посевов (резко уменьшали производство зерновых, пеньки, конопли и увеличивали посеvy необлагаемых налогом лука, чеснока, петрушки, укропа, виковой смеси); чтобы не платить гужевого налог, продавали лошадей, сбывали горожанам сенокосные угодья (ЭО).

Все чаще жители деревень выражали свое недовольство на сельских сходах и даже на созываемых властями «беспартийных конференциях», все более резкими становились их выступления, все более *политически ориентированными* («власти защищают свои интересы»; «советская власть, как и буржуазная, сажает неугодных и расстреливает»; «Россия находится в критическом положении. Войну мы должны кончать, она ведется крестьянами не добровольно, а по принуждению» и т. п.) [11; 54; 67; 84;99]

В феврале – марте 1920 г. разразилось самое мощное в годы Гражданской войны крестьянское восстание в Поволжье и Урале, названное современниками «вилочным». Оно охватило территорию Самарской, Уфимской, Казахской губерний, где проживало около 3 млн крестьян¹. Основную массу восставших составляли татары и башкиры, активное участие принимали крестьяне русских селений, а также немецкие и латышские колонисты. Несмотря на многонациональный состав и явное преобладание мусульманского населения, основные лозунги были далеки от «национального вопроса»: «Долой продразверстку, коммунистов-насильников, реквизиции, войну! Да здравствует вольная торговля!» (ПО). «Вилочное» восстание показало всю глубину противоречий между крестьянством и советской властью на

¹ На подавление восстания были брошены до 10 тыс. штыков и сабель, артиллерия и бронепоезд.

почве продовольственной политики, необходимость изменения которой стала осознаваться большевистским руководством.

Восстания продолжались и в 1921 г.¹, захватывая все новые территории большого государства, демонстрируя рост общественно-политической активности крестьянства: крестьяне создавали свои армии, штурмовали и брали города, выдвигали политические требования, формировали органы крестьянской власти.

Вскоре, как уже отмечалось, ситуация еще более осложнилась: недовольство охватило армию, а затем и пролетариат. Апогеем стали выступления в Кронштадте и Петрограде, где прозвучали требования немедленных перевыборов Советов тайным голосованием, свободы слова и печати, освобождения политических заключенных, ликвидации продразверстки и продотрядов, свободы торговли, свободы обрабатывать землю и иметь скот. Главной идеей восстания стала ликвидация монополии большевиков на власть.

Чтобы выстоять в этих условиях, большевики, осознав «уроки Кронштадта», сделали два шага назад: «военный коммунизм»² сменил нэп, главной задачей которого стало нахождение некоторой меры взаимоотношений между политической и экономической властью.

Восстановление прав частной собственности способствовало *возрождению утраченного ощущения самостоятельности*, ответственности за результаты своего труда на земле (СО, ЭО). Старательный хозяин налаживал и укреплял кооперативные отношения и связи, все больше и больше становясь «культурным хозяином»³, используя тра-

¹ Голод в Поволжье, вызванный не столько засухой, сколько разорением крестьян конфискацией (не оставили зерна даже для посевов), только подлил масла в огонь.

² МО крестьянства периода «военного коммунизма» представлено в прил. Г, на рис. Г 1.

³ Известны факты когда крестьяне Уральского региона использовали опытные разработки Краеведческого общества по посадке зерновых, картофеля, разведению свиней, результаты селекционной работы, методические рекомендации по особенностям района (НО), посещали организованные Краеведческим обществом лекции и выставки огородничества, садоводства и социальных услуг [166, с. 31–39]. Уральское крестьянство в 1927–1935 гг. оказалось в состоянии не только восстановить собственное хозяйство, но и освоить значительные массивы новых земель. Впервые за всю историю уральского крестьянства сельский труженик стал питаться лучше, чем горожанин: в дневном рационе сельского жителя содержалось 4013 калорий против 3235 калорий в рационе горожанина.

диционные меры почвозащиты (правильные севообороты с учетом локальных особенностей и устройством «чистых паров» в челябинских районах, полезащитное лесоразведение в степях и лесостепях), мелиорации (в степях Сибири и Южного Урала) и очищения угодий (ЭКО).

Разрешение торговли хлебом, поощрение кооперации повысили *заинтересованность крестьянина в увеличении доходности хозяйственного производства (ЭО)*. Закономерно стали появляться и зажиточные крестьяне. В большинстве своем их составляли бывшие бедняки и середняки, поверившие в нэп и положившие силы на свое крестьянское хозяйство. Уменьшилось количество безземельных крестьян.

Социальные и экономические противоречия нэпа общеизвестны, поэтому мы, подчеркивая его вклад в *осереднячивание деревни*, отмечаем, что середняки, являясь наиболее стойкими приверженцами традиционных порядков в хозяйственной жизни, культуре и быте, тем не менее были не прочь *получить и право отстаивать свои интересы при помощи собственных политических организаций*.

Снижение государственных закупочных цен на зерно весной 1926 г., хлебозаготовки, налоговая политика во второй половине 1920-х гг., начало реализации решений XV съезда партии об объединении и преобразовании мелких [72, с. 204] хозяйств в крупные коллективы, форсирование наступления на кулака, распространявшегося постепенно и на середняка, *дестабилизировали психологическое состояние основной массы крестьян*, вынужденных выбирать линию поведения, противоречащую менталитету (НрО)¹. Сократив посевы, крестьянин ставил под угрозу благополучие и даже существование семьи.

К концу 1927 г. *часть бедняков и маломощных середняков*, желавших заниматься сельским хозяйством, но не имевших достаточно средств и сил, добровольно шла в кооперативные сельскохозяйственные объединения (коммуны, ТОЗы, артели). Средние крестьяне присматривались к коллективным объединениям, участвовали в обсуждении проектов будущего общества, допуская возможность в будущем войти в коллективные хозяйства (в случае разорения либо если на практике увидят перспективность и эффективность колхозов). *Зажиточные крестьяне не допускали возможности перехода к колхозам, считая, что*

¹ Отказ от проведения подготовительных работ перед посевной; сокращение объемов хозяйствования, укрытие хлеба, отказ от сдачи, продажи его государству [154, с. 13].

развивать личное подсобное хозяйство необходимо, оно вполне может существовать параллельно с коллективным, и польза от его развития будет и крестьянам, и государству (СО, ЭО) [105, с. 193]. Возможная модель МО крестьянства периода нэпа представлена в прил. Г, на рис. Г 2.

Однако для складывающейся административно-хозяйственной системы был неприемлем самостоятельный крестьянин со своим стремлением к самоуправлению, независимости от государственных органов управления. Всего четыре года спустя после введения нэпа началось планомерное, последовательное, целенаправленное ограничение общественной и хозяйственной деятельности зажиточного крестьянства (в т.ч. и середняка).

С весны 1928 г. подворные обыски и конфискация хлеба стали регулярными. Деревня взвыла, когда уполномоченные райкомов партии и активисты, как в 1918 г., вслед за кулаком начали обирать рядового мужика.

Сплошная коллективизация и широкомасштабная репрессивная политика по отношению к крестьянству начали осуществляться с осени 1929 г. Вот как пишут об этом рабочие И. Шалаев и Я. Копкин из Курганского округа в феврале 1930 г.: «Не было еще такой эпохи, где бы так издевались над крестьянством... Мужики кончают самоубийством, сходят с ума, их разбивает паралич. Собrania собираются к ночи и вот тут-то и происходят издевательства над мужиками: их заставляют держать лампы, тычут под бока, теребят за бороды, тычут железными прутьями, плюют в глаза, толкают из стороны в сторону, не дают пить и есть, заставляют стоять на ногах... Деревня стонет, дети и женщины плачут, а прокуратура, видимо, глуха ко всем стонам и воплям из деревни» [9, с. 86]. Поэтому закономерно, что к организаторам коллективизации и выселения кулаков применялись ответные меры насилия (см. прил. В).

Анализ причин вступления крестьян в конце 1929 г. в колхозы¹ (СО) выявил следующее:

- большинство просто не видело выхода (в город уходить не хотели; развивать хозяйство в деревне не давали; власть, разорив хозяйства, все равно заставляли идти в колхоз); возникла угроза стать вра-

¹ Проанализированы письма крестьян в «Крестьянскую правду», жалобы М. И. Калинину, заявления о выходе из колхоза.

гом советской власти, что влекло обвинение в шпионаже, ссылку, тюрьму, конфискацию имущества, лишение избирательных прав, подведение под индивидуальное обложение сельхозналогом и хлебом;

- некоторые крестьяне шли за обещанными льготами (лучшие земли, сельхозинвентарь, денежные дотации);

- некоторые видели в этом возможность выхода из «общества» и получения свободы;

- часть крестьян рассчитывала после получения льгот выйти из колхоза или жить «единолично», а числиться колхозником;

- были и такие, что рассчитывали на приход некой новой власти (колхозы распадутся, а они останутся крупными самостоятельными хозяевами) [105, с. 194–195].

Конкретные условия проведения коллективизации, отсутствие материально-технической базы, порядка и организации в колхозах показали всю несостоятельность подобных надежд и вызвали недовольство у тех, кто, поверив, пошел сам в колхозы, и у тех, кого принудили к этому. Это отразилось в *скрытой войне колхозников против колхозов*.

Пытаясь защититься от произвола власти, вписаться в новые условия, крестьяне подчас *нарушали христианские нормы и заповеди* (НрО, РО).

В крестьянской иерархии нравственных ценностей (ЦО) семья и брак занимали особое место, воспринимались как дарованная господом богом разумная форма устройства человеческого бытия. Все мужчины и женщины стремились к созданию собственных семей, к рождению и воспитанию детей. Как личная трагедия воспринималось вынужденное безбрачие. Перепись 1926 г. выявила, что почти 80% взрослых мужчин и 90% женского населения российской деревни проживало в семье. Но после Гражданской войны довольно широкое распространение получило *брачное сожитительство без официальной регистрации* (так называемые фактические браки)¹. Новым явлением для деревни 1920–1930-х гг. стали и *разводы*, появившиеся благодаря секуляризации регистрации браков и разводов после 1917 г. и породившие сложнейшие проблемы семейных разделов (ЭО) и вопросы дальнейшей судьбы детей от распавшихся браков. Кризису

¹ Семейно-брачное законодательство 1920-х гг. легализовало эту форму брака, уравнивая ее статус в отношении прав детей в имущественных вопросах со статусом зарегистрированных гражданских браков.

и окончательному подрыву патриархальной семьи способствовали и *внутрисемейное регулирование рождаемости* (особенно аборт), и все более позднее вступление в брак [25, с. 89–92]. *Самораскулачивание* тоже приводило к разделу, распаду семьи, к подрыву ее экономического потенциала (ПО, ЭО).

Серьезным препятствием для реализации политики власти в деревне являлась церковь. Это была острая политическая проблема, далеко вышедшая за рамки мировоззренческой конфронтации. Участие церковных организаций в борьбе на стороне контрреволюции привело к крайним мерам: закрытию церквей, монастырей, разгонам молитвенных собраний, репрессиям в отношении духовенства и верующих, находившихся (или подозревавшихся) в сговоре с антисоветским силами.

В первые революционные годы и восстановительный период под мощным идеологическим прессингом произошло значительное отделение верующих от церкви. Часть населения равнодушно отнеслась к разгрому церкви новой властью (РО). В апреле 1929 г. ВЦИК принял постановление «О религиозных объединениях», лишавшее Русскую православную церковь прав юридического лица; борьба с религией была провозглашена как одна из форм классовой борьбы. В условиях массовой коллективизации религия стала рассматриваться как враг колхозного строительства; по всей стране расширялись антирелигиозная агитация и пропаганда, организовывались различные атеистические кампании, создавались антирелигиозные курсы и семинары по подготовке безбожников.

Это дало возможность большевикам осуществлять безнаказанно насилие над верующими в 1930-е гг., что *привело к отходу от православной веры значительной части населения*. В этом отношении показателен Урал, где антирелигиозная пропаганда и в целом борьба с церковью велись достаточно активно. Проведенные социологические исследования среди населения показали, что в 1929 г. ходили в церковь 41,9% чел., соблюдали пост – 19,2%, имели иконы в избах – 92,1%, крестили детей – 93,5%, отпевали умерших в церкви – 95,2%, венчались в церкви – 55,2%, а уже в 1936 г. ситуация выглядела иначе: обряды соблюдали только 8–9% мужчин и 12–13% женщин. Перепись 1937 г. показала, что не верили в бога 43% мужчин и 33% женщин. Наибольшее число верующих в бога (до 70%) насчитывалось в сельской местности. Как видим, *большевики сумели менее чем за 20 лет отлучить от церкви*

значительную часть населения, причем наиболее трудоспособного и активного возраста [9, с. 45–46]. Возможный вариант МО советского колхозника середины 30-х гг. XX в. представлен в прил. Г, на рис. Г 3.

Ранее веровавшие в бога крестьяне устранили его и другие сверхъестественные силы из сферы своей производственной деятельности. Это новое отношение к жизни родило и новые пословицы и поговорки: «Святой боже пахать не может»; «Не кропилом маши, а лучше землю паши»; «И без кропила, и без кадила земля хорошо уродила»; «Бога не просили, а хлеб скосили»; «На бога надеялись – голодными спать ложились» и т. п. [45, с. 77]. Разумеется преодоление религиозных пережитков не было простым и единовременным процессом. Еще живучи они были в семейно-бытовой сфере, велика была сила религиозного мировоззрения, складывавшегося веками.

Наиболее восприимчивым к новым веяниям оказалось молодое поколение крестьян, сформировавшееся под воздействием советской идеологии, а также бедняки и батраки, члены коммун, считавшие, что навсегда порвали с прошлой жизнью, а значит и с религией.

К началу «безбожной» пятилетки в 1932 г., несмотря на то что многие религиозные объединения распались из-за арестов и преследований священнослужителей, гонений на верующих, власти не удалось добиться запланированного отхода крестьян от религии. Вера в бога оставалась важнейшим социально-психологическим фактором духовной жизни значительной части крестьянства, ведущей составляющей менталитета (РО). Но настойчивая атеистическая работа партии, закрытие церквей и монастырей, преследование открытого проявления веры, раскулачивание¹, исключение из жизни крестьянина традиций, обычаев и привычек, приобретаемых под влиянием церкви, постепенно вынуждали многих менять отношение к религии и церкви. Веками складывавшееся мировосприятие, мировоззрение сельского труженика постепенно разрушалось, подвергались трансформации нормы крестьянской морали, нравственности [154, с. 20–22].

За несколько лет советской власти народ создал массу антисоветских устных рассказов, стихов, анекдотов и частушек, которые бы-

¹ Среди верующих, боровшихся за сохранение религиозных ценностей, часто оказывались кулаки и имущие середняки, которых власть причисляла к врагам социализма и контрреволюционерам, обвиняя их в антисоветской деятельности.

стро передавались из уст в уста, делали свое дело, разоблачая советскую лживую пропаганду. Наиболее мобильными и доходчивыми были частушки. Вот некоторые из них [17, с. 22]:

Как у наших у ворот, у нашей калитки
Удушился коммунист на суровой нитке.

Пароходы идут, волны кольцами,
Будут рыбку кормить комсомольцами.

У девчонки дела очень серьезные,
Двух близнят родила, говорит –
колхозные.

Колхоз ты колхоз, чертово создание,
Мужики – доить коров, бабы –
на собрание¹.

Едет Ленин на телеге, а телега без колес.
– Ты куда, товарищ Ленин?
– Реквизировать овес.

Вставай, Ленин, вставай, дедка,
З...ла нас пятилетка.

Товарищ Ворошилов, война уж на носу,
А конница Буденного пошла на колбасу.

Ленин Троцкого спросил:
– Чем ты бороду красил?
– Как ты глуп, товарищ Ленин, в реках
крови Красных сил.

¹ Полная неразвитость сферы услуг на селе приводила к тому, что даже мужчины вынуждены были заниматься чисто женскими домашними делами, например, стиркой и починкой белья. То, что женщины должны были не только вести домашнее хозяйство, но и выполнять тяжелую мужскую работу в колхозах, заниматься общественной деятельностью, считалось тогда, да и теперь, само собой разумеющимся.

Когда был царь Николашка, были штаны и рубашка.
А теперь стал Совет, увидела ж..а свет.

Ленин Сталину кричит, уже из могилы:
«Почему народ рычит, отвечай-ка милый!»
Сталин Ленину в ответ: «Ленин, успокойся,
Голод все сведет на нет. Лежи и не бойся».

Неудивительно, что после публикации в «Правде» статьи Сталина «Головокружение от успехов» начался массовый отток крестьян из колхозов.

Чтобы остановить процесс распада колхозов и наращивать темпы коллективизации, власти необходимо было найти причину, которой можно было бы объяснять все политические, экономические и социальные неудачи. Такую причину власти увидели в кулаке, за которым уже закрепился образ врага. Но в сознании большинства крестьян кулак в образе врага воспринимался неопределенно, размыто, да и жизнь показала, что кулаком и подкулачником власти могли объявить любого.

В начале 1930-х гг. крестьянство активно сопротивлялось преобразованиям сельского хозяйства. Так, например, в 1932 г. в Уральской области часть крестьян хозяйств «самораскулачивалась» и бежала в город на стройки пятилетки или просто туда, где их «никто не знал» (СО).

В сентябре 1934 г. был установлен непосильный для крестьян единовременный налог и повышены ставки постоянного налога в зависимости от наличия средств производства, усилена ответственность единоличника за выполнение обязательных поставок и денежных платежей. Крестьянство и в этих условиях отстаивало свои права. В ноябре 1934 г. Северо-Кавказский крайком партии информировал Сельскохозяйственный отдел ЦК ВКП (б): «Единоличники Ставрополя проявляют исключительную изворотливость в деле укрепления своих позиций. В колхозы идут весьма неохотно». Наиболее «упорными и твердокаменными» были бывшие партизаны. Один из них (И. И. Панерин из Благодарнинского района) заявил: «Я на своих плечах принес эту власть, я воевал за свободу и свободную жизнь, за землю, волю и народное право, а получил рабство. Я бы сейчас на обоих плечах

вынес эту власть обратно, если бы мог». Все это было сказано в присутствии председателя сельсовета.

Были еще такие высказывания: «Партизаны, которые *не в колхозе*, в большинстве *живут богато*... они воевали за то, чтобы забрать землю у помещиков и расширить свое хозяйство, а о социализме не думали» (Виноделинский район); «В колхоз не надо идти, колхозники денег не зарабатывают на трудодни, а работать заставляют много; у себя в поле и дома я сам хозяин, и никто мне не указывает, когда захочу, тогда и работаю, хочу – сплю» (СО, ПО) [46, с. 21].

Неверие в возможность эффективного труда в колхозах, понимание, что как бы ты ни трудился, ты можешь остаться без хлеба, состояние зависимости от произвола руководителей порождали апатию, нежелание трудиться за «палочки», приводили к *отказу от традиционных норм и принципов крестьянской жизнедеятельности*. Так, в условиях голода 1933 г. многие саботировали уборку урожая, что противоречило логике выживания, установкам крестьянского менталитета на самосохранение. Ранее осуждаемое воровство теперь во многом оправдывалось. Изменялась трудовая психология, искажались или утрачивались такие черты, как самостоятельность, ответственность, ощущение себя хозяином земли, умение трудиться, предприимчивость (НрО). Повсеместными явлениями стали пьянство и алкоголизм [122, с. 57, 58], рост преступности, в том числе детской. Характерными стали пьянство во время страды, хозяйственных работ, прогулы.

Однако «налоговый пресс» делал свое: хозяйства единоличников постепенно разорялись, а крестьяне пополняли ряды членов колхозов. На ход коллективизации повлиял и Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый в феврале 1935 г. на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников. Колхозники проявляли неподдельную активность, искреннюю заинтересованность при обсуждении проекта устава (ПрО, ЭО). Делегаты внесли ряд поправок и дополнений, направленных на закрепление в уставе права колхозников на ЛПХ, пытались четко и справедливо определить его размеры (ПрО). В результате поправки были приняты: загнав крестьян в колхозы, власти все же отдавали себе отчет в том, что полностью перековать мужика в коллективиста они не могут. Для колхозников было оставлено своего рода «мини-единоличное хозяйство», официально названное «подсобным», а на деле ставшее главным источником их существова-

ния. Двойственная природа крестьянства (индивидуалист-коллективист), проявившая себя еще в достопыпинские времена, продолжала существование, хотя и в иной форме [27, с. 384].

Кроме того, были облегчены условия приема в колхозы новых членов, расширены права колхозников (в частности, при решении вопроса об исключении из колхоза), т. е. в какой-то степени была снята напряженность во взаимоотношениях государства с колхозами и колхозниками.

В конце второй пятилетки ЛПХ значительно опережало общественное хозяйство колхозов в производстве животноводческой продукции (более 70%), картофеля, овощей и плодов (более 50%): на клочке земли крестьянин-колхозник решал свои главные бытовые проблемы – и не только свои, трудился с полной отдачей сил, сохраняя подлинно крестьянские черты в условиях почти полного раскрестьянивания в системе общественного хозяйства. Социальный протест крестьянства против утвердившейся в деревне особой формы государственного социализма проявился при обсуждении проекта новой Конституции СССР¹. В письмах звучали просьбы и требования вернуть отобранное имущество и средства производства, уравнивать в правах всех земледельцев – колхозников, кулаков, единоличников, разрешить восстановление разрушенных храмов и открытие сохранившихся, создать при сельсоветах крестьянские союзы, которые заботились бы обо всех крестьянских нуждах, т. е., в конечном счете, прослеживается *стремление вернуться к крестьянскому хозяйству* (ПрО, ПО, ЭО).

Идеологическое давление «сверху» и традиционное крестьянское мышление обусловили *двойственность* как в МО (см. прил. Г, рис. Г 4), так и в поведении, поступках, деятельности. Часть крестьян позиционировали себя как членов нового советского общества и при этом сохраняли приверженность традициям крестьянской жизни; другие под воздействием идеологической пропаганды поверили в перспективность колхозной системы, но эта вера под воздействием жизненных аргументов в любой момент могла смениться неверием; третьи, не очень веря лозунгам и обещаниям власти, приспособлялись и мимикрировали, добываясь выгоды в любой ситуации, любой це-

¹ Многие письма были упрятаны властями в спецхраны в особых папках с надписями «Враждебные отклики и предложения».

ной¹; основная часть крестьян пассивно и отстраненно относились к развитию событий в деревне, что позволяло властям диктовать крестьянину, как вести хозяйство, как развивать сельскую экономику, как жить.

Однако дальнейшая политика 1930-х гг., массовое уничтожение лучших представителей крестьянства в результате переселения, голода, убийств все-таки вынудили *раздробленное, выдохшееся крестьянство подчиниться порядкам, навязанным сверху, заставили крестьян забыть, что они – труженики*. Работники сельского хозяйства стали называться колхозниками и сельхозработными. Так было положено начало вырождению хлеборобов, исконных жителей нашей страны – крестьян [105, с. 195].

Второй этап развития социализма в СССР (1937–1977) вообрал в себя молох репрессий, годы Великой Отечественной войны, восстановления разрушенного войной хозяйства, построения социализма как первой фазы коммунистического общества. Это был период от Конституции сталинской до Конституции брежневской.

К сожалению, серьезных специальных исследований села в 1937–1977 гг. не проводилось. Фактический материал по исследуемому сорокалетию можно получить из официальных источников – переписей и статистических отчетов (с известной корректировкой на идеологическую составляющую) и опубликованных (в основном, в постсоветское время) материалов, к которым тоже нужно относиться достаточно осторожно, так как научной глубиной они еще не обладают и в большой степени отражают эмоциональное отношение авторов.

В результате происшедших в 1930-е гг. преобразований в СССР крестьянство было загнано к началу этого периода в колхозы, ГУЛАГ, в города и т. п. И в новых для себя условиях сельские жители должны были продолжить строительство «светлого будущего». Колхозы владели жалкое существование. Созданные политотделы МТС и совхозов ввергли крестьянство в крепостную зависимость, добиваясь поставок сельскохозяйственных продуктов любой ценой. В последующие годы тоталитарный режим продолжал цепко держать в своих руках эту дешевую и в целом послушную рабочую силу.

Насильственная коллективизация породила своеобразные формы и способы *классовой борьбы в советской деревне*. Одним из спо-

¹ Представители этой группы воспринимали доносительство на односельчан как гражданскую обязанность перед властью и правоохранительными органами.

собов протеста стал «исход» крестьян из деревни (ПО, ЭО). Размах его вынудил государство ограничивать миграцию из села¹. Но крестьяне и в этой ситуации находили способы «выхода на волю»: вербовались на стройки, отправляли детей на учебу в город, молодые сельянки выходили замуж «в город» и т. п.

Выше были описаны перипетии с ЛПХ. В условиях, когда большую часть дохода давало личное хозяйство, проблема сохранения и расширения участка земли превращалась в проблему выживания, решение которой сводилось к самовольному захвату земли (ЭО). В 1939–1946 гг. принимались специальные постановления, направленные на борьбу с этим явлением. Но и позднее – в 1950-е и 1960-е гг. – земельные органы фиксировали тысячи и даже десятки тысяч захватов земли крестьянами: ежегодно доля «захватчиков» составляла от 4% до 10% всех дворов [11, с. 64]. Захваты были не только явными, когда крестьянин обрабатывал «ничью» землю; практиковались и покосы с колхозных неудобий.

И в эти годы крестьяне стремились свести к минимуму *свое участие в колхозном труде*² (СО, ЭО). Использовались и ставшие традиционными методы выражения недовольства: письма, жалобы, обращения, адресованные советским и партийным органам, в газеты (СО).

Произвол породил ненависть и противодействие, и поэтому сталинское руководство, чтобы сохранить власть и обеспечить свою политическую стабильность, прибегло к еще более жестокому террору.

По приказу Берии была дана команда «с 5 августа 1937 г. во всех республиках, краях и областях начать операцию по репрессированию бывших кулаков, активных антисоветских элементов и уголовников»; изначально было определено количество подлежащих репрессии по каждой союзной и автономной республике, каждой области и краю. Всего предполагалось репрессировать по стране 243 958 чел., в том числе расстрелять – 61 450 чел., и отправить в лагеря и тюрьмы на 8–10 лет – 182 500 чел.³ [11, с. 108].

¹ С 1932 по 1974 гг. в стране функционировал паспортный режим, затруднявший право колхозников на перемещение.

² Был введен обязательный «минимум трудодней», невыполнение которых влекло за собой лишение прав приусадебного хозяйствования.

³ По Уралу (Свердловская, Челябинская, Оренбургская области, Башкирская и Удмуртская АССР) планировалось: к расстрелу – 7 700 чел., отправить в лагеря и тюрьмы – 15 500 чел.

По всей стране¹ *развертывался массовый террор*, не щадя даже малолетних детей².

Раскулачивание и выселение крестьянских семей в отдаленные, необжитые районы страны (на Север и Урал, в Сибирь и Казахстан) – одна из трагических страниц насильственной коллективизации. Идея «перековки» собственника – кулака для работы в коллективной упряжке на практике вылилась в использование бесправной массы людей для добычи леса, угля, цветных металлов и сельскохозяйственной продукции и т. п.

Важнейшей отраслью хозяйственной деятельности ГУЛАГа являлось сельскохозяйственное производство, рассчитанное не только на создание собственной продовольственной и кормовой базы, но и на сдачу части товарной продукции государству. В 1930-е гг. *в систему сельского хозяйства* ГУЛАГа входили три специализированных сельскохозяйственных лагеря (Карлаг, Сиблаг и Средне-Бельский лагерь), специализированная сельхозколония и, кроме того, подсобные хозяйства промышленных и строительных лагерей. Всего насчитывалось 284 сельскохозяйственных структуры ГУЛАГа, их общая земельная площадь в 1940 г. составляла 2 692 000 га, из которых около 2 млн приходилось на долю специализированных сельскохозяйственных лагерей. Клин пахотной земли составлял около 350 тыс. га. Валовой выход продукции по всему сельскому хозяйству ГУЛАГа в 1940 г. предусматривался в следующих объемах: зерновых – 200314 т, картофеля – 185153 т, овощей и бахчевых – 170425 т, молока – 69040 т, мяса – 23030 т и т. д. [9, с. 192].

Кулаки поразили своих мучителей необыкновенной жизнестойкостью. Исконно крестьянская черта – трудолюбие – давала весьма существенные результаты. В местах поселений выросли заводы, шахты, леспромхозы и колхозы, которые, как правило, справлялись с планом

¹ С учетом, того, что накануне Отечественной войны в СССР насчитывалось 194 млн чел., репрессиям подвергался примерно каждый десятый житель страны. Эти цифры подтверждаются и расчетами по Уралу, где на восемь с лишним миллионов жителей в 1938 г. приходилось около 900 тыс. репрессированных [9, с. 116]. Помимо непосредственно осужденных тоталитарный режим сломал судьбы еще десятков миллионов людей – их родственников, друзей, знакомых, которые подвергались гонениям либо жили в состоянии перманентного страха.

² 1 октября 1937 г. начальник Свердловского областного управления НКВД Дмитриев (М. М. Плоткин) докладывал в центральные органы НКВД СССР об аресте 97 детей, в том числе 58 от 3 до 15 лет [9, с. 110].

(СО). Пройдя через все ужасы семейного спецпереселения, эти люди заставили НКВД и местные власти относиться к ним с уважением.

В середине 1930-х гг. в связи с подготовкой и принятием Конституции встал *вопрос о восстановлении в правах спецпереселенцев* (постановление ЦИК СССР от 27 мая 1934 г.).

Дело в том, что здоровые люди через 3–5 лет становились инвалидами, превращались в немощных стариков, на которых НКВД «тратить» не желало. 22 октября 1938 г. СНК СССР издал секретное постановление № 1143–280, согласно которому инвалиды труда и престарелые освобождались от ссылки. Их снимали с учета и отправляли в родные края «на попечение родственников». Освобождению подлежали и дети спецпереселенцев, достигшие 16 лет, которые направлялись в школы ФЗО и ремесленные училища. Таким образом решались сразу две задачи: осуществлялась подготовка квалифицированной рабочей силы и молодежь была изолирована от «вредного» влияния старшего поколения.

Получившие права начали выезжать из мест поселений, вызвав тревогу сталинского руководства. В результате «полноправие» спецпереселенцев (ст. 135 Конституция СССР) оказалось очередной лживой декларацией: все «освобожденные» находились под постоянным надзором.

Великая Отечественная война ускорила процесс освобождения. Десятки тысяч кулаков и их детей добровольцами и по призыву вступили в Красную армию (ПО, СО), мужественно сражались, многие погибли. Среди вернувшихся в спецпоселения были и старшины, и офицеры, награжденные орденами и медалями. Несколько человек получили звание Героя Советского Союза, участвовали в параде Победы в Москве [47, с. 59].

Оставшиеся в тылу самоотверженно трудились, приближая Победу¹. Не за награды от советской власти, гнавшей их и душившей, воевали и трудились эти люди, а за лучшее будущее своей Родины, в которое они верили.

¹ Из 685 кулаков, работавших на золотом прииске в Красноярском крае, 255 были стахановцами, 360 – ударниками труда, из них 175 были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Оскаровский район Карагандинской области, почти полностью заселенный бывшими кулаками, был одним из лучших по выращиванию зерновых и выполнению всех видов госпоставок; спецпереселенец Макеев, комбайнер Литвиновской МТС, был награжден орденом Ленина, а председатель колхоза-миллионера «Пионерский», бывший кулак Бабин – орденом Трудового Красного Знамени (ПО, НрО) [47, с. 59].

Согласно официальной российской концепции, война 1941–1945 гг. против Германии была освободительной и отечественной, россияне сражались за Родину. А. Зиновьев отмечает, что «в годы войны ни у кого в мире (за редким исключением) не было на этот счет никаких сомнений: подавляющее большинство советских людей сражались за советскую (подчеркиваю – советскую!) Родину. Ко времени начала войны советский (коммунистический) социальный строй стал для большинства граждан Советского Союза привычным образом жизни. И отделить его от массы населения было просто невозможно практически. Хотели люди этого или нет, любая защита себя и своей страны означала защиту нового социального строя. Россия и коммунизм существовали не наряду друг с другом, а в единстве. Подавляющее большинство активно действовавших граждан идентифицировали себя, прежде всего, как советские люди. Разгром коммунизма в России был для них равносителен разгрому самой России» [48, с. 265]. Это самосознание укреплялось как один из фундаментальных компонентов массовой идеологии. Даже те, кто понимали недостатки советского социального строя и относились к нему критически (порою – враждебно), ценили его достижения и понимали, что агрессоры несли угрозу этим достижениям.

Но любой народ имеет в своем составе патриотов и непатриотов. Люди могут совершать как патриотические, так и непатриотические поступки. И в годы войны были и те и другие. Об этом свидетельствуют документы и письма¹.

С целью объединения антибольшевистских сил в период войны на территории страны делались попытки создания политических организаций (ПО). Так, в ноябре 1941 г. инженеры К. Воскобойников и Б. Каминский, отсидевшие в лагерях, начали издавать на территории оккупированной Орловской области (село Лохов) газету «Голос

¹ Осенью 1941 г. в Новочеркасске был создан Донской казачий комитет, летом 1942 г. – казачьи полки; был избран походный атаман С. В. Павлов. В октябре 1943 г. в казачьем стане насчитывалось 77 тыс. казаков и членов их семей. Против тотального режима в СССР выступила Русская освободительная армия, которая ставила задачу освобождения страны от большевизма. Против советских войск сражалась Украинская освободительная армия во главе с Бандерой. По разным оценкам, в 1941–1945 гг. на сторону Германии перешли от 800 тыс. до 1200 тыс. людей, считавшихся на июль 1941 г. гражданами СССР. Действия карательных органов СССР в период войны были в первую очередь направлены против этих людей [9, с. 122].

народа», а позднее выпустили манифест Народной социалистической партии России (НСПР), в котором отмечалось, что «партия создавалась в подполье в сибирских концлагерях», ее программой является «полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя». Было организовано несколько партизеек, осуществлялась вербовка новых членов в партию. В январе 1942 г. организация была разгромлена, а Воскобойников расстрелян¹ [9, с. 123].

Вторая половина Великой Отечественной войны стала периодом значительного усиления религиозной активности (РО). Это объясняется, во-первых, изменением политики государства, признавшего церковь как социальный институт, благотворно влияющий на патриотическое воспитание населения; во-вторых, тяжелым психологическим состоянием населения: гибель на фронте родных и близких, колоссальные материально-бытовые трудности, отсутствие необходимой поддержки и т. п. порождали социальную апатию и подталкивали людей к поиску решения злободневных проблем в области религиозно-мистических представлений. Возобновилась деятельность культовых учреждений (восстанавливались приходы, церковные общины, укреплялись их общественный статус и экономический базис). Практически из каждого сельскохозяйственного района поступали заявления верующих об открытии православной церкви или молитвенного дома [45, с. 84–87; 161, с. 205–207]; практиковались и нарушения существующего законодательства: деятельность священнослужителей в сельских приходах без соответствующей санкции государственных органов управления, ритуальные действия на частных квартирах, шествия, письма антиатеистического содержания с призывами к верующим оказывать энергичное давление на власти и т. д. В этот период распространение получили протестантские конфессии, раскольнические секты, которые, используя благоприятную обстановку, пытались противоборствовать деятельности Русской православной церкви и мероприятиям по урегулированию государственно-церковных отношений.

Во время войны миллионы жителей огромной страны были перемещены с привычных мест по политическим соображениям либо вследствие эвакуации предприятий, обретя на территории Казахстана, среднеазиатских республик крышу, работу, помощь, сочувствие. Сложился особый психологический климат, способствующий пре-

¹ Судьба Б. Каминского неизвестна.

одолению родоплеменных, национальных, религиозных пережитков. Он укреплялся с возвращением в село солдат-освободителей, с успехами в восстановлении разрушенного войной хозяйства¹. Мировоззренческие ориентации крестьянства этого периода представлены в прил. Г, на рис. Г 5.

Трудный и противоречивый путь прошла российская деревня в послевоенные годы. Для российского крестьянства это было время сложных социально-экономических и демографических изменений, крушения многих идеологических мифов и надежд.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. наметился кризис всего колхозно-совхозного строя. Данный кризис был генетически связан с общим кризисом сталинской системы социализма в послевоенное время. Колхозная деревня опять стала основным источником поступления средств и трудовых ресурсов для восстановления промышленности. Из деревни выколачивались не только денежные средства, но и сельскохозяйственная продукция, почти так же, как в 1930-е гг. Так, в письме в Совет по делам колхозов из Чернушинского района Молотовской области (декабрь 1948 г.) сообщалось: «Выполнив поставки, уплатив в МТС, остались почти без хлеба многие селяне. Питание картофельное, иногда с молоком. В деревне Копытковой хлеб пекут так: сотрут ведро картофеля, положат горсть муки для склеивания... Что касается молока, то очень много коров сдано на мясозаготовки... Скот идет для уплаты, но уничтожение коров дело бедственное, так как молоко заменяет хлеб, в нем есть белок. ... Совершенно необходимо установить минимум количества хлеба, который необходимо оставлять неприкосновенным, хотя бы 300 г муки на человека» [165, с. 417]. А так как власть не торопилась (не могла?) решать эти проблемы, многие колхозники перешли

¹ История сохранила для потомков уникальные примеры патриотизма, крестьянского жизнелюбия. Комбайнер Порфирий Васильевич Нектов ушел добровольцем на фронт, был тяжело ранен под Старой Руссой. Были ампутированы обе ноги. Казалось все – калека! Но нет: научился заново управлять комбайном (мастерски!), стал Героем Социалистического Труда. Его подвиг воспел в стихах другой участник и инвалид Великой Отечественной войны Иван Шамов:

Маресьев в небе показал
На что способен русский воин.
А Нектов в поле доказал,
На что народ в труде способен [138, с. 32].

к испытанным средствам выживания: мало работали в общественном хозяйстве, живя на доходы от ЛПХ¹ (ЭО).

Для решения продовольственной проблемы власть продолжала «освобождение» кулаков. Так, уже в октябре 1946 г. (по приказу министра внутренних дел и Генерального прокурора СССР № 00868/208 сс от 28 сентября) секретно сняли с учета в спецпоселениях большую группу крестьян (участники войны и их родственники; родители, имеющие детей на службе в армии; ударники труда) и вернули в деревню. Послевоенная разруха и голод 1946–1947 гг. заставили правительство освободить и других²... Пополнялось крестьянское население и за счет возвращения по репатриации. Но были и обратные потоки – «оргнаборы» на восстановление промышленности³, которые колхозники использовали как легальную возможность уйти из колхоза в город, получить прописку, улучшить свое материальное и социальное положение (СО, ЭО).

Молодые крестьяне из слабых колхозов Нечерноземья охотно шли на тяжелые и малооплачиваемые сезонные работы (лесозаготовки, торфодобычи) с надеждой не возвращаться в колхозы [165, с. 422], а также на работы в ближайших городах или государственных предприятиях и учреждениях в сельской местности («отходники»); молодые женщины пытались выйти замуж в город (СО).

В свою очередь деревня пополнилась мобилизованными из городов – «тридцатитысячниками» (председатели колхозов) и специалистами сельского хозяйства (агротехники, зоотехники, механизаторы)⁴. Всего с 1953 по 1958 гг. в центре Нечерноземья вернулось и вступило в колхозы около 1,5 млн чел. К концу 1950-х гг. приток населения в деревню уменьшился. Но это пополнение не могло перекрыть все более возрастающий отток из села в город [165, с. 423–424].

¹ Крайне низкая оплата труда в колхозах вынуждала крестьянина развивать ЛПХ: значительная часть продукции сдавалась государству в обязательном порядке по очень низким ценам. Более того, сельхозналог в 1948 и 1951 гг. был значительно увеличен.

² Это послевоенное секретное «освобождение» показало моральное бессилие власти перед раскулаченными. Но, к сожалению, люди так и остались с клеймом, которое фактически носили до самой смерти. (Реабилитация этих категорий населения фактически была осуществлена уже в XXI в.)

³ Из колхозов РСФСР в 1951–1957 гг. по оргнабору выбыло 739 тыс. чел.

⁴ Во многом это было вызвано необходимостью поднимать культурный уровень деревни, идеологически просвещать и воспитывать жителей.

Самыми серьезными последствиями миграции из деревни стали увеличение доли пожилых людей и, соответственно, высокий процент (по некоторым источникам – 80–90%) верующих и колеблющихся, т. е. людей с религиозной ориентацией (РО), что, естественно, тревожило власть, которая около двух десятилетий назад констатировала «победу самого передового марксистско-ленинского мировоззрения» в стране. А теперь снова предстояло организовать идеологическое обеспечение строительства социализма, повышать и формировать культурные запросы, объем научных знаний населения.

Создание очагов культуры (кинотеатры, библиотеки, выставочные центры) осуществлялось частично за счет колхозов и совхозов, частично за счет добровольных сборов средств самих селян (СО, ЭСО), которые, безусловно, тянулись к прекрасному.

На селе снова занялись *самогоноварением*: отмечали возвращение после долгой войны очередного солдата, переживали запоздавшую «похоронку», снимали физические и психологические перегрузки, зачастую обусловленные неудовлетворительными условиями и рутинностью сельского быта; самогон использовали для праздничного и бытового общения. Результаты не замедлили сказаться: стала падать производственная дисциплина, участились случаи хулиганства. Проблема была настолько серьезной, что в декабре 1958 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и о наведении порядка в торговле спиртными напитками». Меры, предусматриваемые постановлением, направлялись не на борьбу с причинами, порождавшими пьянство как социальное явление, а лишь на устранение его последствий.

В деревне снова практиковались *сельские сходы*, на которых ставились актуальные вопросы жизни села (пьянство, распутство, лень, воровство и т. п.), т. е. осуществлялось нравственное и правовое воспитание (НрО, ПрО); рассматривались и проблемы охраны общественного порядка, трудовой и производственной дисциплины, активизации культурно-воспитательной работы (СО).

На селе всегда была высока роль семьи в воспитании будущего поколения. В рассматриваемый период начали сказываться последствия войны: подрастали дети, лишенные наставлений дедушек и бабушек, воспитывающиеся в неполных семьях. «Трансляция» традиций, обычаев, обрядов, семейно-родственных норм и ценностей была

сокращена в 8–10 раз (СО) [45, с. 102]. Дети получали общественное воспитание, а вместе в нем определенные идеологические установки, эстетические и нравственные идеалы, ориентацию на глубокое знание «передовой советской культуры», получение образования, т. е. происходило целенаправленное формирование МО молодого поколения «строителей светлого будущего».

Большую роль в жизни страны сыграло освоение целинных и залежных земель. Этот социальный эксперимент, не имеющий аналогов в мировой практике, породил не только качественно новое сельскохозяйственное производство, но и новый социальный тип сельского жителя с иными производственно-экономическими и семейно-бытовыми характеристиками.

Целинное село – село нового, социалистического типа, основанное молодыми рабочими из индустриально-промышленных центров нашей страны, вышедшее на передовые позиции научно-технического прогресса в сельском хозяйстве, было практически безрелигиозно. «Многие целинные села Казахстана представляли собою своего рода агрогородки, где живут и трудятся представители не только сугубо сельскохозяйственных, но и целого ряда городских профессий. Сельское население Северного и Центрального Казахстана за небольшим исключением представляло собой *аграрный отряд рабочего класса*, у которого сохранились теснейшие производственные и духовно-культурные связи с рабочими пославших их предприятий» [45, с. 97]. Возникло своего рода шефство города над селом, которое содействовало утверждению в селе прогрессивных обычаев, обрядов, традиций; активизировалось общественное мнение, направленное против пережитков прошлого (ЭО, НО, НрО). «Здесь работает высокопроизводительная техника, что предъявляет высокие требования к механизаторам. Они должны обладать высокой квалификацией, профессиональной мобильностью, владеть рядом смежных специальностей... Научная технология современного сельскохозяйственного производства требует знакомства с основами почвоведения, растениеводства, метеорологии, химии, знаний по экономике производства, организации сельскохозяйственных работ. Все это предполагает не только высокий общеобразовательный уровень каждого работника совхоза, но и постоянную систематическую его учебу» [45, с. 98] (НО, РО).

Освоение целины стало делом всего народа, в котором участвовали представители почти всех национальностей и народностей нашей страны. Понятие «целина» из термина чисто земледельческого *превратилось в общественно-социальную категорию*, обозначавшую определенный уровень развития производительных сил и известную стадию научно-технического прогресса сельскохозяйственного производства в сочетании с преимуществами социалистического строя. Целина явилась своего рода катализатором, в значительной мере повысившим темпы сельской жизни и ускорившим процессы духовного роста сельского населения всей страны. В частности, на целине был самый низкий уровень религиозности сельского населения в стране (НО, РО) [45, с. 90]. Модель МО крестьянства в 1950–1960 гг. представлена в прил. Г, на рис. Г 6.

Выдвинув в 1961 г. на XXII съезде КПСС задачу построения коммунизма в нашей стране, партия и государство поставили новые задачи и в области социальной сферы. Под тезисом о сближении уровней жизни городского и сельского населения был по существу взят курс на ликвидацию специфики деревни как таковой, трансформацию ее в поселки городского типа.

Урбанизация все более проникает в жизнь крестьянской семьи через внедрение городских стандартов потребления, средства массовой информации, предметы быта. Влияние этого фактора противоречиво: с одной стороны, идет процесс улучшения условий жизни селян, а с другой – разрушается традиционная сельская культура (традиции, обычаи, экологические представления, досуг). Сильнейшее воздействие в плане отказа от традиционного сельского образа жизни оказывал и процесс раскрестьянивания (СО, ЭО).

Интерес к социологическим исследованиям (в частности, села как более проблемного участка деятельности) партия стала проявлять после XXII съезда КПСС (17–31 октября 1961 г.), потому что именно он принял *Программу построения коммунистического общества и сформулировал идеал человеческой личности*. Это должен быть человек, «гармонически сочетающий в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» [96, с. 411], которому будут присущи «высокая коммунистическая сознательность, трудолюбие и дисциплина, преданность общественным интересам» [96, с. 366]. *Коммунистическая мораль* в ходе строительства социализма и коммунизма обогащается новыми принципами, новым содержанием [НрО],

которые нашли отражение в «Моральном кодексе строителя коммунизма» [96, с. 117–120]. *Коммунистическое воспитание* становится одной из основных задач коммунистического преобразования общества. В своей сущности оно сводится к тому, чтобы обеспечить *формирование научного мировоззрения трудящихся*, коммунистического отношения всех членов общества, превращение норм коммунистической морали в личные убеждения и правила повседневного поведения каждого, развитие личности, преодоление пережитков прошлого в сознании и поведении людей, неустанное разоблачение буржуазной идеологии.

Успешное решение задач коммунистического воспитания трудящихся требовало глубокого познания закономерностей формирования психологии и сознания масс. А так как еще в 1920-е гг. была выявлена реакционная роль религии, то и исследовать начали, прежде всего, эту сферу жизнедеятельности «строителей коммунизма».

В 1960-е и 1970-е гг. в различных регионах страны были проведены *конкретно-социологические исследования по выявлению уровня и степени религиозности сельского населения*, которые были отражены в ряде публикаций [1; 5; 76; 118; 152]. К сожалению, авторы выделяют лишь три типа: «верующие», «неверующие», «атеисты»; отсутствуют характеристики степени социально-экономического развития исследуемого региона, а также демографическая картина объекта, его социально-профессиональная структура, ограниченная узкими временными рамками. Но тем не менее эти исследования, взятые в комплексе, позволяют выявить некоторые закономерности и тенденции динамики сельской религиозности.

Сравнительный анализ показывает, что наиболее высокая религиозность наблюдается в тех сельских регионах, где наиболее полно сохраняются традиционный сельский уклад жизни с народной этикой, ручной неквалифицированный труд, деревенская изолированность, имеет место смещение демографических характеристик села в сторону старших возрастов и женской части населения. Постоянный отток молодежи из таких сел и сельских районов приводит к относительному росту удельного веса верующих. И, наоборот, наиболее низкий уровень сельской религиозности наблюдается в регионах освоения целинных и залежных земель, районах нового хозяйственного освоения, в областях с наиболее развитым аграрно-промышленным ком-

плексом – там, где наиболее полно и глубоко проявляются социальные последствия научно-технического прогресса в сельскохозяйственном производстве.

Безусловно, связь между степенью социально-экономического развития сельского региона и уровнем РО его жителей не столь прямая и жесткая, она проявляется через ряд опосредствующих факторов и явлений. Сельские верующие, как правило, отличаются религиозной пассивностью, периодически исполняя некоторые «традиционные» обряды и требы [118; 168]. Процесс секуляризации сельских тружеников в совхозах и агропромышленных объединениях протекал быстрее по сравнению с колхозами [45].

Огромная миграционная волна из сел и деревень России привела к исчезновению многих тысяч населенных пунктов. Еще тысячи деревень дотягивали свой печальный век в изоляции от мира, теряя последних жителей. Нехватка женского населения молодого возраста порождала мужское пьянство и сокращение воспроизводства населения.

Чтобы удержать молодежь в селе, партия организовывала «почины». «Всем классом – на работу в родном селе!» Но молодые люди, заработав необходимый двухгодичный стаж для поступления в институт, как правило, возвращаться затем из города не торопились. Выросли поколения, которым *ничего не нужно* – ни земли, ни родного дома. Аграрные эксперименты привели деревню к критическому рубежу, а ее жителей – к еще большей пассивности, апатии, неверию (НрО, СО, ЦО).

Формализм, который пронизывал все сферы городского общества, все более проникал в село, выхолащивая традиционную духовность. В деятельности клубных учреждений преобладали парадные мероприятия, массовые помпезные праздники, т. е. клуб терял главное – свою сущность¹. Ориентация на развлекательность привела к девальвации культурных ценностей, распространению и засилью массовой культуры, деформации личности, обеднению духовного облика сельского человека (ЭсО).

К большой культуре (театр, филармония, библиотеки, выставки) могли приобщиться жители тех населенных пунктов, которые были

¹ Клуб – добровольное объединение на основе единства культурных, эстетических интересов.

связаны с городом хорошими дорогами (кстати, миграция населения из них была минимальной). Они же могли получать полноценное образование в городе.

Уже в первые годы советской власти началось *создание общей для всех народов СССР безрелигиозной обрядности*, получили распространение гражданские обряды, связанные с революционными праздниками, а после утверждения колхозного строя – праздники, возвеличивающие коллективный труд (посвящение в колхозники и рабочие совхозов, чествование передовиков, юбилеи ветеранов труда и производственных коллективов, торжественные проводы на пенсию). Праздники весны и осени имели гражданское «звучание» – праздник «первой борозды» и праздник «первого снопа» (праздник плодородия); устанавливались местные мемориальные праздники – день рождения колхоза, годовщина основания бригады, праздник династии (хлеборобов, механизаторов, животноводов и т. п.) (СО, ЭСО, НрО). Все очевиднее проявлялась *интернационализация жизни*. Освобожденные от религиозного содержания встреча Нового года, татарский сабантуй, среднеазиатские праздники лола и новруз, латышский лиго, основанные на древних традициях, отмечались всем селом (НрО, ЭСО, НцО).

В сельских условиях к 1970-м гг. *по-особому проявилось действие закона возвышения потребностей*: по мере реализации первоочередных потребностей существования расширялся комплекс творческих, социально-культурных и духовных потребностей. Причем возрастала значимость потребности в содержательном многообразном труде¹. Все более стабильным становилось обеспечение фактического равенства «стартовых возможностей» человека независимо от того, где он живет – в городе или деревне. Чтобы сократить поток молодых селян, ищущих возможность реализовать свои потребности «на стороне», государство создало систему льгот для них: при поступлении в вузы с обязательным условием возвращения устанавливались льготы для демобилизовавшихся из армии колхозников; при призыве в ряды Советской армии сельские учителя, врачи, специалисты получали «отсрочку» и т. п.

¹ Достижения советской науки позволяли надеяться на обеспечение села новыми передовыми технологиями, автоматами и полуавтоматами, вытесняющими ручной труд.

ПО и ПрО жители села демонстрировали во время выборов, революционных праздников (на демонстрациях), в акциях поддержки внешнеполитической деятельности правительства¹. Возможностью выражения самостоятельной гражданской позиции некоторые селяне воспользовались при «всенародном» обсуждении проекта новой Конституции: помимо выступлений на организованных собраниях и митингах по месту работы (учебы, жительства) некоторые посылали свои вопросы и предложения в редакции газет и журналов, в специально созданные для этих целей оргкомитеты и комиссии ЦК Коммунистических партий Союза и республик.

Новыми в списке актуальных вопросов стали *экологические проблемы*: реки, озера, леса все больше превращались в места нелегальной утилизации промышленных и бытовых отходов; на перекормленных «химией» полях вырастали овощи-мутанты, коровы начали давать «цветное» молоко и т. п. И, видимо, с учетом этих тревог впервые в мире (!) в Конституции появились статьи по охране и использованию природных ресурсов страны (ЭкО).

Юбилей Великой Октябрьской социалистической революции 1967 г. и 1977 г. необходимо было отметить, продемонстрировав миру небывалые успехи страны, строящей коммунизм. В связи с достаточно серьезными трудностями в экономике руководство стало использовать систему двойных стандартов. Нормой стали приписки, коррупция, многочисленные нарушения Уголовного и Гражданского кодексов, норм морали. *Формировалась не только «теневая экономика», но и «теневая мораль»* («За деньги можно купить все»; «Прав тот, у кого больше прав»; «Я начальник, ты дурак; ты начальник, я дурак» и т. п. (НрО, СО)).

Повышение гарантированной зарплаты колхозникам и рабочим совхозов, рост пенсий и стипендий, распределительная система на товары повышенного спроса² создавали иллюзию экономического благополучия, утверждения преимуществ социалистического способа хозяй-

¹ Для обеспечения «всенародности» делалось это, как правило, под непосредственным контролем партии, комсомола, профсоюзов по месту работы или учебы.

² Первые инфляционные процессы экономисты начали отмечать еще в 1971 г., когда появились деньги, не обеспеченные промышленными товарами. Но и это правительство сумело обратить в «плюс»: право на приобретение этих товаров предоставлялось лучшим производителям.

ствования (ЭО). А отчеты на съездах о количестве произведенных телевизоров, холодильников, стиральных машин дополняли эту иллюзию.

Деревня незаметно погружалась под убаюкивающие речи власти в социальную дремоту. Возможная модель МО крестьянства этого периода представлена в прил. Г, на рис. Г 7.

Третий этап развития социализма (1978–1984) оказался весьма непродолжительным по времени. Это был этап загнивания «развитого социализма».

Обессилившее за долгие годы нещадной эксплуатации сельское хозяйство приходило во все больший упадок, ограничивая возможности развития промышленности, особенно в выпуске товаров народного потребления. Не помогали и огромные финансовые вливания в аграрное производство. По меткому замечанию колхозников, «государство одной рукой давало, а другой забирало»: искусственно вздутые цены на сельскохозяйственную технику и строительство производственных и бытовых объектов позволяли «откачивать» обратно в казну львиную долю выданных средств. Деньги уходили на разработку утопических программ «подъема сельского хозяйства», тратились на непродуманные мелиорацию и химизацию почв, на грандиозные и малоэффективные животноводческие комплексы. *Страна, обладавшая самыми богатыми в мире черноземами, превратилась в лидера по закупкам зерна за границей.*

Пытаясь как-то решить проблемы, власть пошла на создание агропромышленных комплексов и агропромышленных объединений, рассматривая АПК как главное направление сращивания двух форм собственности – государственной и колхозно-кооперативной, как прямую дорогу к бесклассовому обществу¹.

Но объем и динамика производственной деятельности крестьян зависели не только от экономических и политических, но и от демографических факторов. Перепись 1979 г. зафиксировала, что сельское население составляет 38% от общей численности населения страны. Многочисленные миграции «обескровили» деревню: в селах оставались старые (от 50 лет) и малые, которые больше были озабочены делами ЛПХ (ЛПХ «кормили», «поили», «денежки приносили»).

Больно ударила по селу *массовая ликвидация «неперспективных деревень»*. Чиновники агропрома совместно с социологами доказыва-

¹ Конечным пунктом этой дороги, тупиком стал созданный в 1985 г. по инициативе М. С. Горбачева Госагропром СССР.

ли необходимость уничтожения 200 тыс. деревень («распыляются средства», «деньги уходят как в песок»); средства предлагалось вложить в обустройство «перспективных» деревень, в которых селянам будет жить легче (как в городе) и веселее. Этим делением деревень государство расписалось в своем бессилии решить культурно-бытовые проблемы села.

В условиях общей урбанистической ориентации образа жизни крестьян улучшение культурно-бытового положения сельской семьи (на «домашнем» уровне) в итоге окончательно *разбалансировало шкалу* ЦО (особенно для молодежи) в вечном выборе для селян: город или деревня. Ликвидация малокомплектных школ обострила проблему нравственного воспитания (НрО). Молодые люди, воспитанные в отрыве от родных мест, вдали от родного дома, в интернатах, «теряли корни» (им становилось все равно, где жить). Формировалось равнодушное сельское жителя к общественным делам, к хлебу, к земле (СО, ЭО).

Но, используя материальную базу и возможности «полновесных школ» райцентров, власти пытались решать проблему будущего: улучшилось качество обучения, сократился разрыв в уровне подготовки сельских и городских учащихся; ведущей формой приобщения школьников к труду явились в исследуемый период ученические производственные бригады, за которыми закреплялись значительные земельные площади. Здесь они проводили весь цикл агротехнических мероприятий, используя полученные знания и технологии (НрО, НО, ЭО, ЭкО). Результаты такой работы в богатых совхозах и колхозах приносили некоторые плоды.

Неоднозначно протекали и процессы в сфере РО. С одной стороны, молодые сельчане, вооруженные современными знаниями, критически воспринимали религиозные догмы, с доверием относясь к достижениям научно-технического прогресса, стремились выработать активную жизненную позицию (СО, НО), а с другой – старшее поколение, остающееся в селе, придерживалось традиционных (православных) обрядов, нравственных норм и заповедей. Сознание верующих достаточно четко ориентировано на общественное мнение, которое детерминирует мораль (НрО). Между религиозным и нерелигиозным населением практически не наблюдалось различий, в частности в их отношении к труду. Но большинство бабушек стремились воспитывать своих внуков «по старинке».

Некоторый всплеск религиозности стал наблюдаться с началом военных действий СССР в Афганистане, куда сыны и внуки были отправлены для выполнения «интернационального долга». В отсутствии информации приходилось уповать только «на милость божью».

Важнейшей проблемой в развитии культурного обслуживания колхозного крестьянства (формирование ЭСО) было отставание материальной базы культуры от возрастающих потребностей. «Поезда искусств» с участием ведущих артистов театра, кино, эстрады часто давали обратный эффект («В городе хоть каждый день ходи!»).

Свои политические пристрастия и ориентации (ПО) жители села продолжали обсуждать во время политических праздников, мероприятий и «около колодца».

Социологические опросы, проведенные разными исследователями в разных регионах страны, выявили усиливающуюся бюрократизацию всех сфер жизни села, коррумпированность партийно-административного аппарата, пренебрежительное отношение к закону, очковтирательство и другие негативные явления. Продовольственная программа (принята 1982 г.) была обречена на неудачу: деревня продолжала медленно погружаться в стагнационное болото. Социологические опросы позволили выявить и иерархию ЦО селян: первое место отводилось семье, спокойной совести, здоровью; интересная работа делила место с материальным достатком; молодые респонденты как важную ценность отмечали стремление к успеху, власти, признание, причем они были готовы пожертвовать свободой и спокойной совестью; доверие к власти переместилось в конец списка. Возможная модель МО крестьянина (скорее, крестьянки) этого периода представлена в прил. Г, на рис. Г 8.

Четвертый этап развития социализма (1985–1991) совпал с периодом «перестройки» – попыткой реанимировать социализм, вернуть ему гуманистическую сущность («человеческое лицо»).

Многосторонний кризис советского общества все отчетливее обнажал наиболее общие детерминанты различных социальных сфер. Мировоззренческие искания селян, пытающихся «вписаться» в изменяющиеся условия, сопровождались переоценкой ценностей, критическим осмыслением опыта предшествующих поколений, формированием новых представлений о своем будущем и будущем общества. Указанные нами особенности МО предыдущего этапа усиливались.

Кроме того, социологические исследования и опросы, которых проводилось достаточно много, выявили новые моменты в СО¹. Итак, в апреле 1985 г. советское руководство провозгласило курс на ускорение социально-экономического развития страны. Главными его рычагами виделись НТП, техническое перевооружение машиностроения и активизация «человеческого фактора».

Активизировать человеческий фактор начали в мае мощной антиалкогольной кампанией, которая должна была обеспечить не только «всеобщую трезвость», но и повышение производительности труда рабочих и служащих на производстве. Эта инициатива правительства была с большим воодушевлением встречена практически всем женским населением страны и не очень одобрительно – мужским (одобрили около 30%) (НрО, СО).

В сентябре, не дожидаясь технической революции на производстве, Горбачев призвал шире использовать «скрытые резервы» (максимальная загрузка производственных мощностей путем организации их многосменного режима работы, укрепление трудовой дисциплины, использование предложений рационализаторов, повышение качества продукции, развитие соцсоревнования).

Традиционная ставка не на экономические стимулы, а на энтузиазм работников успехов не принесла: в большинстве своем население отстраненно наблюдало за «играми властей» (30%), перестав всерьез воспринимать все, что спускается «сверху» (48%). Спустя год после провозглашения курса на ускорение стало ясно, что одними призывами, даже очень привлекательными, исправить положение в экономике невозможно. Руководство приступило к разработке программы экономической реформы. Ключевым документом реформы стал Закон о государственном предприятии, который руководство стало «внедрять» привычными методами. Деревня опять, затаившись, наблюдала (СО)...

Потерпев неудачу в реформировании госсектора, Горбачев все более ориентировался на переход к рынку. Серия законов предусматривала перевод промышленных предприятий на аренду, постепенную

¹ В «пирамидках» колечка СО нет, так как СО представляет собой сложный «букет» выделенных нами ориентаций, и при построении модели МО производится своего рода виртуальная дифференциация СО на соответствующие элементы с последующей интеграцией выделенных признаков в определенную ориентацию.

демонополизацию, децентрализацию и разгосударствление собственности, создание акционерных обществ, развитие частного предпринимательства и др.¹ Деревня наблюдала...

Реформирование сельского хозяйства также носило половинчатый характер. В мае 1988 г. Горбачев объявил о целесообразности арендного подряда на селе, предполагавшего заключение крестьянами или фермерами договора об аренде земли на 50 лет и полное распоряжение продукцией.

Наиболее убедительным свидетельством порочности аренды в той форме, которая утверждалась указом от 05.05.1989 г., является нежелание принять этот подарок перестройки: «А кому она нужна, ваша земля?» – заявил коренной мужик в ответ на предложение взять землю в аренду (ЭО). Именно он, честный труженик, как свидетельствует один из лучших знатоков советской деревни, писатель и публицист Иван Васильев, отказывается брать землю [22]. Среди 500 специалистов – студентов-заочников Курского сельскохозяйственного института только 10% ответили положительно на вопрос «Вы лично хотели бы взять землю в аренду?»; 25% категорически ответили: «Нет». При опросе 176 председателей колхозов в Курской области только 20% ответили положительно на вопрос «Верите ли Вы в арендные отношения на селе как в реальный и наиболее правильный путь преобразования сельского хозяйства?» [29, с. 216–217].

Аналогичные результаты были получены и нами в Свердловской области: из 300 студентов Уральской сельскохозяйственной академии 12% ответили, что «рискнули бы попробовать взять землю в аренду», 40% ответили: «Нет»; 42% не считают аренду правильным способом решения продовольственной проблемы в стране; остальные «не определились». Были и «развернутые» ответы, например: «Без рынка, без возможности приобретать сельскохозяйственные машины, удобрения и т. п. проблему не решить» (53%).

Деревня, наученная опытом советского реформирования, не доверяет власти («сегодня дала, завтра забрала»), крестьянство хранит не только опыт ведения хозяйства, но и опыт раскулачивания и т. п. (СО, ПО). Борис Можаяев, известный «деревенский» писатель, автор повести «Живой» – о русском мужике, который хотел уйти из колхо-

¹ Реализация большинства мероприятий откладывалась до 1991 г., а перевод лишь 20% предприятий на аренду растягивался до 1995 г.

за, признает: «Дело в том, что у нас перевели крестьян. В колхозах и совхозах не крестьяне, а работники. Они ни за что не отвечают, у них *нет хозяйского отношения к земле, технике, скоту... Ко всему! Для них все чужое, казенное* (выделено мною. – Л. П.)» [136].

Можаев знает, что крестьяне «возрождаются» не хотят, предпочитая знакомую кабалу новой, гораздо более трудной. Колхозник, не отвечая ни за что, работая как ему хочется, получал гарантированную зарплату. Он *не хотел становиться фермером*. Дело в том, что «человек не может трудиться одновременно на двух хозяйствах, в колхозе и в личном» [29, с. 218]. Многие крестьяне указывали при этом, что они не нуждаются в деньгах, ибо на них нечего купить (ЭО, ПО).

Не было шквала желаний взять землю в аренду¹. Журналист Юрий Черниченко, народный депутат, один из лучших знатоков советского сельского хозяйства, говорил на съезде народных депутатов, что 70% сельских жителей верит в возможность нового раскулачивания; больше трети партгосаппарата не сомневается в повторении 30-х гг. А это значит, резюмировал он, что люди считают, что «плодоедские приемы вождей ВКП (б)» генетически присущи режиму [182].

Двусмысленность нового закона² обнаруживается в том, что «за скобками» оставлен важнейший вопрос: цена сельскохозяйственных продуктов. И опять заколдованный круг: без реформы цен не может быть экономической реформы (в первую очередь – аграрной реформы), а реформа цен откладывается (власть надеется на чудо: колхозники возьмут землю в аренду или в наследуемое пожизненное пользование, станут фермерами).

В духовной и культурной жизни страны лейтмотивом перестройки стала гласность, которая изначально замышлялась как *обновление скомпрометированной официальной идеологии*. Гласность должна была вернуть социализму «человеческое лицо» (главные лозунги: «Больше демократии, больше социализма!», «Назад к Ленину!»). Это была полусвобода слова – разрешение говорить лишь то, что требовалось, и лишь в пределах допустимого. Но вскоре КПСС утратила контроль над пропагандой. Гласность открыла двери спецхранов, сняла с полки запрещенные ранее фильмы и книги, сделала доступной ин-

¹ К лету 1991г. на арендных условиях обрабатывалось лишь 2% возделываемых земель и содержалось 3% поголовья скота.

² Закон о земле предусматривает право граждан на получение земельных участков в пожизненное пользование. Земля не может быть продана.

формацию о репрессированных родственниках и т. п. Для большинства советских людей гласность обернулась большой душевной, а порой и личной драмой. Она способствовала резкому столкновению различных идейных, социальных, политических, национальных, религиозных течений, групповых интересов. Столкнулись мировоззренческие ориентации (ПО, РО, НцО, НрО, ЭО, ЭКО) многих и многих сотен тысяч людей... Селяне уже не всегда оставались в стороне. Модель МО селянина периода «перестройки» представлена в прил. Г, на рис. Г 9.

Недовольство положением дел в обществе вылилось, в конце концов, в массовое недовольство той системой организации власти, которая существовала в стране десятки лет и казалась незыблемой и единственно правильной. В рядах КПСС постепенно шла консолидация сил, оппозиционных курсу перестройки. Радикально-демократическая пресса все жестче критиковала курс М. С. Горбачева, обвиняя его в непоследовательности в проведении рыночных реформ, в нежелании идти на разрыв с консервативными фракциями КПСС, в готовности уступать их давлению. Усиливалась напряженность в отношениях между народами СССР, формировались националистические партии и движения. Все острее становились межнациональные конфликты. Советский период неумолимо приближался к своему концу.

Обобщая главу, мы можем сделать некоторые выводы:

- советский период XX в. следует рассматривать как период борьбы власти с крестьянством, борьбы на выживание;
- в процессе борьбы, практически уничтожив крестьянство как класс, советская власть настолько подорвала свои силы, что и сама не смогла «выжить»;
- МО русского крестьянства на протяжении века пульсировали, трансформировались, то расширяясь по количеству и качеству составляющих ориентаций, то сужаясь;
- в модели МО на всех этапах развития социализма в СССР присутствуют и борются за «призовые» места три составляющие – ЭО, ПО, НрО;
- содержание каждой ориентации («колечка») на протяжении периода претерпевает изменения, «скользя» вдоль оси ЦО, увеличиваясь или уменьшаясь в размерах (см. прил. Г);
- крестьянство, растеряв основные присущие классу признаки, мутировало в другое социальное образование – сельский житель;
- раскрестьянивание деревни состоялось.

Глава 4. ДИНАМИКА МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ОРИЕНТАЦИЙ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

§1. Смена парадигмы общественного сознания: кризис и реформы

В России происходит *смена парадигмы общественного сознания*. Процесс болезненный, но исторически неизбежный¹. В каждой стране он проходит по-своему, но существует и ряд общих закономерностей.

Первая – *длительность* вытеснения в национальном масштабе одной системы ориентаций другой (связана со сменой поколений).

Вторая – *позатанность* процесса. Переход к новой парадигме происходит методом напластования новых и вытеснения старых элементов. На протяжении переходного периода общественное сознание социума носит смешанный характер².

Третья – *неравномерность* процесса – пространственная и временная³. Россия уже убедилась в этом: Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и другие мегаполисы идут с опережением; неравномерность прослеживается и во времени, подстегиваемая или сдерживаемая конфликтами и кризисными явлениями в экономической и социальной сферах [10, с. 67–69].

Мы выделяем четыре основных источника развития обновленного российского общественного сознания; это собственная социальная практика, заимствование зарубежного опыта, советское наследие, дореволюционная российская культура. От того, как будут отражены в МО населения эти составляющие, будет зависеть структура общественного сознания.

После распада СССР Россия стала правопреемницей статуса великой ядерной державы, унаследовав около 60% экономического, на-

¹ За последнее десятилетие его пережили Германия, Италия, Япония, Испания, Португалия, Греция, Чили, восточноевропейские страны.

² В рамках одной национальной общности сосуществуют старая и новая культуры, представленные различными политическими, территориальными и генерационными общностями. В сознании и поведении одних и тех же индивидов и групп, а также в функционировании одних и тех же политических институтов совмещаются, часто противореча друг другу, старые и новые культурные образцы.

³ Это свойственно прежде всего странам с федеративным устройством и многонациональным населением.

учно-технического потенциала, большую часть территории, богатой природными ресурсами, – и серьезнейшие проблемы (внешний долг составил около 70 млрд долл.; изношенность основных фондов промышленности – около 70%).

Экономика страны в начале 1990-х гг. находилась в труднейшем положении. Возрастала от месяца к месяцу нехватка товаров первой необходимости, в том числе продовольствия. Предприятия тяжелой промышленности и оборонной сферы остались без государственных заказов, что угрожало вызвать быстрый рост безработицы. После роспуска СЭВ и распада СССР экономические связи страны пришли в полное расстройство.

В октябре 1991 г. российское правительство представило первую программу радикальных реформ. Она предусматривала экономическую стабилизацию в течение года с последующим подъемом производства. Главным звеном этой программы стала реформа ценообразования, автором которой выступал Е. Гайдар, который считал, что нерешительность в этой сфере погубила экономические реформы Горбачева. Действительно, идея изменения общественного порядка корнями уходит в 1985 г., в год прихода к власти М. С. Горбачева, начавшего перестройку всей системы. До 1991 г. шел эволюционный процесс перестройки сельского хозяйства. Каждый год внедрялось что-то новое в практику колхозно-совхозной системы: безрядная система, коллективный подряд, арендный подряд и т. д. Но положительной динамики в экономической сфере не наблюдалось.

«С осени 1991 г. российская власть перестала чтобы-то ни было внятно объяснять гражданам. Просто одно за другим стала объявлять решения, о смысле которых каждый мог догадываться по-своему» [192, с. 8]. Реформы начались с *либерализации цен*, т. е. отказа от их государственного регулирования, на большую часть товаров. Снимались ограничения на частнопредпринимательскую деятельность, в том числе в сфере торговли. В результате доходы, на которые существовала вся советская страна, перешли в руки нескольких группировок, численностью (вместе с семьями) в несколько тысяч человек. Основная масса населения была ограблена.

В 1992 г. новое российское правительство взяло *курс на оздоровление экономики за счет ее ускоренного перевода на рельсы ры-*

ночного хозяйства. Предложенный путь вывода страны из кризиса стали называть *шоковой терапией*.

Летом 1992 г. была утверждена программа *приватизации*, согласно которой с 1 октября началась выдача приватизационных чеков (ваучеров) всем россиянам, включая младенцев. Их можно было вкладывать в акции приватизируемых объектов.

Работники сельхозпредприятий, сельские пенсионеры и работники социальной сферы села наделялись *земельными долями*, размер которых устанавливался по среднерайонной земельной доле¹, а также *имущественными паями* своих колхозов (совхозов). Население безвозмездно получало условную собственность – ваучеры, земельные доли, имущественные паи. Ваучеры можно было продать или вложить в то или иное предприятие. Доли и паи можно было продать, внести в уставной фонд реорганизованного или вновь создаваемого предприятия для создания собственного фермерского либо расширения личного подсобного хозяйства.

Результатом массовой приватизации в аграрном секторе стала дисперсия (распыленность) собственности (прил. Д). Но жизнь показала, что реорганизация сельхозпредприятий не создала предпосылок к быстрому появлению эффективного собственника. Этот процесс осложнялся компромиссным и непоследовательным характером аграрного законодательства², с одной стороны, и социальными отношениями внутри хозяйств³ – с другой. Реально в большинстве случаев земельные доли и имущественные паи подлежали обороту только внутри коллектива собственников. Поэтому количество работников, воспользовавшихся своим правом выделиться со своими земельными долями и имущественными паями с целью создания фермерского хозяйства, оказалось

¹ Исчислялась следующим образом: суммарная площадь приватизируемых сельхозугодий предприятий делилась на число граждан, получивших право на такую долю.

² В российском законодательстве не существовало правовой нормы частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения и возможности их купли-продажи.

³ Уставы вновь созданных и реорганизованных предприятий фиксировали лишь право передачи доли в уставной фонд и сдачи его в аренду и всячески ограничивали возможность выделения участка в счет доли с последующим изъятием его из земель предприятия. Еще большие сложности были связаны с выделением имущества в натуре – они могли претендовать лишь на получение списанного негодного оборудования или инвентаря.

крайне малым. Доля последних в структуре сельскохозяйственного производства в России составляла в 1999г. всего 3% [140, с. 73].

Надежда на создание сельского среднего слоя в лице фермеров не оправдалась¹. Почему этого не случилось, достаточно убедительно показали в своей монографии С. И. и Д. С. Манохины на примере Костромской области. «Фермерство как альтернатива коллективным хозяйствам (кстати, первыми фермерами в стране были горожане, а не селяне. – Л. П.) на протяжении всего реформаторского периода, особенно в его начальные годы (1991–1993 гг.), при внешней благожелательности и одобрении сверху, испытывало мощное давление со стороны местной власти. Уничтожить класс фермеров в зародыше она не решалась. Поэтому делалось все, чтобы он был обречен на вымирание: земельные участки давались в глухомани и самые запущенные; первое время фермер был откровенным донором колхозов и совхозов, поскольку через них продавал свою продукцию чуть ли не по себестоимости; его ограничивали в приобретении техники и даже за плату не давали ее использовать; лишали льготных кредитов; наказывали тех, кто пытался оказать ему помощь и т.д. *И так по всей России* (выделено мною. – Л. П.)» [107, с. 31].

И. Е. Кознова отметила еще одну причину неуспешности фермерского дела в стране. И причина эта кроется в крестьянской ментальности: крестьянство не хочет мириться с тем, что работающих в сельском хозяйстве разделили на две категории. При реорганизации колхозно-совхозной системы была искусственно противопоставлена одна группа сельскохозяйственных производителей другой. Тогда нарождавшееся фермерство имело не только экономическую, но и психологическую поддержку государства, в то время как основная масса колхозно-совхозного крестьянства оценивалась как консервативная сила, которая не может ничего сама изменить в аграрном секторе. *Просчет власти на уровне крестьянской ментальности вылился в противостояние фермеров и остальных жителей села.*

Крестьянам важно сохранить свое крестьянство, которое, по их мнению, теряется с переходом к фермерству. Фермера считают кре-

¹ Если в начале 1990-х гг. фермерских хозяйств было где-то за 300 тыс., то в 1998 г. их стало уже 270,2 тыс., или 2% от всех категорий хозяйств. Производили же они в 1998г. зерна – 6,8%, сахарной свеклы – 4%, картофеля – 1%, овощей – 1,8%, молока – 0,5%, яиц – 0,1%, шерсти 2,4% [141, с. 21].

стьянином, если он сам трудится на земле, все зарабатывает сам. Кроме этого критерия для крестьян важен характер отношения фермеров с государством. В представлении крестьян «Фермеры – не крестьяне, они: “рвачи”: все себе, государству ничего не дают»¹. «Фермер – ответственность большая. Крестьянин заработал и сдал государству, а фермер – завтра помещик, все себе»; «Крестьянин любит свой труд, а фермер – свой доход», – так рассуждали орловские и нижегородские крестьяне.

Для самих фермеров большую роль играют их «родовые» крестьянские черты. Показательны в этом плане *мотивы создания самостоятельных хозяйств*. Фермер Владимир Ковальчук (Орловская область), дед которого хозяйствовал на сибирской заимке, считает современное фермерство, по сути, старой, забытой формой. Для орловчанина Ивана Семенова, долго работавшего на заводе, решающим оказалось его крестьянское происхождение (его предки – государственные крестьяне): уход в фермеры он объясняет «зовом крови». Но вместе с тем фермеры считают, что обладают уже иным социальным статусом. Так, фермер Матвейчев из Мценского района Орловской области крестьянином называет того, кто живет по старым народным обычаям, а фермера относит к новому времени. Еще дальше уходит фермер Вячеслав Касьянов, внук самораскулачевшегося в 1929 г. крестьянина, участник первого в России земельного аукциона, который рассматривает свое фермерство как восстановление исторической справедливости; он стремится вырваться из привычного крестьянского круга. Для него ориентир – крупное товарное фермерство с использованием наемного труда [64, с. 244–246].

Реорганизация колхозов и совхозов привела к тому, что получили те же колхозы (совхозы) – в разваленном, разрушенном состоянии. Все эти ОАО, ЗАО, ТОО, АКХ, ООО, АО и т. д. являются колхозами – только с извращенной формой частной собственности. Они оказались без кредитов, с низкими, несбалансированными ценами на сельскохозяйственную продукцию, кабальными налогами, одним словом, без денег, без средств существования².

¹ Такие суждения были выявлены нами и в Свердловской области.

² Во всех европейских странах и США сельское хозяйство вне зависимости от формы собственности поддерживается государством (льготные кредиты, дотации, сбалансированные цены и приемлемые налоги).

Для членов реорганизованных хозяйств характерна такая форма оппортунистического поведения [91], как *отлынивание*, основанная на возможности уменьшения коллективными собственниками своего вклада в производимый сельхозпредприятием продукт без соответствующего уменьшения их индивидуального дохода. Это, в свою очередь, приводит к сверхиспользованию ресурсов предприятия и, следовательно, его низкой производительности и рентабельности (ЭО). Убыточное хозяйство не может обеспечить работников и акционеров достаточными доходами, поэтому опять основным объектом приложения труда становится ЛПХ¹.

Совхозы оказались в более худшем положении. При акционировании они практически перешли в разряд колхозов, т. е. стали теми же ЗАО, ООО, ТОО, АО и т. д. со своими уставами и выборными руководителями: в большинстве совхозов рабочие не стали отделяться от коллектива и создавать свое фермерское хозяйство. Дело в том, что при реформировании не был учтен тот факт, что за 60 лет существования совхозов и колхозов крестьяне привыкли к общественному труду. Фермерское хозяйство предполагает, что фермер и его семья в производстве продукции должны делать все сами: содержать скот, выращивать растениеводческую продукцию, обрабатывать эту продукцию, заниматься экономико-финансовыми вопросами и еще выполнять кучу дел, не перечисленных здесь. Поэтому охотников выхода из коллективов совхозов нашлись единицы. *Массового выхода рабочих в фермеры не получилось.*

Показателен пример номенклатурной приватизации, касающейся *межколхозных организаций, созданных на базе кооперативной и государственной собственности*, приведенный в монографии «Самоуправляющаяся деревня» [107, с. 27–28]. Бывший «Костромаагропромстрой» по постановлению главы администрации Костромской области В. П. Арбузова (№ 410 от 18 октября 1993 г.) «в связи с непредставлением в областную согласительную комиссию по разграничению кооперативно-государственных предприятий материалов о имуществе дорожно-строительных организаций бывшей ассоциации «Агропромстрой» негосударственной собственности, отсутствием обращения колхозов-пайщиков, претендующих на долю собственности (сохранен

¹ Вклад ЛПХ в производство продукции сельского хозяйства в стране возрос 31% в 1991г. до 54% в 2000г. Они производят 90% картофеля, более 50% молока и мяса, имея в своем распоряжении всего 6% от земельных угодий [141, с. 31].

стиль документа. – Л. П.)», стал неожиданно сначала государственным, а потом, согласно этому же документу, оброс новыми собственниками, в числе которых 18 физических лиц. Созданное таким образом на базе ОАО «Костромаагропромстрой» за сравнительно короткий срок успело реализовать часть собственности, естественно, без согласия хозяев-пайщиков... И только на основании требований хозяев-пайщиков в 1998 г. по суду произошло перераспределение уставного капитала акционерного общества. У юридических и физических лиц были изъяты в «добровольном порядке» 632 акции и переданы 189 хозяевам области как принадлежащая им доля.

Период приватизации в аграрной сфере многие исследователи называют периодом «большого хапка» [107, с. 26]: произошло быстрое, дешевое, не имеющее обратной силы перераспределение государственного имущества в пользу номенклатуры и «новых русских», а тот, «кто был ничем», ни с чем и остался.

В массовом сознании, отметил на дискуссии 21 сентября 2000 г. генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований Э. А. Полен, в качестве самого большого греха проведенной в России приватизации называется то, что она была нечестной и даже грабительской для народа («прихватизация») [158, с. 22]. В свою очередь, в научной литературе и публицистике ее ругают за то, что она проходила слишком быстрыми темпами – *по западной модели, без учета нашего опыта, менталитета и культуры*, в результате чего и произошло так много ошибок.

К 1993 г. объем промышленного производства по сравнению с 1991 г. сократился на 12%, сельскохозяйственного – почти на 10%; вывезено было из России 17 млрд р. Прежде скрытая коррупция государственных чиновников стала носить открытый характер. Ниже черты бедности оказались около 44% жителей страны. Появились первые сотни тысяч безработных, смертность россиян подскочила на 20%, а рождаемость упала на 14%.

Быстрая реализация мероприятий приватизации породила ряд особенностей: российскую олигархию, непрозрачность и полукриминальность¹ экономики, 80%-й бартер в экономическом

¹ По данным Министерства внутренних дел России, 70% всех приватизированных и вновь созданных частных предприятий контролируются криминальными структурами [139, с. 54].

обороте¹, искусственные способы подавления инфляции², нерезформированность расходной части бюджета, постоянный обман международных финансовых организаций [192, с. 10].

В декабре 1992 г. VII съезд народных депутатов Российской Федерации оценил работу правительства Е. Т. Гайдара как *неудовлетворительную*. Новым его главой стал опытный управленец В. С. Черномырдин.

В. С. Черномырдин подтвердил стратегический курс на рыночную экономику, но сразу же заявил о необходимости внести *поправки в политику реформы, придать ей более четкую социальную направленность*, хотя возможности для этого были ограниченными.

Направить реформы в нужном направлении можно двумя способами. Первый – пустить все на самотек, позволив «невидимой руке рынка» рулить «нашим паровозом». Но «невидимая рука» работает медленно, а у нас дефицит времени. Кроме того стихия рынка ведет экономику страны по пути наименьшего сопротивления. Проще начать распродажу сырьевых ресурсов, – так и сделали, угробив попутно внутреннее промышленное производство: «невидимой руке рынка» нет никакого дела до наших национальных интересов.

Второй способ предполагал рефлекссию над тем, что же такое российский народ, какие реформы ему нужны, чтобы он добровольно потянул бурлацкую лямку и поволок «наш паровоз», как машину, с толчка. Но наши власти не увидели в нашем народе ничего «такого», что потребовало бы русификации позаимствованных реформ [4, с. 8].

Перенеся на российскую почву демократические нормы Запада, руководство страны явно не задумывалось над тем, как они приживутся и какие мутанты из них вырастут. А вырос новый облеченный властью *номенклатурно-коррупцированный* слой сельского общества, ориентированный на реализацию в большей степени частных, корпоративных, ведомственных или местных интересов, чем национальных.

¹ Стало невозможно собирать налоги, значит, невозможно и формирование сбалансированного бюджета, как следствие – рост задолженности перед армией, наукой, образованием, медициной. Государственные финансы оказались в плачевном состоянии.

² В 1992 г. Правительство в целях борьбы с инфляцией встало на путь сознательной невыплаты людям заработной платы. В дальнейшем это стало обычной практикой. В бюджет записывались цифры, не имеющие обеспечения, до бюджетных организаций ничего не доходило. Неплатежи росли, как снежный ком.

Именно они, представители коррумпированного слоя, пользуясь несовершенством принятого Земельного кодекса Российской Федерации¹ и абсолютной властью, используют спекулятивно-бюрократическую модель рынка, акцентирующую экономическую активность на перераспределительных процессах, и разваливают сельскую экономику, подавляют творческий дух человека, его инициативу. Это «злокачественная опухоль на организме сельского общества», они паразитируют «на спекуляции недвижимостью и бывшей государственной собственностью... наживаются на распродаже ликвидных ресурсов, на обесценивании и экспроприации имущества и т. д.» [107, с. 38–39].

Примечательными чертами этого периода стали усиление на селе *теневой экономики*, возникшей в недрах старой тоталитарной системы, *использование внеэкономических методов развития и черный рынок*. Теневая экономика охватила всю сферу хозяйственной деятельности села, и, по разным оценкам, ее доля составляет от 40% до 70% валового сельскохозяйственного продукта.

Крупные земельные собственники, в коих реформа превратила руководителей колхозов и совхозов, бесконтрольны в продаже продукции, живут «черным налом»² и только мечтают о сохранении этого золотого для них времени. «Идет скрытая распродажа земли, ее и сейчас скупают у “красных помещиков”». Один Газпром между делом прибрал к рукам почти три сотни колхозов – совхозов. Площадь газпромской пашни уже больше, чем у Николая II, – около 1,5 млн га богатейшего чернозема [107, с. 37; 182;].

За последние годы реформаторы где по недомыслию, где по жестокости, а где и просто по очевидной их слабости совершили много ошибок, результатом которых стало возникновение двух экономик – одна для бедных, другая для богатых. Не соединив их в одну,

¹ Земельный кодекс запрещает крестьянским (фермерским) хозяйствам получать землю в собственность; заменяет право на землю в общей долевой собственности земельным наймом; не признает права продажи земли; запрещает заклад земли под кредит и ограничивает право сдачи в аренду земельных участков; позволяет местным органам власти лишать частного правопреемника всех аспектов права – владения, пользования и распоряжения [107, с. 29–30].

² В результате так называемого социального варианта аграрной реформы 90% земли оказалось в руках старой партийно-хозяйственной номенклатуры и контролируемых ею корпоративных образований [107, с. 68–69].

обеспечивающую стабильность, порядок и соблюдение законов при разумных налогах, повышении покупательской способности населения и т. п., мы никогда не придем ни к благосостоянию общества, ни к демократии.

Переходный период, в котором находятся сельское общество и его экономика, отмечен и другим недугом – *коррупцией и казнокрадством*, причина которого – в засилье номенклатурной бюрократии, ставшей носителем власти¹. И все-таки есть перемена, причем очень важная, от которой зависят и изменение порядков, и вся судьба государства. Это *перемена в народном сознании*. Российские крестьяне стали разбираться в государственных и общественных делах и сами начинают принимать участие в работе по преобразованию общества (ПО, ЭО, СО).

Недополучая деньги в бюджет, государство не имело возможности своевременно выплачивать зарплату работникам бюджетной сферы и госпредприятий. По разным оценкам, от 22% до 40%; населения жили за чертой бедности. Ужесточился режим экономии на государственных расходах, в первую очередь за счет и без того ограниченных средств, выделяемых на армию, культуру, медицину и образование. Весной 1997 г. их пришлось сократить на 30%.

Валовая продукция в сельском хозяйстве составила к 1998 г. только две трети от уровня 1991 г. Еще более снизилось поголовье скота, а значит и производство мяса (в два раза) и молока (в три раза). Вдвое меньше вносилось удобрений, что вело к истощению почв и падению урожайности. Из активного оборота было выведено почти 25 млн га пахотных земель. Поля, некогда кормившие Россию, зарастали травой и кустарником. Страна импортировала почти 60% продовольствия.

В газете «Уральский рабочий» от 13 сентября 1995 г. было опубликовано интервью с 80-летней неграмотной крестьянкой села Фирули Таборинского района Свердловской области Е. О. Власовой. Са-

¹ Не случайно президент в своем послании Федеральному собранию не только обратил особое внимание на это злокачественное явление, но и объявил ему открытую и непримиримую войну. Только в 1998 г. было возбуждено свыше 60 тыс. уголовных дел, связанных с должностными преступлениями, взяточничеством и казнокрадством.

мым впечатляющим в нем оказалось стихотворение¹, в котором отражены почти все составляющие МО крестьянки конца XX в.

С горькой тоскою по полю идешь...
Куда ты девалась, высокая рожь?
Что же случилось, какая беда?
Родилась на поле одна лебеда.
Хлеб нам теперь везут с заграницы.
Не сеем, не пашем – уж нету пшеницы.
Куда ни посмотришь – сердце болит –
Злая крапива на поле стоит.
Тракторы в поле давно не гудят.
Все хлебобобы без дела сидят.
Слоняются хмурые и без работы.
А у правительства нету заботы.
Во, господа, до чего мы дожили!
Дорогу по полю у нас проложили.
Теперь мы по каменной ходим дороге,
А сами живем, как медведи, в берлоге.

Единственно, что стабильно росло в России, – это государственный долг. К 1998 г. он складывался из 125 млрд долл. внешнего долга и примерно такой же суммы в долларовом эквиваленте – внутреннего.

В марте 1998 г. президент отправил в отставку правительство В. С. Черномырдина. Премьер-министром был назначен молодой реформатор С. В. Кириенко.

Правительство С. В. Кириенко с ходу приступило к разработке *антикризисной программы*. Стержневой ее частью стали переговоры о получении новых, так называемых стабилизационных, кредитов в 15 млрд долл. от Международного финансового фонда², изменение налогового законодательства (увеличение налогов), уничтожение государственного вмешательства в экономику и сокращение и без того урезанных социальных программ. Однако Дума отклонила программу. В этих условиях 17 августа 1998 г. Кириенко заявил о дефолте – отказе

¹ Авторский стиль сохранен.

² Это в то время, когда каждый гражданин России, включая стариков и новорожденных, уже был должен западным государствам и международным фондам около 1 тыс. долл.

от обязательств по погашениям внешних и внутренних долгов страны. Наибольший урон банкам и их вкладчикам нанесло прекращение выплат процентов по государственным казначейским обязательствам. Было уже невозможно сдерживать инфляцию, рубль оказался девальвирован (обесценен) по отношению к иностранной валюте.

Меры правительства привели к резкому росту цен, потере сбережений многими собственниками и рядовыми гражданами, массовому оттоку иностранных инвестиций, новому спаду промышленного и сельскохозяйственного производства и т. п.

Президент Б. Н. Ельцин в очередной раз сменил правительство. С октября 1998 г. его возглавил бывший шеф Службы внешней разведки, министр иностранных дел РФ, академик-экономист Е. М. Примаков. Вскоре он определил главные приоритеты своего кабинета: жесткий режим экономии, борьба не на словах, а на деле с коррупцией и преступностью в обществе, оживление реального сектора экономики¹, переговоры с иностранными кредиторами о «цивилизованной» отсрочке выплат по долгам. Но кризисные явления в стране нарастали. В мае 1999 г. президент назначил на пост премьер-министра С. В. Степашина, а в августе 1999 г. его сменил на этом посту В. В. Путин. При этом президент подчеркнул, что видит его своим приемником.

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки охарактеризовать содержание и основные черты происходящих в стране перемен в период реформирования России. Формулировок было немало, но, видимо, самой точной является формулировка, предложенная Г. В. Осиповым – «время мифов». Анализируя сущность и содержание социальных мифов², он отмечает интересную их особенность: они мыслятся современным сознанием как некая реаль-

¹ Впервые за все время реформ был своевременно принят реалистической бюджет, учитывающий социальные интересы широких масс населения. Тем не менее реальные доходы россиян к 2000 г. в среднем составляли 47% от уровня 1991 г. Увеличился разрыв между доходами бедных и богатых. По многим показателям Россия стремительно приближалась к наименее развитым странам мира, живущим за счет продажи невозполняемых природных ресурсов.

² Социальные мифы предыдущих десятилетий: «развитой социализм», «переход к коммунизму» и др. были созданы искусственно, культивировались сознательно. В постсоветской России к концу XX в. на смену прежним появились новые: «все решит рынок», «слепой “советский совок”, которого надо учить уму-разуму» и т. п. [114].

ность, как возможная действительность, некий идеал¹. Когда эти фантазии овладевают социальными группами, массами людей, трудно предсказать последствия.

Самым упорно распространяемым мифом в экономике был тезис о том, что не сегодня-завтра правительство сможет правильно собирать налоги².

Вторым по масштабам внедряемости мифом был миф о том, что для успеха реформаторам не хватает власти³.

На деле ждать чего-то от власти было делом неблагодарным: реформы велись авторитарно. Б. Н. Ельцин поручал правительству то 6 важных дел, то 12, то 26, среди которых обязательны были 3 составляющие (выплаты по долгам, пенсиям и зарплате бюджетникам).

Разрыв между лозунгами и конечными результатами всегда был «ахиллесовой пятой» государственной политики в отношении села. Результаты реформы отбросили сельское хозяйство на несколько десятков лет назад. За период реформ начиная с 1990 г. в аграрном секторе происходил значительный спад производства сельхозпродукции, что ставило под угрозу продовольственную безопасность страны⁴.

О неудовлетворительном состоянии сельскохозяйственных предприятий говорят данные таблицы, в которых отражена информация о финансовых результатах деятельности сельхозсектора достаточно благополучной Свердловской области.

Реформы проводились теми, кто не пользовался доверием граждан, а в последние годы вызывал полное отторжение. «Способ проведения реформ основан на презрении к людям»; «...отношению ко всем как к “совкам” и быдлу», которыми «надо время от времени подбрасывать кусок с барского стола, чтобы с голодухи не взбунтовались», «не потревожили»⁵.

¹ В основе либо иллюзия, либо ложь.

² Это утверждалось в условиях, когда 80% экономического оборота составляли бартер и денежные суррогаты.

³ Неправда: власть у них была, пресса была. Желания перемен в 1990–1992 гг. были, люди готовы были терпеть ради светлого будущего в очередной раз. Власть не была готова, транслируя чужие суррогатные финансовые программы.

⁴ В 1998 г. убыточные предприятия составляли 84,4% от общего числа сельскохозяйственных организаций.

⁵ Здесь и далее фразы в кавычках взяты из опросных листов 1995 г. (Свердловская область).

Финансовые результаты деятельности сельскохозяйственных предприятий
Свердловской области [153, с. 83]

Показатель	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Число хозяйств,	346	350	349	345	349	347
в том числе:						
убыточных	50	29	196	127	238	259
прибыльных	296	321	153	218	111	88
Балансовая прибыль, млрд р.	5,2	59,4	77,8	333,6	-71,6	-184,8
Уровень рентабельности продукции с учетом дотаций, %	46,5	49,9	20,6	26,4	-2,4	-5,1
Сумма убытка на одно убыточное хозяйство, млн р.	3,4	24,8	203,5	341,3	1122	1388,8

Отношение власти к народу как к пассивной массе людей, которая пойдет куда направишь – крайне ошибочно! Люди у нас умны, хитры и изворотливы, причем они не только сами приспособливаются к изменяющимся условиям, но и, сопротивляясь, меняют эти самые условия (СО).

Так, например, на декабрьских выборах 1993 г. все ждут сокрушительной (!) победы реформаторов («Демвыбор России»), политическая элита замерла у мониторов и экранов, здесь же шампанское... И вдруг с Дальнего Востока начинает поступать информация о победе ... Жириновского. Один из видных демократов в сердцах выкрикнул: «Россия, ты одурела!» Народ России не одурел, а проявил характер, о существовании которого реформаторы и не подозревали [4, с. 8].

Кстати, региональные выборы выявили еще один интересный момент в МО населения. Раньше соперником, «врагом № 1» были коммунисты, а в результате выборов Кремль столкнулся с обилием уголовных «авторитетов» и их ставленников (Новгород, Ненецкий округ, Красноярск, Екатеринбург): люди не видят «разницы между бандитами и властью», считают их «конкурентами» и выбирают «из двух зол меньшее» – бандитов (ПО, СО).

Еще одной формой стихийного сопротивления народа стало *поголовное бегство от налогов* (ЭО, СО). Это чисто народное явление: крупный бизнес придумывает какую-нибудь легальную схему минимизации налоговых выплат, а народ (торговцы на вещевых рынках,

строительные и ремонтные бригады, авторемонтники – чаще всего «на дому») просто не платит налоги. Когда попадались налоговикам, то звали на помощь «крышу», которая «разруливала» ситуацию (налоговик прячет денежку в карман, а торговец (ремесленник) – возвращается на «рабочее место»).

Можно говорить (и говорят) о безнравственности и преступности подобных деяний: государство недополучает деньги в бюджет, значит, нечем платить врачам, учителям, пенсионерам. Но ведь никто не гарантирует, что деньги пошли бы действительно врачам, учителям, пенсионерам, а не на строительство загородного дома (дачи) мэра (вице-мэра и др.) и т. п. А раз так, то проще платить напрямую чиновнику: дешевле и эффективнее. Потому совесть «народа» чиста. Таким образом, «теневая крыша» является альтернативой большой государственной «крыше»: когда чиновники последней начинают «крысятничать», то лучше решать проблемы, уйдя в «тьень». Почему? Все просто: «тьень» видит вещи и явления этого мира такими, какие они есть на самом деле, в ней не действуют законы двойной морали, здесь все происходит «по понятиям», по тем понятиям, которые в ее среде приняты.

В целом можно говорить об изменениях общественного сознания, о трансформации его аксиологической составляющей.

Так, уже в первые постперестроечные годы традиционные духовные ценности начали несколько «корректироваться». По данным Н. И. Лапина [40, с. 127], к числу одобряемых и одновременно интегрирующихся ценностей были отнесены: самооценność жизни, свобода, забота о ближнем и слабом, взаимопонимание, спокойная совесть. К отрицательным – самовольное лишение жизни другого человека, жизнь для себя (а не для потомков), равенство доходов, власть над другими людьми. Одновременно зафиксировано стремление к новым символам и значениям. Исследования на Урале [173, с. 532–533], проведенные в это же время, показали, что у селян среди положительных ценностей преобладают благополучие свое и детей, безопасность, мир, порядок и дисциплина, труд как основа процветания, стабильность, справедливость, честность. Были определены и «антиценности» – бедность, преступность, война, бездеятельность власти, безработица, неравенство, ущемление интересов России, заброшенность детей, наркомания.

Происходит некоторая трансформация смыслового содержания ценностей. Так, для одних приватизация – легитимный способ приобретения собственности, для других – разграбление богатства народа, стяжательство, воровство («прихватизация»).

К середине 1990-х гг. ценностное сознание населения России стало тяготеть к модернистским ориентациям при отказе от некоторых традиционных: на 8–10% произошел рост ценности свободы, независимости, инициативы при заметном снижении традиционных ценностей – самопожертвования, вольности, следования традициям, а согласно данным Б. П. Шулындина [187] рост индивидуалистической модели отношений составил уже около 30% с одновременным вытеснением духовно-нравственных ценностей российского менталитета. С 1996 г. более половины населения страны материальное благосостояние оценивали выше ценностей свободы. И не случайно, например, до 80% выпускников сельских школ Урала видели свое будущее в городе [173, с. 125].

По данным социологических опросов, проведенных нами в 1995–1996 гг. в семи районах Свердловской области, колхозное крестьянство представляет собою переходное явление. В экономическом плане оно в значительной степени все еще ориентируется на административно-бюрократическую систему (35%), ожидая от нее помощи в решении своих экономических и социальных проблем. В плане социальной организации можно говорить о сочетании общинно-семейной и семейно-индивидуальной форм организации жизни (47%). Существующие ориентации на рынок (25%) не исключают возможности перехода на натурализацию хозяйства (43%) при силовом воздействии «сверху».

Колебания аграрной политики породили своего рода «натурализацию сознания»: люди перестали верить программам и обещаниям (85%). Они реагируют только на то, что касается их личного надела (40%), непосредственных занятий и ближайшего окружения (33%).

Колхозник превращается в низкоквалифицированного работника, приспособленного для работы в крупном специализированном хозяйстве, где он выполняет четко определенную функцию, т. е. он становится *наемным работником с наделом*, который пользуется государственными средствами хозяйства и землей (в том числе и в лич-

ных целях) и не желает изменения существующего порядка (65%)¹. Появляется новый тип личности, пораженный вирусом эгоизма, жажды наживы, власти, способный встать над моралью.

Предыдущие реформы на селе (Александра II в 1861 г. и П. Столыпин в 1906–1907 гг.) осуществлялись по четкому плану твердой государственной властью, претворяющей в жизнь каждый юридический акт с точностью и неуклонной решимостью. Они были успешны, потому что имелся надежный аппарат их реализации, проводящий волю и цель инициатора реформы в уезд, волость, деревню. Семилетие столыпинской реформы Россия отмечала как первый экспорт зерна в мире [107, с. 103].

Земельные и аграрные реформы конца XX в. изначально отличались и условиями, и методами, и целями. Реализация реформы была поручена тому социальному слою, против которого она была направлена: разбогатевшему на агонии колхозов и совхозов партхозактиву.

Пролонгация долгов, товарный кредит, сельские облигации – все это бесполезные припарки мертвому укладу. Располагая 130 млн га пашни, в числе которой каждый третий гектар черноземов планеты, развитым машиностроением, завидным энергетическим потенциалом, страна за 1990-е гг. обязана была вырваться на зерновые, масленичные, льняные рынки мира, стабилизировать рубль экспортом возобновляемых ресурсов. На деле же потеряно, выпало из оборота минимум 9 млн га культурных земель, что равно трем Киргизиям, 18 пашням Армении [107, с. 103].

Результаты реформы, а значит, и промежуточные итоги можно подразделить по следующим направлениям: хозяйственные, социальные, духовные, социоструктурные.

Анализ материалов нашего исследования показал: *реформа в аграрном секторе не привела к позитивным сдвигам.*

Хозяйственные результаты получены не там, где планировались (не в коллективных хозяйствах, а в ЛПХ); начиная с 1990 г. политика

¹ В. П. Данилов в выступлении на конференции «Конец коллективизма в Европе» (Париж, 1992 г.), посвященной завершению эпохи коллективного земледелия в Восточной Европе, пришел к такому же выводу: коллективное земледелие за 2–3 десятков лет существования частично превратило крестьянина в рабочего. Социологические исследования свидетельствуют, что 3/4 бывших членов кооперативов настроены против разрушения кооперативов [158, с. 17].

государства объективно направлена на искусственное разорение крестьянства с целью постепенного перевода сельскохозяйственных земель в разряд необрабатываемых, что упрощает их приватизацию и постепенную продажу иностранцам; вместо ожидаемого свободного рынка создали рынок номенклатурно-корпоративный с теневой экономикой.

В *социальной* сфере наряду с появлением чувства социальной изолированности, отстраненности, ухудшением морально-психологического самочувствия появились элементы некоторой гражданственности (самостоятельные контакты с агентами рынка, навыки сбыта продукции, понимание экономического расчета, упрощенной выгоды, прибыли).

Духовные результаты получились не очень радостные: спивающиеся жители деревень; брошенные на выживание пенсионеры; сохраняющийся антирыночный менталитет, под которым следует понимать неприятие частнособственнических принципов, ориентированных только на материальный успех: отсутствие способностей и желания перестраивать стереотипы мышления в соответствии с рыночными реалиями.

Социоструктурные результаты проявились в усиливающейся дифференциации сельского населения на группы выигравших и проигравших в ходе приватизации: некоторые семьи имеют плодородную землю, технику, здоровых племенных животных плюс личное трудолюбие, умение «крутиться» и т. п.; уделом других (и их большинство) стали земля похуже, техника попроще, проблемный домашний скот плюс неумение распорядиться этой собственностью, нежелание жить и работать в разоренных колхозах и совхозах.

Подводя итог осуществления восьмилетней аграрной реформы, С. И. и Д. С. Мозохины используют известный русский образ богатыря на перепутье: налево пойдешь – в колхоз попадешь, направо пойдешь – фермером станешь, прямо пойдешь – неизвестно куда прийдешь [107, с. 125].

§2. Метаморфозы мировоззренческих ориентаций современных сельских жителей

В многовековой истории российского крестьянства XX столетие ознаменовано несколькими и в основном взаимоисключающими попытками аграрного реформирования. В течение длительного времени крестьянство рассматривалось как объект воздействия со стороны властных структур. Его самобытность, развитие как естественного

(«равноправного») компонента общества ставились под сомнение или вообще не брались в расчет. Для отечественных моделей аграрных преобразований характерны такие черты, как приоритет государственных интересов, аграрный фетишизм, отсутствие последовательности, вынужденный переход от одного цикла к другому с забеганием вперед. Их психологическим фоном было относительное противостояние власти и крестьянства. Дело в том, что в крестьянском восприятии действительности особое место принадлежит исторической памяти. Историческая память является чертой ментальности, формирующей сознание общества, позволяющей определенным образом интерпретировать события, детерминирующей характер поведения отдельных людей или их групп и социальных общностей. Именно ИП помогает крестьянскому социуму осознать себя и свое место в обществе, осмыслить свой исторический опыт исходя из представлений крестьян о лучшей жизни, христианских идеалов добра и справедливости. Она становится фактором сохранения экологического равновесия, ориентируясь на сохранение сельской среды, созданной культурой предков; через «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам» формирует «нравственно оседлого человека». Помня эту особенность российской ментальности, власть, инициируя аграрную реформу, может придать ей импульс саморазвития: активно задействуя ИП, реформа имеет соответствующую постоянную подпитку.

В конце столетия, как и в начале, ИП крестьянства не совпадала с властной, что нашло отражение в МО.

Распад Советского Союза породил необходимость переоценки базовых ценностей, что является делом весьма непростым.

Критика своего (советского) прошлого и идеализация чужого (западные ценности), смена привычных мировоззренческих (идеологических) ориентаций породили в переходный период социальное беспокойство, повысили агрессивность, раздражительность, внушаемость людей, усилили аномию, кризис идентичности и т. п., играя роль компенсатора, защиты от нарастающей неопределенности – причем как на уровне индивидуального, так и на уровне общественного сознания.

В массовом сознании основные ценности «сосуществуют», дополняют друг друга. Люди ценят и свободу, и порядок, но в реальной жизни возможна конфликтная ситуация: одни больше ценят свободу,

другим важнее порядок. Бывает и так, что и в одном человеке эти две ценности могут находиться в конфронтации, доминируя в иерархии ЦО, оттесняя другие в зависимости от конкретных условий. Взаимосвязаны в массовом сознании свобода и равенство, но в определенных случаях усиление равенства может восприниматься как ущемление свободы, в других – чрезмерное расширение свободы ведет к подрыву равенства и оценивается как «беспредел». Поэтому одни отдают предпочтение порядку перед свободой, другие – свободе перед порядком, третьи – равенству перед свободой и порядком и т. д.

Тем не менее можно выделить иерархию ценностей и антиценностей, сформировавшихся к концу XX в. Итак, ценности могут быть представлены следующим рядом: благополучие свое и детей; безопасность; мир; порядок, дисциплина; труд как основа процветания; стабильность; справедливость; честность. В свою очередь антиценности образуют свой ряд: бедность; преступность; война; бездеятельность властей; безработица; неравенство; алкоголизм.

Динамика мировоззренческих ориентаций России постперестроечной является довольно противоречивой, но в целом она соотносима с вектором перемен в российском обществе, и сельском социуме в частности.

В первые постперестроечные годы доминировали традиционные МО и духовные ценности, причем рейтинг некоторых из них имел заметную динамику в сторону повышения. Для сравнения приведем данные Ю. А. Левады: на первое место выдвигались заботы о твердом (даже небольшом) заработке и достижении уверенности в завтрашнем дне (в 1989г. – 45% респондентов, а в 1994г. – 54%); «много работать и хорошо зарабатывать» готовы были соответственно 27% и 23%; «вести собственное дело на свой страх и риск» – 9% и 6% [74, с. 219]. По данным ВЦИОМ, в 1990 г. 10% опрошенных были готовы пойти на некоторые жертвы ради государства, 23% полагали, что не государство, а сами люди должны проявить заботу и позаботиться о себе («спасение утопающих – дело рук самих утопающих»); затруднились 9% [135, с. 97].

В исследованиях 1992 г. зафиксированы ценности-лидеры (комфортность внутреннего мира человека и его микромира: спокойная совесть, семья, интересная работа – 84,3%) и ценности-аутсайдеры (власть, признание, успех) [135, с. 97].

Аналогичные тенденции были выявлены и в ряде других исследований¹: к числу одобряемых ценностей относились самооценку жизни, свобода, забота о ближнем и слабом, взаимопонимание, равноправный диалог, спокойная совесть.; к отрицательным – благополучие прежде свободы, равенство доходов; борьба до победы над оппонентами; власть над другими людьми [5, с. 37; 132, с. 97]. По данным исследований, проведенных нами в сельской местности в 1995–1997 гг., в сознании селян лидируют семья (87%), благополучие детей (86%), материальное обеспечение (82%), стабильность (80%), мир (80%). Устойчиво снижается рейтинг добросовестного труда; «девальвируют» борьба за справедливость и поиск истины. Смысл жизни видится во власти и силе, личной защите и безопасности. Упал интерес к духовно-эстетической сфере [125, с. 272].

В 1996–1998 гг. обозначился процесс размывания традиционных ценностей, сопоставимый с обвалом, и внедрения материальных ценностей и индивидуализма. Распространился так называемый инновационный способ социальной адаптации, ориентированный на успех, заключающийся в использовании институционально запрещаемых, но нередко эффективных средств достижения богатства, власти или их подобия. У некоторой части населения наблюдается противоположный способ – ритуализм, направленный на понижение целей успеха: отсутствие материальных и властных ориентаций, безынициативность, боязнь «высунуться», боязнь риска, противодействие инновационному поведению и т. д. [135, с. 98]. Из жизни села постепенно уходят патристические чувства, уважение к старшим, взаимовыручка, доброта земледельца.

В то же время прослеживается рост роли и значимости семьи в жизни сельского населения. Так, по данным О. Е. Новохацкой, в 1999 г. 81% женщин и 70% мужчин поставили ее на первое место, на втором месте оказалось «здоровье» (соответственно 60% и 45%), на третьем было определено «материальное благополучие» (53% женщин и 39% мужчин). Абсолютное большинство респондентов согласно с тем, что дело мужчин – зарабатывать деньги, а женщин – заниматься домом, семьей. Впрочем, 33% женщин и 29% мужчин к числу жизненных ценностей отнесли «интересную работу»; 34% мужчин и 37%

¹ Всероссийские исследования «Наши ценности сегодня» (1990) и «Динамика ценностей населения реформируемой России» (1993–1995), проведенные Центром исследований ценностей при Институте философии РАН.

женщин отдали предпочтение «хорошим друзьям»; хорошие отношения между людьми ценят 30% женщин и 23% мужчин [111, с. 51–52].

Сферой приложения сил и способностей, доставляющего удовлетворение, и у мужчин (48%) и у женщин (40%) является работа в общественном хозяйстве, учреждении; с удовольствием выполняют различные домашние дела 46% женщин и 33% мужчин; 23% женщин и 13% мужчин испытывают удовлетворение от занятий с детьми; общественной работой с удовольствием занимаются 3% женщин и мужчин.

Высокая трудовая нагрузка способствует накоплению усталости, которая скорее ведет человека к дивану и телевизору, чем в библиотеку или на спортплощадку; таким образом, формируется вполне определенный образ жизни.

О происходящих изменениях в МО свидетельствуют результаты социологических исследований, проведенных Аграрным институтом РАСХН в 1993 г.: за *частную собственность на землю* выступили только 19% опрошенных (в 1990 г. – 51%), еще 9% скорее «за», чем «против», 43% – «против» и 18% – скорее «против», чем «за». Такое отношение было вызвано опасением, что «частная собственность в настоящих условиях приведет к спекуляции землей» (47%), «земля попадет в руки людей, не умеющих работать» (29%)¹.

Справедливость подобных опасений очевидна: в мутной водичке хаоса реформирования активизировали свою деятельность, в первую очередь, представители теневой экономики и преступных сообществ, стремящиеся поставить под свой контроль коммерческо-предпринимательскую деятельность². Доктор исторических наук В. Л. Бер-

¹ Данные опубликованы в «Сельской жизни» от 3 августа 1993 г. См. также следующие источники: [125, с. 82–90; 132, с. 170–173; 185, с. 87–92.]

² Богатые мигранты скупают земли. Укореняются на них, создают этнические сообщества, живущие по своим законам. Все это создает условия для деятельности националистических молодежных движений, порождает социальную напряженность (НцО, ПО, ЭО). Европейский менталитет, ориентированный на приоритетность прав человека перед правами народа, не стал нормой поведения для всего населения даже в самой Европе. В России же традиционна ориентация прямо противоположная, и эту реальность необходимо учитывать.

Есть особенности образа жизни каждой нации, способствующие перераспределению земли и между коренными народами. Например, в русских семьях, как правило, все дети уезжают жить в город, в то время как у малых народов хотя бы один из детей остается в селе с родителями. Поскольку средний возраст живущих в деревне – 58 лет, перераспределение земельных долей по национальному признаку неизбежно (особенно по периметру России) [185, с. 87–88].

сенева, анализируя ситуацию, отметил: «В конечном счете, произойдет латифундизация сельхозугодий в варианте, напоминающем “огораживание” в Англии в XVI–XVIII вв., лишь с тем отличием, что в роли лендлордов будут выступать лидеры мафиозных группировок» [15, с. 130].

В ряде исследований (в том числе и наших) ставится вопрос о том, как возродить интерес к земле, желание взять ее в собственность. 30% опрошенных селян считают что «государство должно сформулировать предложение – внятное и выгодное»; от 25 до 37% опрошенных предлагают сделать доступными услуги по оформлению (система «одного окна», субсидирование пенсионеров и малоимущих, создание кадастровой службы, «как за границей»)¹.

В национальном самосознании россиян на вербальном уровне нет явно выраженного «образа врага», который бы проецировался на какую-либо иную национальную группу внутри страны². Об этом хорошо сказал А. Н. Сахаров. Он определяет *русский национализм* как *оборонительный национализм*, выросший в условиях изнурительной борьбы с внешними врагами. Это «национализм, обращенный не вовнутрь страны, не по отношению к населявшим ее народам... а вовне страны, по отношению к ее исконным внешним врагам». Самое главное – в народе нет ни малейшего признака чувства расового превосходства русских по отношению к другим народам России и мира, – превосходства, составляющего основную черту шовинизма, расизма и воинствующего национализма [см.: 184, с. 316].

¹ В стране нет ни одного министерства или ведомства, которое занималось бы урегулированием собственно земельных отношений. Минсельхоз занимается хозяйством, МЭРТ – собственностью, Минюст – регистрацией и кадастром. В этом ансамбле министерств полная какофония [58, с. 67].

² Для России с ее русскими культурно-национальными, историческими основами важное значение имеет то, что «ни один человек из представителей инонациональных групп, участвовавших в опросе, не выразил негативного отношения к русским». Более того, 0,5% респондентов, «выразивших негативное отношение к русским, сами оказались русскими» [43, с. 364]. Значительное распространение негативных стереотипов по отношению к собственному народу отмечает В. Д. Разиновская: подчеркивают такие черты русских, как лень (28,3%), «неумение жить» (26%), низкая культура и невоспитанность (25,2%), недисциплинированность и безответственность работников (15,4%) [134, с. 36].

Социологические исследования, проведенные за последние 14 лет в ряде регионов страны¹, выявили ряд нарождающихся тенденций в этносоциальном сознании русских, а также наличие устойчивых (преемственных) основных черт русского национального характера (НцО), в частности:

- обозначился процесс переориентации русской идентичности с государственно-гражданской на этнонациональную;
- большинство русских привержено традиционной модели благожелательного этнического взаимодействия²;
- несущей конструкцией сознания россиян продолжает оставаться социокультурный компонент;
- наметилось несколько большая ориентация молодежи на гражданскую, а не национальную идентичность (по сравнению со старшим поколением).

Социологи³ констатируют, что в *национально-этнических установках в постперестроечной России изменений не произошло*. На брак только с представителями своей национальности ориентировано 10,1% (8,3%) молодежи и 9,6% (7,2%) старшего поколения; за межнациональные браки – соответственно 75,7% (80%) и 74,6% (85%).

Среди национальностей, к которым россияне испытывают симпатии, доминируют украинцы и белорусы; у молодежи дальше идут французы, американцы, немцы, у старшего поколения – евреи, немцы, англичане. Антипатии выстраиваются в следующие ряды: у молодежи – «кавказцы вообще» (14,0% и 12,0%), чеченцы (12,4% и 15%), ев-

¹ Специальных исследований сельского населения практически нет: мы ссылаемся на данные своего архива (работа в Уральской сельскохозяйственной академии с 1994 по 2000 гг., мы проводили пилотажные исследования с помощью студентов, приехавших из сел и деревень Уральского региона). Крестьянство, как уже отмечалось, растворилось в общей массе населения, дифференциация которого по социальным признакам еще не завершилась. Поэтому в работе использованы термины «сельские жители», «сельское население» без определения последних.

² Однако в случае обострения межнациональных конфликтов, усиления экспансии каких-либо этнических групп или внешнего давления на Россию нельзя исключить переориентацию этого процесса и выхода на первый план именно этнического фактора как способа самозащиты со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

³ Данные взяты из работы В. К. Егорова [43, с. 325–327], монографии «Россия на рубеже веков» [144] и нашего архива – здесь и далее данные личного архива выделены курсивом.

реи (7,4% и 6,0%), у старшего поколения – чеченцы (17,8% и 14,0%), «кавказцы вообще» (13,4% и 8,5%), евреи (6,2% и 3,8%).

Значительные переоценки наблюдаются и в сфере *национальных взаимоотношений*. Главной этнической проблемой в современной России стала проблема русских, выделяющихся из состояния «родом из СССР» и привыкающих к новому социальному государству – России. Начиная с 1996 г. опросы показывают нежелание большинства русских (особенно городских) жить в стране, включающей в себя республики Средней Азии и Закавказья, хотя зачастую против конкретных людей других национальностей они «ничего не имеют». В сельской местности, где явно наблюдается недостаток мужского населения, положительно относятся к межнациональным бракам.

Ценности, вокруг которых может выстроиться «*национальная идея*»¹, которые могут объединить россиян, представлены следующим рядом: 41,4% (52%) – за то, чтобы восторжествовала идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы; 30,3% (43,2%) – за идею строительства правового государства; 23,5% (20%) – за единение всех во имя решения глобальных проблем человечества (на селе 25% выделили экологические проблемы как дополнение к этому пункту); 12,1% (8,3%) – за сближение с Западом.

Идею объединения славянских народов поддерживают 8,5% (среди селян Уральского региона цифры выше – 12,7%); всего 7,3% (5%) выступают за тезис об особой исторической миссии русского народа; 5,6% (4%) – за «православную идею» [144, с. 36]; в начале 1990-х гг. фашистские идеи имели крайне мало приверженцев: сторонники А. Баркашева составляли 1–1,5%, а доля антифашистски настроенных граждан, считающих, что за участие в деятельности фашистских группировках надо судить, составила 66,8% [144, с. 35]. К концу 1990-х гг. ситуация несколько изменилась: просыпающееся чувство национального самосознания толкнуло часть молодых (в основном городских) людей в различные национальные объединения

¹ Задачу разработки общенациональной идеи поставил президент Б. Н. Ельцин летом 1996 г. Общенациональная идея, являясь фактором стабилизации общественной жизни, должна стать и фактором созидания жизнеспособной системы образования и воспитания, обеспечивающей естественную преемственность в передаче знаний, культуры, традиций от поколения к поколению и формирование здорового национального самосознания [61, с. 123].

с явно выраженным националистическим (нацистским) уклоном. Русские националисты перекладывают вину за то состояние, в котором оказался русский народ, на представителей других народов, в особенности на евреев.

Большинство молодых людей не связывают свое будущее с Россией. Выехать из России хотела бы и часть старшего населения. Вне зависимости от возраста отдают предпочтение: США, Германии, Англии, Франции. Основные мотивы отъезда из России у всех возрастных групп связаны с заработком, стажировкой или учебой.

Свыше 85% (70%) россиян гордятся своей национальностью, 80,5% (88,0%) гордятся историей России и ее традициями; 56,8% (60,3%) «готовы рисковать своей жизнью, если Россия подвергнется нападению врага», и 13,8% (9,2%) – не готовы. Почти 85% (80%) россиян считают, что «мы заставим мир себя уважать, только подняв экономику и утвердив демократию». Отношение к понятию «отечество» зависит от возраста респондентов. Так, почти 50% респондентов 25–35 лет и более 70% 56–65 лет считают важным уважать отечество; утверждают, что «понятие устарело», соответственно 12,8% и 8,2% [144, с. 17].

Межпоколенческую солидарность проявляют наши граждане, считая, что в истории России можно гордиться победой в Великой Отечественной войне (более 83% и у «внуков», и у «дедов»), достижениями космонавтики и космической техники (56,9% «внуки» и 60,9% «деды»), великими российскими писателями и композиторами (71,6% «внуки» и 54,9% «деды»), восстановлением страны после Великой Отечественной войны (соответственно 66,9% и 80,6%) (СО, ПатрО).

Меньше всего «внуки» ценят достижения в области обеспечения демократии в современной России (6,9%; у «дедов» 20,1%), авторитет Российской армии (14,2%; у «дедов» 29,8%), деяния выдающихся российских царей (16,1%; у «дедов» 7,3%) [144, с. 173].

В отношении к принципиальным вопросам истории и идеологии российское общество выглядит менее расколотым: доля респондентов, считающих, что «идеи марксизма были верны», практически одинакова в возрастных группах 25–35 лет и 36–45 лет (33,4% и 36,6%; по нашим исследованиям – 30,1% и 27,3% соответственно). По мере «молодения» и «взросления» респонденты отклоняются от «консенсусной»

позиции примерно на одинаковую дистанцию: 27,0% (16–24 лет) и 41,7% (46–45 лет)¹. Старшая возрастная группа (56–65 лет) значительно отрывается от предыдущей группы – 50,3% (52,7%) (ПО, СО).

Примерно такая же картина получается при анализе ответов на вопрос о применимости западных ценностей в России, хотя здесь имеется смещение в сторону полярных суждений. И так, считают, что западные ценности нам «не подходят», 24,4% респондентов 16–24 лет, 40,7% – 25–35 лет, 49,4% – 36–45 лет, 52,5% – 46–55 лет и 62,9% – 56–65 лет² [144, с. 171] (ПО, НрО, ЭО).

Весьма интересные результаты получены при анализе РО. Дело в том, что православие постепенно становится в России даже не главной религией, а главной идеологией, имея серьезную поддержку со стороны президентской власти и возможность активно вмешиваться во все важные аспекты (сферы) жизни страны. И даже поиск некой национальной русской идеи упирается в православие.

Обращает на себя внимание факт практически равных показателей религиозности у разных возрастных групп, тогда как в советское время молодежь, по социологическим данным, была существенно менее религиозна [50; 43; 124; 45 и др.]. Важно иметь в виду, что молодежь, отрицая свою религиозность при мировоззренческой самоидентификации, одновременно относит себя к приверженцам традиционных религий. Например, к православным относят себя помимо 30,0% определившихся верующих молодых людей и 56,2% колеблющихся еще 24,1% верующих в сверхъестественные силы, 8,8% индифферентных и даже 2,1% неверующих молодых респондентов [43, с. 361]. По данным исследований О. П. Ильиных, к верующим отнесли себя 38% опрошенных молодых людей Пермской области, 41% – определили себя как колеблющихся между верой и неверием и только 5% – назвали себя неверующими [50, с. 28].

Насыщение сознания современных граждан России мистикой, суевериями через СМИ, неконтролируемую деятельность религиозных центров различных конфессий порождает так называемую ситуативную религиозность, не затрагивающую определяющих структур МО. Так, по данным Ильиных, около 5% (менее 3%) считают, что преодо-

¹ По нашим данным, 24,1% и 32,3% соответственно.

² По нашим данным, соответственно: 27,1%, 39,2%, 43,4%, 53,7% и 61,4%.

леть кризис нашего общества без помощи бога невозможно, 9% (6%) видят выход России из духовно-нравственного кризиса во всеобщем обращении к религиозной вере [50, с. 28]. По данным Н. И. Лапина, 11,5% (10%) молодежи и 16,3% (18,7%) взрослых считают, что православие должно стать государственной религией [40, с. 145].

Все исследователи отмечают привлекательность прежде всего нравственных ценностей религии и семейной обрядности (крещение, венчание, отпевание, покаяние) как некоего гаранта успешности в жизни. Есть в массовом увлечении религией и оттенок моды, играет свою роль доступность религиозной литературы, бывшей ранее для большинства практически неизвестной, информационная насыщенность в СМИ и т. д.

Отношение к религии, как правило, не определяет социально-политических и других МО личности.

Экологическая ориентация в это суматошное время была выявлена как общая озабоченность глобальной проблемой (25%) и опасение, что «земля, попавшая в не те руки, будет изневолена»¹.

Возрастание роли молодежи в общественной жизни – общесоциологический закон, действующий в любом обществе. Молодежь – это естественный социальный фактор воспроизводства общества – демографический, социальный, духовный. Будучи «продуктом» истории, она в то же время выполняет глобальную по значению общесоциальную функцию: это субъект–преемник материальных и духовных ценностей предшествующих этапов развития общества.

Молодежное мировоззрение в целом характеризуется амбивалентностью. Оно незавершенно, неустойчиво и в то же время категорично, эмоционально реактивно, податливо ситуациям, авторитетам и характеризуется большой внушаемостью. Именно молодежь чутко относится к переменам в обществе. Социологические исследования показывают изменения в иерархии ЦО постперестроечной России: снижается статус таких ценностей, как духовность, культура, творчество, трудолюбие и ряд других; в то же время возрастает роль таких ценностей, как здоровье, семья, материальная обеспеченность, личная жизнь. Четко прослеживается (в отличие от старшего поколения) *переориентация сознания с коллективистского на индивидуалистическое.*

¹ Изневолить, по Далю, – изнасиловать. Сохранен стиль респондентов.

О. П. Ильиных отмечает резкую переориентацию молодежного сознания в отношении к идеалу как компоненту МО. Многие респонденты вообще не имеют идеала, «не задумываются над этим». Редки желания иметь цели в жизни; планы на будущее концентрируются в основном вокруг личных интересов. Проблемы отечества не входят в первый круг непосредственных интересов молодых людей. В качестве социального идеала возник расплывчатый образ – идеал общества с развитой рыночной экономикой и высоким уровнем жизни.

Ценность *справедливости* сохраняется как весьма значимая величина, однако и здесь можно говорить о тенденции ее девальвации. Ранжировка массовости предпочтений молодежи в выборе гарантов справедливости отражает смену СО, а также осмысление их молодыми людьми. Данные исследований 1990-х гг. подтверждают наличие в молодежном сознании тенденций повышения роли индивидуально-личностных начал и ослабления престижа, значимости социальных институтов в качестве гарантов осуществления справедливости: разuverившись в общественных ценностях и способностях общества защитить справедливость, массовое сознание тяготеет к поиску опоры в общечеловеческих, моральных и религиозных ценностях.

Кризис духовно-теоретических, нравственных ценностей породил в российском обществе *конфликт поколений*, который не исчерпывается традиционным для любого общества расхождением «отцов» и «детей» во взглядах на одежду, прическу, в отношении к музыке и танцам, манерам поведения. В России он касается *философских, мировоззренческих, духовных основ развития общества и человека*.

Поколение «отцов» оказалось в положении, когда материальное и духовное наследие, которое оно по законам преемственности развития должно передать своим «детям», почти девальвировано. Социальные ценности, которыми они жили, в новой исторической ситуации в большинстве утратили смысл и практическое значение. Молодое поколение оказалось в уникальной ситуации: по логике истории оно должно продолжать развитие на базе унаследованных и духовных ценностей, а в реальной ситуации оно вынуждено участвовать в выработке других ценностей, зачастую самостоятельно и вопреки рецидивам старого мышления своих «отцов» и «дедов» [50, с. 24–27; см. прил. Е].

Взамен идеи социальной справедливости и производительного труда на благо общества усиленно насаждаются идеалы быстрой на-

живы, личной выгоды как главного способа выживания по принципу «хочешь жить – умей вертеться».

На основе собственных и изученных материалов социологических исследований мы смоделировали следующие положения, отражающие жизненное кредо, «мировоззренческое лицо» сельского жителя конца XX в.:

- в жизни человек должен стремиться к душевной гармонии и спокойной совести (более 94% опрошенных);
- в жизни человека главное – хорошие и дружественные отношения (около 91%);
- на интересную работу можно потратить значительную часть жизни (62%);
- человек должен жить там, где ему больше нравится (около 52%);
- главное в работе – заработок (70%);
- в жизни главное – общественное признание и успех (12%);
- человек должен стремиться к тому, чтобы у него был доступ к власти (около 55%);
- человек должен уметь жить с людьми других национальностей (27%).

Завершая главу, мы можем отметить: в конце XX в. МО сельских жителей претерпели существенные метаморфозы. Их динамика может быть представлена рядом этапов. Так, события 1993–1995 гг. существенных изменений в иерархию основных жизненных ценностей не внесли. На первом месте остаются семья (СО), интересная работа (СО), спокойная совесть (НрО); свобода ценится выше материального благополучия (НрО, ПО, СО), на последнем месте – власть (ПО), признание, успех (СО, НрО). Но уже в 1996–1997 гг. ценности духовно-нравственного характера стали вытесняться более прагматичными и материальными; более 50% населения стали ценить материальное благосостояние выше свободы, а ценность размера оплаты труда начала превалировать над ценностью интересной работы (СО, ЭО), т. е. сложился приоритет целерациональных моральных ориентаций над ценностно-рациональными (НрО) [43, с. 157].

В начале этапа 1998–2000 гг. отмечается усиление массового страха (страх за будущее детей, боязнь остаться без работы, без средств к существованию, заболеть и остаться без лекарств и медицинской помощи и т. п.), вызванного дефолтом 1998 г., обострением

ощущения непрогнозируемости, неопределенности жизни, озлобленности (ЭО, НрО, СО, ПрО); середина этапа фиксирует угасание послефолтовских состояний страха и отчаяния, чувства озлобленности происходящим; значимость спокойной совести вновь подтвердили 94% опрошенных (СО, НрО), возросла значимость равенства возможностей (ПрО), интересной работы, яркой индивидуальности (ЭО, СО); в конце этапа прослеживается интеграция в структуре ценностей общественного сознания инновационной и традиционной моделей с ценностями советского периода, т. е. ментальные черты россиян сопрягаются с модернизированными ценностями. Однако интерес к деревенской жизни катастрофически низок.

Если вернуться к классификации типов общественного сознания И. К. Кирьянова¹, то в конце XX в. можно констатировать следующее:

- *конформистский тип* пытается выжить, перерождаясь в специфическую профессиональную группу населения, формируя российский вариант фермерства;

- *традиционалистский тип*, пережив ряд метаморфоз, практически исчез, растворившись в сельской среде, превратившись в многочисленный слой сельских жителей;

- *радикальный тип* вырождается в то, что принято было называть «люмпен-пролетариат».

Крестьянский вопрос в том виде, в котором он существовал в России на протяжении ряда столетий, в XX в. решен полностью и окончательно: *крестьянство как класс прекратило свое существование*.

Что касается качественного состава сельского населения будущего, его социального статуса, то здесь пока – вопросы, вопросы, вопросы, например:

- Кто будет в нем преобладать – квалифицированные специалисты или работники низкой квалификации?

- Каким будет их образование?

- Кто будет преобладать: мужчины или женщины?

Ответов на эти вопросы пока нет.

¹ См. § 2 гл. 2 настоящей работы.

Заключение

Книга писалась долго и трудно: анализируя уроки и горький опыт суровой драмы народа, нельзя было оставаться полностью беспристрастной.

Зачем мы написали все это?

История ведь никогда никого ничему не учит. Политики продолжают делать те же ошибки, что и 70, и 100, и 150 лет назад, а народы продолжают верить свои судьбы бездарям, случайным людям, политикам, рвущимся к власти, чтобы затем проливать кровь своих сыновей и дочерей на бессмысленных и беспощадных войнах – больших и малых.

Раскрестьянивание русской деревни было войной государства против собственного народа. Войной потому, что война – это контролируемое и управляемое насилие, ставящее своей целью навязывание противнику своей воли вооруженной рукой. Войной, которая завершилась победой государства.

За XX в. доля сельского населения сократилась с 85% до 27%. Его численность, средний возраст, приближающийся к 60 годом, отсутствие полновесного личного подсобного хозяйства, дающего возможности для полного самообеспечения продовольствием, промышленными товарами и услугами, значительная удаленность населенных пунктов друг от друга и т. п. лишают эту социальную группу субъектности в историческом процессе и превращают в объект политического воздействия.

Жизнь требует оздоровления нашего общественного организма, решительной борьбы с его недугами и аномалиями в его развитии. Но, чтобы избавиться от болезни, необходимо знать ее корни и причины, установить точный диагноз.

Библиографический список

1. *Алексеев Н. П.* Причины сохранения религиозности в психологии колхозного крестьянства и пути преодоления [Текст] / Н. П. Алексеев // Коллектив колхозников: Социально-психологическое исследование. М.: Мысль, 1970. 236 с.
2. *Андреев В. М.* Крестьянское хозяйство Подмосковья накануне перехода к нэпу [Текст] / В. М. Андреев // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, 1992 г. Ч. 2 / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1992. С. 31–33.
3. *Анисимков В. М.* Мироззрение и социальная активность личности [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. М. Анисимков. Свердловск, 1990. 24 с.
4. *Анисимов Е.* Какая реформа нужна России? [Текст] / Е. Анисимов // Комс. правда. 2003. 16 июля. С. 8–9.
5. *Арутюнян Ю. В.* Опыт социологического исследования села [Текст] / Ю. В. Арутюнян. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1968. 64 с.
6. *Атеистический словарь* [Текст] / А. И. Абдусамедов [и др.]; под общ. ред. М. Н. Новикова. М.: Политиздат, 1983. 560 с.
7. *Ахиезер А.* Россия как большое государство [Текст] / А. Ахиезер // Вопр. философии. 1993. № 1. С. 3–19.
8. *Бажутина Т. О.* Стереотипы русской психологии: поиск духовных оснований общественного развития [Текст] / Т. О. Бажутина // Изв. СО РАН. Новосибирск, 1993. Вып. 2.
9. *Бакунин А. В.* История тоталитаризма [Текст] / А. В. Бакунин. Екатеринбург: Изд-во РАН УрО, 1997. Кн. 2: Апогей. 224 с.
10. *Баталов Э.* Советская политическая культура (по исследованию распадающейся парадигмы) [Текст] / Э. Баталов // Обществ. науки и современность. 1995. № 3. С. 60–70.
11. *Безин М. А.* Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) [Текст] / М. А. Безин // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, 1992 г. / Вологодский гос. пед. ин-т. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 63–65.
12. *Белинский В. Г.* Письмо к Гоголю [Текст] / В. Г. Белинский // Собр. соч.: в 3 т. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во худож. лит., 1948. Т. 3. С. 707–715.
13. *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений [Текст]: в 13 т. / В. Г. Белинский. М.: Гос. изд-во худож. лит. 1956. Т. 10. С. 214–218.

14. *Бердяев Н. И.* О России и русской национальной культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья [Текст] / Н. И. Бердяев. М.: Политиздат, 1990. 127 с.

15. *Берсенев В. Л.* Исторические особенности реформирования аграрных отношений в России [Текст] / В. Л. Берсенев. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994. 128 с.

16. *Бойко Е. А.* Политические ориентации как социальный феномен [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. А. Бойко. Екатеринбург, 1996. 26 с.

17. *Борисов А.* Будущее экспроприации. Сцены из деревенской жизни 20–30-х годов прошлого века [Текст] / А. Борисов // Рус. жизнь. 2007. № 10. С. 16–28.

18. *Бровина Л. В.* Воздействие особенностей общественных групп на социальную ориентацию личности [Текст] (на примере советского студенчества): автореф. дис. ... канд. филос. наук / Л. В. Бровина. Свердловск, 1978. 24 с.

19. *Бромлей Ю. В.* Создано человечеством [Текст] / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. М.: Политиздат, 1989. 272 с.

20. *Булавин М.* Православие и общественное движение в России в начале XX века [Текст] / М. Булавин // Общественное согласие в российской действительности: уроки истории и современность. Екатеринбург: Изд-во РАН УрО, 1998. 198 с.

21. *Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия [Текст] / В. Булдаков. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.

22. *Васильев И.* Приговор земли [Текст] / И. Васильев // Сов. Россия. 1989. 10 марта.

23. *Введение в философию* [Текст]: учеб. для вузов: в 2 ч. / под общ. ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1989. Ч. 1. 368 с.; Ч. 2. 640 с.

24. *Великая* Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история [Текст]. 2-е изд., испр. и доп. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М., 1970. 632 с.

25. *Вербицкая О. М.* Семейное положение сельского населения России в 1920–1930-х гг. [Текст] / О. М. Вербицкая // Летопись уральских деревень: тез. докл. регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1995 г. / УрГСХА. Екатеринбург, 1995. С. 89–92.

26. *Вернадский Г. В.* Русская история [Текст]: учеб.: пер. с англ. / Г. В. Вернадский. М.: АГРАФ, 2001. 544 с.

27. *Вылцан М. А.* Последние единоличники [Текст] / М. А. Вылцан // Судьбы российского крестьянства / Рос. гос. гуманит. ун-т. М., 1996. (Россия. XX век). С. 174–185.
28. *Гачев Г. Д.* Ментальность как национальный космопсихоз. Российская ментальность [Текст]: материалы «круглого стола» / Г. Д. Гачев // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 25–29.
29. *Геллер М.* История России. 1917–1995 [Текст]: в 4 т. / М. Геллер. М.: МИК: Агар, 1996. Т. 3: Седьмой секретарь. 480 с.
30. *Глинкина С.* Экономическая реформа: первая пятилетка [Текст] / С. Глинкина // Обществ. науки и современность. 1995. № 3. С. 47–59.
31. *Гуревич А. Я.* История средних веков [Текст]: учеб. / А. Я. Гуревич, Д. Э. Харитонович. М.: Интерпракс, 1995. 230 с.
32. *Гуревич А. Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу [Текст] / А. Я. Гуревич // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Наука, 1993. С. 168–178.
33. *Гуревич А. Я.* Проблемы народной средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1981. 359 с.
34. *Гуревич А. Я.* Средневековый мир: культура безмолвующего общества [Текст] / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1990. 396 с.
35. *Даль В. И.* Пословицы русского народа [Текст]: сб.: в 2 т. / В. И. Даль. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 384 с.; Т. 2. 400 с.
36. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа [Текст] / Н. Я. Данилевский. СПб., 1888.
37. *Данилова Л. В.* Крестьянская ментальность и община [Текст] / Л. В. Данилова, В. П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М.: РОССПЭН, 1996. С. 22–39.
38. *Декреты II Всероссийского Съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов [Текст]: сб. декретов. 1917–1918 гг.* М.: Госиздат, 1920. 312 с.
39. *Десять лет после Августа: предпосылки, итоги и перспективы российской трансформации [Текст] / фонд «Либерал. миссия».* М., 2002. 140 с.
40. *Динамика ценностей населения трансформируемой России [Текст] / отв. ред. Н. И. Лапин, Л. А. Беляева.* М.: Эдиториал УРСС, 1996. 110 с.

41. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя [Текст] / Ф. М. Достоевский. М.: Современник, 1989. 557 с. (Классическая библиотека «Современника»).

42. *Дрыгин В. И.* Научное мировоззрение, его предмет и функции [Текст] / В. И. Дрыгин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. 52 с.

43. *Егоров В. К.* Философия русской культуры [Текст]: моногр. / В. К. Егоров. М.: Изд-во РАГС, 2006. 552 с.

44. *Ермаков И. И.* Продовольственные отряды в Тюменской губернии [Текст] (1920–1921 гг.) / И. И. Ермаков // История крестьянства в годы Гражданской войны. Тюмень, 1996. 186 с.

45. *Живогляд И. Н.* Село, религия и атеизм [Текст] / И. Н. Живогляд. Алма-Ата: Казахстан, 1985. 183 с.

46. *Зеленин И. Е.* Аграрная политика и крестьянство в годы завершения коллективизации [Текст] (1933–1937) / И. Е. Зеленин // Летопись уральских деревень: тез. докл. регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1995 / УрГСХА. Екатеринбург, 1995. С. 17–23.

47. *Зима В. Ф.* «Освобождение» кулаков [Текст] (1938–1948 гг.) / В. Ф. Зима // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, 1992 / Вологод. гос. пед. ин-т. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 58–60.

48. *Зиновьев А. А.* Распутье [Текст] / А. А. Зиновьев. М.: Элефант, 2005. 320 с.

49. *Изгоев Л. С.* Общинное право [Текст]: сб. ст., посвящ. И. Б. Струве. Прага: Изд-во «Красная Россия», 1925.

50. *Ильиных О. П.* Социальный кризис российского общества и мировоззрение молодежи [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / О. П. Ильиных. Пермь, 1997. 30 с.

51. *История Отечества* [Текст]: учеб. пособие для 11-го кл. сред. шк. / В. П. Островский, В. И. Старцев, Б. А. Старков [и др.]. М.: Просвещение, 1992. 287 с.

52. *Калашникова Е. М.* Уровневые характеристики и функциональные особенности русского менталитета [Текст] / Е. М. Калашникова, М. Ф. Калашников // Славянский мир в диалоге культур. Пермь: Изд-во Урал. гуманит. ин-та, 1998. С. 112–113.

53. *Калужская М. В.* Тоталитарная ментальность: опыт философско-политического анализа [Текст]: автореф. дис. ... канд. полит. наук / М. В. Калужская. Екатеринбург, 1993. 22 с.

54. *Камынин В. Д.* Советская Россия в начале и середине 20-х годов [Текст]: курс лекций / В. Д. Камынин // История России: вторая половина XIX–XX вв. / под ред. Б. В. Личмана, Урал. гос. ун-т. 3-е изд., доп. Екатеринбург, 1995. С. 144–174.

55. *Каронин С.* Братья [Текст] / С. Каронин (Н. Е. Петропавловский) // Собр. соч.: в 2 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. Т. 1. С. 461–496.

56. *Каронин С.* Ученый [Текст] / С. Каронин (Н. Е. Петропавловский) // Собр. соч.: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 33–44.

57. *Каронин С.* Фантастические замыслы Миная [Текст] / С. Каронин (Н. Е. Петропавловский) // Собр. соч.: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 45–72.

58. *Кашин О.* В эталонную землю [Текст] / О. Кашин // Рус. жизнь. 2007. № 10. С. 62–69.

59. *Кириянов И. К.* Эволюция общественного сознания крестьянства Урала в период капитализма [Текст]: 1861 – февраль 1917 г. (по материалам Вятской и Пермской губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. К. Кириянов. М., 1987. 24 с.

60. *Кислов Б. А.* Проблемы оценки в марксистско-ленинской философии [Текст]: (Вопросы теории и методологии) / Б. А. Кислов. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 184 с.

61. *Кобылянский В. А.* Русская идея и возрождение России [Текст] / В. А. Кобылянский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1997. 164 с.

62. *Ковалев Д. В.* Политическая дискриминация крестьянства в нэповской России [Текст] / Д. В. Ковалев // Вопр. истории. 2007. № 5. С. 139–143.

63. *Козловский В.* Понятие ментальности в социологической перспективе [Текст] / В. Козловский // Социология и социальная антропология: межвуз. сб. к 60-летию со дня рождения А. О. Бороноева. М.: Изд-во МГСУ, 1997. С. 32–44.

64. *Кознова И. Е.* Историческая память российского крестьянства [Текст] / И. Е. Кознова // О попытках преобразования деревни в XIX–XX веках. М.: Центр гуманит. образования. С. 238–246.

65. *Кознова И. К.* Историческая память российского крестьянства о попытках преобразования деревни в XX веке [Текст] / И. К. Кознова // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. М.: РОССПЭН. 1996. С. 239–256.

66. *Кондаков Б. В.* Религия и русская народная культура [Текст] / Б. В. Кондаков // Религия в истории и культуре / под ред. М. Г. Писманика. М.: Республика, 1998. С. 279–289.
67. *Кондрашин В. В.* Крестьянское движение в Поволжье и на Урале 1919–1921 гг. [Текст] / В. В. Кондрашин // Летопись Уральских деревень: тез. докл. регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1995 г. / УрГСХА. Екатеринбург, 1995. С. 127–134.
68. *Короленко В. Г.* В голодный год. Наблюдения и заметки из дневника [Текст] / В. Г. Короленко // Собр. соч.: в 6 т. М.: Изд-во «Правда», 1984. Т. 5. С. 100–342.
69. *Короленко В. Г.* Земли! Земли! [Текст] / В. Г. Короленко // Новый мир. 1990. № 1. С. 5–132.
70. *Корнилов Г. Е.* Отечественная история [Текст]. XX век: учеб. пособие для студентов с.-х. ин-та / Г. Е. Корнилов. Екатеринбург: Изд-во УрСХИ, 1994. 244 с.
71. *Королев А. С.* Административно-командная система: генезис и эволюция [Текст] / А. С. Королев // Квинтэссенция: филос. альманах / сост. В. И. Мудрагей, В. И. Усанов. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 106–132.
72. *КПСС* во главе культурной революции в СССР [Текст]. М.: Политиздат, 1972. 310 с.
73. *Краткая философская энциклопедия* [Текст]. М.: Издат. группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994. 576 с.
74. *Куда идет Россия* [Текст] / отв. ред. Т. И. Заславская. М.: Аспект-пресс, 1995. Вып. 2.
75. *Курашов В. И.* Нация в общечеловеческом и российском измерениях [Текст] / В. И. Курашов; КГТУ. Казань, 1999. 84 с.
76. *Лебедев А. А.* Конкретные исследования в атеистической работе [Текст] / А. А. Лебедев. М.: Политиздат, 1976. 72 с.
77. *Ленин В. И.* К вопросу о политике министерства народного просвещения [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 23. С. 125–135.
78. *Ленин В. И.* Письмо товарищам Кураеву, Боеву, Минкину и другим пензенским коммунистам [Текст] / В. И. Ленин // Комс. правда. 1992. 12 февр.
79. *Ленин В. И.* Проект резолюции по вопросам новой экономической политики [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 43. С. 333–335.

80. *Ленин В. И.* Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования 3 ноября 1920 г. [Текст] / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 398–408.
81. *Ленинизм* и философские проблемы современности [Текст]. М.: Политиздат, 1970. 580 с.
82. *Лефевр В.* Конфликтующие структуры [Текст] / В. Лефевр. М.: Мысль, 1967. 240 с.
83. *Лисовский Н. К.* Разгром дутовщины [Текст] (1917–1919) / Н. К. Лисовский. М.: ВН, 1964. 152 с.
84. *Литвин А. Н.* Красный и белый террор в России 1917–1922 гг. [Текст] / А. Н. Литвин // Отеч. история. 1993. № 6. С. 46–62.
85. *Литошенко Л. Н.* Кооперация, социализм и капитализм [Текст] / Л. Н. Литошенко. Пг.: Экономист, 1922. 210 с.
86. *Личность* и ее ценностные ориентации [Текст] / под ред. В. А. Ядова, А. Г. Здравомыслова // Международная конференция (1962 г., г. Варна): Информ. бюл. 1970. №40. 78 с.
87. *Лосский Н. О.* Характер русского народа [Текст] / Н. О. Лосский // Философия и жизнь. 1991. № 2. С. 35–60.
88. *Лурье С. В.* Как погибла русская община [Текст] / С. В. Лурье // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Республика, 1993. С. 136–165.
89. *Лурье С. В.* Метаморфозы традиционного сознания [Текст] / С. В. Лурье // Цивилизации и культуры. Россия и Восток: цивилизованные отношения. М.: Акад., 1995. С. 193–199.
90. *Лучевников П. С.* Гражданская война на Южном Урале [Текст]. 1918–1919 гг. / П. С. Лучевников. Челябинск, 1958.
91. *Лыкова О. В.* Экономическая адаптация селян к рыночным условиям [Текст] / О. В. Лыкова // Социол. исслед. 2008. № 4. С. 44–57.
92. *Макаренко В. П.* Российский политический менталитет [Текст] / В. П. Макаренко // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 38–44.
93. *Маркс К.* Капитал [Текст]. Т. 1. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 23. 773 с.
94. *Маркс К.* К еврейскому вопросу [Текст] / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 382–413.
95. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения [Текст]. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 11. С. 433–507.
96. *Материалы XXII съезда КПСС* [Текст]. М.: Политиздат, 1961.

97. *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918–1923 гг. [Текст]: моногр. / С. П. Мельгунов. Симферополь: Таврия, 1991. 340 с.
98. *Менталитет*: широкий и узкий план рассмотрения [Текст]: сб. науч. тр. / под ред А. А. Разина. Ижевск: Изд-во Ижевского ун-та, 1994. 260 с.
99. *Мещерякова Ю. В.* Реакция тамбовского крестьянства на введение нормы пайка в 1918 г. [Текст] / Ю. В. Мещерякова // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, 1992 г. / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 189–191.
100. *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства [Текст] / Л. В. Милов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф., Москва, 14–15 июня 1994 г. М.: РОССПЭН, 1996. С. 40–56.
101. *Миненко Н. А.* Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. [Текст] / Н. А. Миненко Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 210 с.
102. *Мировоззрение* строителей коммунизма [Текст]. М.: Политиздат, 1987. 204 с.
103. *Мировоззренческие* ориентиры мыслительной культуры [Текст]. Киев: Наук. думка, 1993. 160 с.
104. *Миронов Б.* Poverty of thought on Necessary Caution in Russian History [Текст] / Б. Миронов // Histoire russe. 1990. Т. 17. № 4.
105. *Миронова Т. П.* Крестьянское хозяйство в конце 20-х – начале 30-х годов (надежды и настроения крестьянства) [Текст] / Т. П. Миронова // Крестьянское хозяйство: история и современность: материалы к Всерос. науч. конф., Вологда, 1992 г. / Вологод. гос. пед. ун-т. Вологда, 1992. Ч. 2. С. 193–195.
106. *Можаев Б.* Куда ведет аренда [Текст] / Б. Можаев // Моск. ведомости. 1988. 23 окт.
107. *Мозохин С. И.* Самоуправляющаяся деревня [Текст] / С. И. Мозохин, Д. С. Мозохин. М.: Ред.-издат. центр «Муницип. власть», 1999. 322 с.
108. *Нечаева Г. А.* Эстетический компонент научного мировоззрения и средства его формирования [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. А. Нечаева. Свердловск, 1987. 34 с.

109. *Никольский Н. М.* История русской церкви [Текст] / Н. М. Никольский. 3-е изд. М.: Мысль, 1983. 448 с.
110. *Новиков М. П.* Атеизм в духовной жизни общества [Текст] / М. П. Новиков. М.: Знание, 1984. 69 с.
111. *Новохацкая О. Е.* Повседневная деятельность селян: гендерный аспект [Текст] / О. Е. Новохацкая // Социол. исслед. 2008. № 3. С. 52–59.
112. *Носова Н. П.* Власть и крестьянство. Нэповский стереотип взаимодействия [Текст] / Н. П. Носова // Летопись Уральских деревень: тез. докл. регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1995 г. / Ур ГСХА. Екатеринбург, 1995. С. 13–17.
113. *Олейник Н. П.* Возможен ли «средний класс» в сельских поселениях [Текст]: (Региональный срез) / Н. П. Олейник // Социс. 2005. № 4. С. 79–85.
114. *Осипов Г. В.* Социология и политика [Текст] / Г. В. Осипов. М.: ИСПИ РАН, 1995. 581 с.
115. *Пантин И. К.* Национальный менталитет и история России [Текст] / И. К. Пантин // Вопр. философии. 1994. № 1. С. 30–33. (Российская ментальность: материалы «круглого стола»)
116. *Пастухов В. Б.* Будущее России вырастает из прошлого [Текст] / В. Б. Пастухов // Полис. 1992. № 5–6. С. 59–75.
117. *Патласов С. А.* Современность как принцип философского познания [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / С. А. Патласов; ТюмГУ. Тюмень, 1998. 18 с.
118. *Пашков Н. А.* К вопросу о характере создания православных христиан [Текст] / Н. А. Пашков // Конкретно-социологическое изучение состояния религиозности и опыта атеистического воспитания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 148–161.
119. *Платонов О. А.* Русская цивилизация [Текст] / О. А. Платонов. М.: Роман-газета, 1995. 223 с.
120. *Плотников И. Ф.* Подпольные большевистские организации Урала во главе революционного крестьянского движения в тылу Колчака [Текст]: (1918–1919 гг.) / И. Ф. Плотников // Из истории уральских партийных организаций. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. 38 с.
121. *Попов В. Г.* Религиозный стиль мышления как способ функционирования сознания [Текст]: дис. ... канд. филос. наук / В. Г. Попов. Л., 1981. 270 с.

122. *Попов М. В.* Пьянство и алкоголизм среди крестьянства Урала в 1920–1980-е годы [Текст] / М. В. Попов // Уральское село в XX веке / УрСХИ. Екатеринбург, 1994. С. 52–59.
123. *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны [Текст] (1914 – март 1918 г.) / О. С. Поршнева. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2000. 415 с.
124. *Приходько Л. С.* Гражданская позиция верующих в условиях перестройки [Текст] / Л. С. Приходько. Алма-Ата: Гылым, 1990. 20 с.
125. *Приходько Л. С.* Крестьянин и собственность: взгляд философа [Текст] / Л. С. Приходько // Региональная стратегия антикризисного развития АПК: материалы регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 15–16 дек. 1998 г. Екатеринбург: Изд-во УрГСАХА, 1999. С. 270–273.
126. *Приходько Л. С.* Крестьянский вопрос в правительственной политике Советского государства (1930–1950-е гг.) [Текст] / Л. С. Приходько // Славянский мир в контексте диалога культур: материалы 3-й Междунар. науч. конф., Пермь, 23–24 апр. 1988 г. Пермь: Урал. гуманит. ин-т, 1988. С. 35–36.
127. *Приходько Л. С.* Ментальность: историко-философский экскурс [Текст] / Л. С. Приходько, Г. Е. Корнилов // Зауралье в панораме веков: межвуз. сб. науч. тр. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2000. С. 97–111.
128. *Приходько Л. С.* Особенности и тенденции развития мировоззрения современной России [Текст] / Л. С. Приходько // XXI век: Будущее России в философском измерении: материалы 2-го Рос. филос. конгр., Екатеринбург, 7–11 июня 1999 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. Т. 2, ч. 1. С. 164–165.
129. *Приходько Л. С.* Русская сказка как форма отражения ментальности народа [Текст] / Л. С. Приходько // Вопр. культурологии. 2008. № 1. С. 59–60.
130. *Приходько Л. С.* Русское крестьянство: диалектика религиозного и общечеловеческого [Текст] / Л. С. Приходько // Летопись Уральских деревень: тез. докл. регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 1995 г. / УрГСХА. Екатеринбург, 1995. С. 181–185.

131. *Приходько Л. С.* Формирование гуманитарной среды школьного образования – веление времени [Текст] / Л. С. Приходько // Социально-гуманитарное образование в средней и высшей школе: методические и методологические аспекты / МОУ «Информ.-метод. центр». Екатеринбург, 2001. С. 17–18.

132. *Приходько Л. С.* Эволюция мировоззренческих ориентаций русского крестьянства [Текст] / Л. С. Приходько // Человек. Целостность. Духовность. Оренбург: Оренбург. фил. УРАГС, 2001. С. 87–92.

133. *Пьяных Е. П.* Феномен русской религиозности: историческая динамика и типология (социально-философский анализ) [Текст]: автореф. ... дис. канд. философ. наук / Е. П. Пьяных. Екатеринбург, 1997. 21 с.

134. *Разиновская В. Д.* Особенности русского национального самосознания в условиях переходного общества [Текст] / В. Д. Разиновская // Славянский мир в контексте диалога культур: материалы 3-й Междунар. науч. конф., Пермь, 23–24 апр. 1988 г. Пермь: Урал. гуманит. ин-т, 1988. С. 35–36.

135. *Рассадина Т. А.* Трансформация традиционных ценностей россиян в постперестроечный период [Текст] / Т. А. Рассадина // Социол. исслед. 2006. № 9. С. 95–102.

136. *Ревель Ж.* История ментальности: Опыт обзора [Текст] / Ж. Ревель // Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М.: Наука, 1993. С. 58–83.

137. *Рогалина Н. Г.* Реформаторство XX века и крестьянский менталитет [Текст] / Н. Г. Рогалина // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф., Москва, 14–15 июня 1994 г. М.: РОССПЭН, 1996. 229 с.

138. *Рожин В. В.* Мировоззрение советского человека [Текст] / В. В. Рожин. Л.: Лениздат: Изд-во «Агар», 1996. 38 с.

139. *Российские вести* [Текст]. 1993. № 56. С. 54.

140. *Российский* статистический ежегодник [Текст]. М.: Статистика, 2000. 642 с.

141. *Россия* в цифрах. 2001 [Текст] / ФСГС. М., 2001. 397 с.

142. *Россия* в цифрах. 2005 [Текст] / ФСГС. М., 2005. 477 с.

143. *Россия* на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший [Текст]. М.: Наука, 2000. 343 с.

144. *Россия на рубеже веков* [Текст]. М.: Наука, 2000. 440 с.
145. *Роцевский П. И.* Гражданская война в Зауралье [Текст] / П. И. Роцевский. Свердловск: Сред.-Урал.е кн. изд-во, 1966. 338 с.
146. *Рыбаков С. В.* О религиозном духовном опыте русского народа [Текст] / С. В. Рыбаков // Русская национальная идея: духовное наследие и современность: сб. ст. / Всерос. обществ.-полит. движение «Духовное наследие»; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; Урал. гос. проф.-пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. С. 157–172.
147. *Садкина Т. М.* Народное мировоззрение: становление и развитие [Текст]: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. М. Садкина. Свердловск, 1986. 26 с.
148. *Самарин Ю. Ф.* О крепостном состоянии и переходе из него к гражданской свободе [Текст]: в 3 т. / Ю. Ф. Самарин // Собр. соч. М., 1878. Т. 2. С. 6–70.
149. *Самый* проклятый вопрос [Текст] // Рус. жизнь. 2007. № 10. С. 60–62.
150. *Сборник* декретов [Текст]. 1917–1918 гг. М.: Госиздат, 1920. 312 с.
151. *Сборник* законодательных материалов СССР и РСФСР 1917–1958 [Текст]. М.: Госиздат, 1988. 518 с.
152. *Селиванов П. Д.* Конкретно-социологические исследования и партийное руководство атеистическим воспитанием [Текст] / П. Д. Селиванов. М.: Политиздат, 1973. 14 с.
153. *Селиванов Т. П.* Сельскохозяйственное предприятие и экономический механизм хозяйствования в АПК [Текст] / Т. П. Селиванов // Региональная стратегия антикризисного развития АПК: материалы регион. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 15–16 дек. 1998 г. / УрГСХА. Екатеринбург, 1999. С. 80–86.
154. *Серебрякова И. Г.* Социальная психология крестьянства Урала в период сплошной коллективизации [Текст] (1929–1933 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. Г. Серебрякова. Екатеринбург, 2006. 23 с.
155. *Сиротина Н. А.* Иррациональность как основа российского менталитета [Текст] / Н. А. Сиротина, Л.В Тихонов // Мировоззрение современной России: проблемы ценностей и тенденции развития: материалы постоянно действующего регион. науч. семинара. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1995. С. 24–38.

156. *Современная западная философия* [Текст]: слов. / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. М.: Политиздат, 1991. 416 с.
157. *Современные концепции аграрного развития* [Текст] (теоретический семинар) // *Отеч. история*. 1993. № 2. С. 3–28.
158. *Современный философский словарь* [Текст] / под общ. ред. В. Е. Кемерова. 2-е изд. испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; М.; Минск: Панпринт, 1998. 1064 с.
159. *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания [Текст] / А. И. Солженицын. М.; Париж: Вагриус, 1974. 720 с.
160. *Соловьева Т. А.* Экзистенциальность как особенность российского мировоззрения [Текст] / Т. А. Соловьева // *Мировоззрение современной России: проблемы ценностей и тенденции развития: материалы постоянно действующего регион. науч. семинара*. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1995. С. 14–16.
161. *Сперанский А. В.* Церковь и Великая Отечественная война: возрождение религиозности в Уральской деревне [Текст] / А. В. Сперанский // *Летопись Уральских деревень: тез. докл. регион. науч.-практ. конф.*, Екатеринбург, 1995 г. / УрГСХА. Екатеринбург, 1995. С. 204–208.
162. *Спирин Л. М.* Разгром армии Колчака [Текст] / Л. М. Спирин. М.: Мысль, 1957. 186 с.
163. *Сталин И. В.* Год великого перелома [Текст] / И. В. Сталин // *Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит.*, 1953. Т. 12. С. 118–135.
164. *Сталин И. В.* Головокружение от успехов [Текст] / И. В. Сталин // *Соч. М.: Гос. изд-во полит. лит.*, Т. 12. С. 191–199.
165. *Судьбы российского крестьянства* [Текст] (Россия. XX век) / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М.: Изд-во Рос. гуманитар. ун-та, 1996. 624 с.
166. *Тагильцева Н. Н.* Содействие краеведческих обществ развитию сельского хозяйства уральского региона в 1920–1930-е годы [Текст] / Н. Н. Тагильцева // *Уральское село в XX веке / УрСХИ*. Екатеринбург, 1994. 173 с.
167. *Тажуризина З. А.* Атеизм и свободомыслие в духовной жизни русского народа [Текст] / З. А. Тажуризина. М.: Политиздат, 1986. 120 с.
168. *Тепляков М. К.* Победа атеизма в различных социальных слоях советского общества [Текст] / М. К. Тепляков // *Вопросы научного атеизма*. М.: Мысль, 1967. Вып. 4. С. 18–30.

169. *Токманова Л. В.* Ценностные ориентации молодежи: содержание, тенденции изменений [Текст]: дис. ... канд. социол. наук / Л. В. Токманова. М.: РАУ, 1993. 153 с.

170. *Трофимов В. К.* Душа русского народа. Природно-историческая обусловленность и сущностные силы [Текст] / В. К. Трофимов. Екатеринбург: Банк культур. информ., 1998. 160 с.

171. *Тютюкин С. В.* Первая мировая война и революционный процесс в России (роль национально-патриотического фактора) [Текст] / С. В. Тютюкин // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 109–131.

172. *Угринович Д. М.* Искусство и религия [Текст] / Д. М. Угринович. М.: Искусство, 1982. 288 с.

173. *Урал. XX век* [Текст] / под ред. М. Б. Главацкого. Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 1997. 576 с.

174. *Успенский Г. И.* Власть земли [Текст] / Г. И. Успенский // Избр. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1953. 492 с.

175. *Успенский Г. И.* Ноль-целых [Текст] / Г. И. Успенский // Собр. соч.: в 9 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1955–1956. Т. 7.

176. *Филд Д.* История менталитета в зарубежной исторической литературе [Текст] / Д. Филд // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): материалы Междунар. конф. М.: РОССПЭН, 1996. С. 13–21.

177. *Философский энциклопедический словарь* [Текст] / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.]. М.: Энцикл., 1983. 685 с.

178. *Флоров Г.* Пути русского богословия [Текст] / Г. Флоров. Киев: Наук. думка, 1991. 490 с.

179. *Фромм Э.* Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. М.: Политиздат, 1990. 198 с.

180. *Хомяков А. С.* «Семирамида». Исследование истины исторических путей [Текст] / А. С. Хомяков // Соч.: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 98–99.

181. *Чаянов А. В.* Организация крестьянского хозяйства [Текст] / А. В. Чаянов. М.: Кооп. изд-во, 1925. 126 с.

182. *Черниченко Ю.* Мы грабим награбленное... [Текст] / Ю. Черниченко // Лит. газ. 1990. 6 марта.

183. *Чернов В. М.* Конструктивный социализм [Текст] / В. М. Чернов // Ист. архив. 1997. № 5–6. С. 122–140.

184. *Шарапов Ю. П.* Вопреки гуманизму, о национализме и шовинизме [Текст] / Ю. П. Шарапов // Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 314–323.

185. *Широкалова Г. С.* Социально-правовые аспекты аграрных преобразований в новой России [Текст] / Г. С. Широкалова // Социол. исслед. 2005. № 1. С. 82–90.

186. *Шишкина Н. С.* Народная педагогика – источник духовно-нравственного обогащения человека [Текст] / Н. С. Шишкина // Мировоззрение современной России: проблема ценностей и тенденции развития: материалы постоянно действующего регион. науч. семинара. Йошкар-Ола: МарГТУ, 1995. С. 87–120.

187. *Шульдин Б. П.* Российский менталитет в сценариях перемен [Текст] / Б. П. Шульдин // Социол. исслед. 1992. № 2. С. 61–69.

188. *Шуртаков К. П.* Мировоззрение и методы его формирования: концептуально-философский анализ [Текст] / К. П. Шуртаков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 212 с.

189. *СССР* [Текст]: энцикл. справ. / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., 1970. 576 с.

190. *Энциклопедия для детей* [Текст] / сост. С. Т. Исмаилова. М.: Аванта+, 1996. Т. 5, ч. 3. История России. XX век. 672 с.

191. *Юнг К.* Психология бессознательного [Текст] / К. Юнг. М.: Канон+, 1994. 319 с.

192. *Явлинский Г.* Кризис в России: конец системы? Начало пути? [Текст] / Г. Явлинский. М.: Наука, 1992. 72 с.

193. *Leroy Ladurie E.* Les Paysans de Languedoc [Text] / E. Leroy Ladurie. P., 1966.

194. *Peasants* Englewood cliffs [Text] / E. K. Wolf. N.-Y., 1966.

**Модели мировоззренческих ориентаций
разных категорий населения**

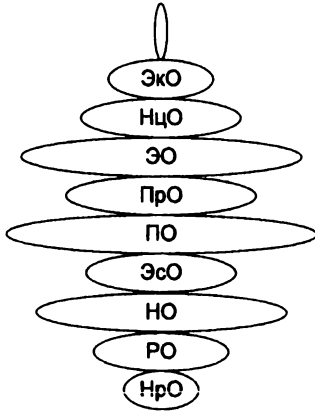

Рис. А 1. Возможная модель МО политика

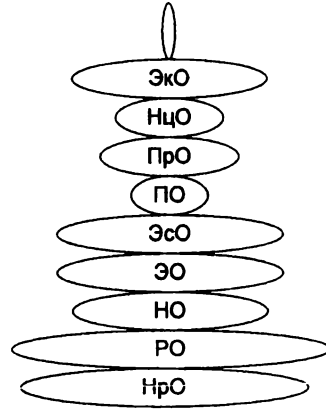

Рис. А 2. Возможная модель МО верующего человека

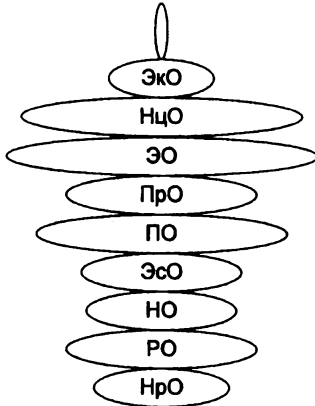

Рис. А 3. Возможная модель МО «нового русского»

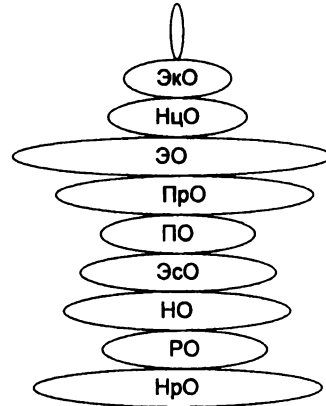

Рис. А 4. Возможная модель МО современного сельского жителя

**Модели мировоззренческих ориентаций
русского крестьянства начала XX в.**

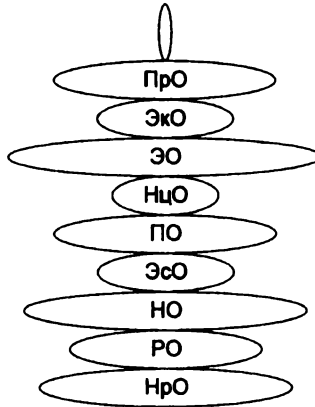

Рис. Б 1. МО «кулаков»

Рис. Б 2. МО крестьян-средняков

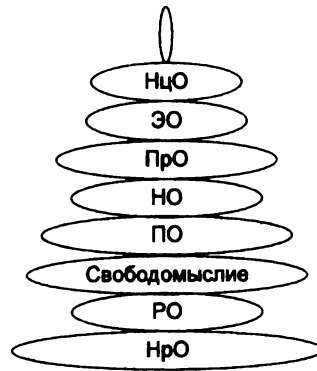

Рис. Б 3. МО беднейшего
крестьянства

Кулацкий террор

Справка ОГПУ¹

№ 267

Антисоветские проявления в деревне в связи с хлебозаготовками с начала хлебозаготовительной кампании по 4 ноября 1929 г.

После 4 ноября 1929 г.

Районы	Убийства	Ранения	Поджоги	Покушения	Избиения	Имущественное вредительство	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
СССР	71	62	370	164	270	36	973
ЦЧО	16	17	10	41	45	2	131
СВО (включая Мордовский округ)	2	4	51	20	23	8	108
НВК	3	5	9	4	8	—	29
Московская промышленная область	1	2	25	5	16	1	50
Ивановская промышленная область	—	1	2	2	1	—	6
Нижегородский край	3	1	7	2	3	—	16
Татария	4	2	13	6	9	1	35
Башкирия	2	1	9	9	11	5	37
Чувашия	—	—	6	3	—	1	10
Марийская область	1	—	—	—	5	—	6
Казахстан	4	6	7	9	20	2	48
ССК (включая нацрайоны)	6	3	4	6	8	3	30
Крым	—	1—	—	1	9	—	11
Узбекистан	1	—	—	—	—	—	1
Урал	1	1	5	3	9	—	19
Сибирь	1	7	23	15	40	4	100
УССР	1	9	78	14	28	2	142
Ленинградская область	2	2	5	11	20	4	44
Западная область	1	—	7	4	10	1	23

¹ ЦА ФСБ РФ, ф. 2, оп. 7, д. 42, л. 2–3. Подлинник.

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8
БССР	–	–	5	3	2	2	12
Северная область	–	–	2	3	1	–	6
ДВК	1	–	1	3	–	–	5
Азербайджан	–	–	–	–	1	–	1
Бурято-Монголия	1	–	1	–	1	–	3

Массовые выступления крестьян.

С начала хлебозаготовительной кампании зарегистрировано по Союзу 91 массовых выступлений. Из них в 67 случаях количество участников установлено.

Общее число участников массовых выступлений – 17825.

Общее число массовых выступлений по районам распределяется:

СВО	23	Башкирия	6
Казахстан	11 (одно вооруженное выступление)	Крым	2
ЦЧО	17	СКК	13 (включая нац. районы)
НВК	5	УССР	1
Татария	1	Сябирь	12

Эволюция мировоззренческих ориентаций советского крестьянства

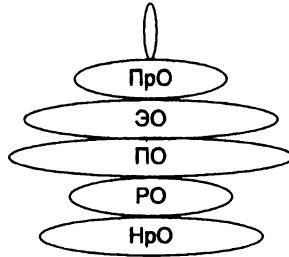

Рис. Г 1. МО крестьян периода военного коммунизма

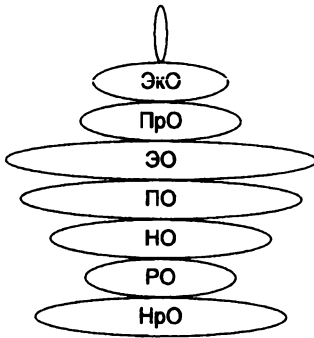

Рис. Г 2. МО крестьян периода НЭПа

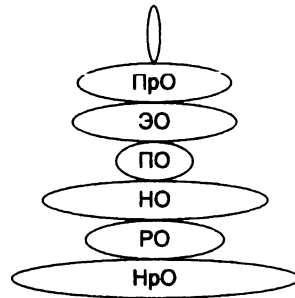

Рис. Г 3. МО советских колхозников к 1936 г.

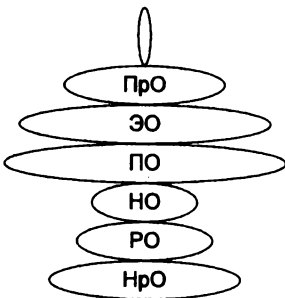

Рис. Г 4. МО довоенного крестьянства

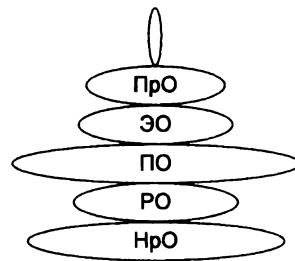

Рис. Г 5. МО крестьян в период Великой Отечественной войны

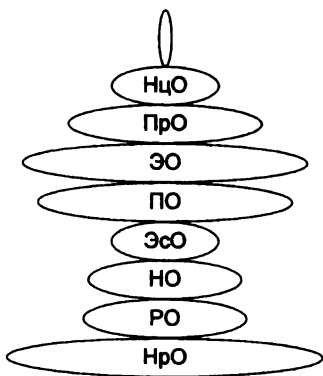

Рис. Г 6. МО крестьян в 1950–1960 гг.

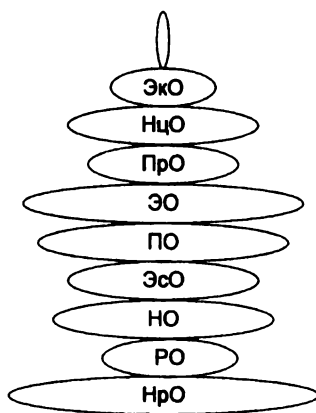

Рис. Г 7. МО крестьян в 1960–1977 гг.

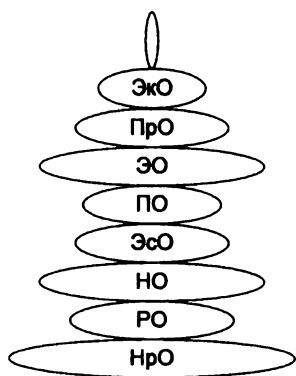

Рис. Г 8. МО крестьян периода «развитого социализма»

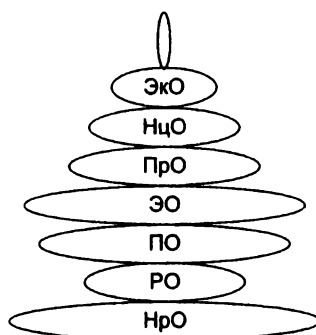

Рис. Г 9. МО селян периода «перестройки»

**Формы организации и управления
в сельскохозяйственных образованиях
Свердловской области на 01.01. 1993 г.***

№ п/п	Наименование сельскохозяйственного образования	Количество, ед.
1	Производственный сельскохозяйственный кооператив	24
2	Товарищество с ограниченной ответственностью	70
3	Коллективное сельскохозяйственное предприятие	22
4	Сельскохозяйственный кооператив	29
5	Коллективное хозяйство	8
6	Акционерное общество закрытого общества	17
7	Смешанное товарищество	1
8	Крестьянское хозяйство	6
9	Союз крестьянских хозяйств	2
10	Ассоциация крестьянских хозяйств	3
11	Кооператив по производству сельскохозяйственной продукции	1
12	Агрофирма	1
13	Совхозы	18
14	Колхозы	37

* По данным Свердловского областного управления сельского хозяйства [15, с. 170].

Структура мировоззренческих ориентаций сельских жителей конца XX в.

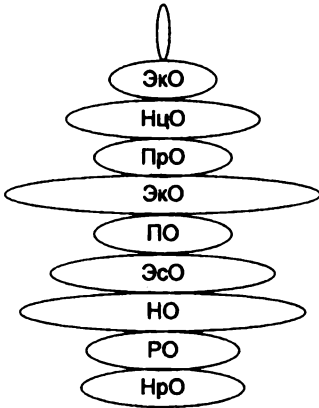

Рис. Е 1. Возможная модель МО молодых селян конца XX в.

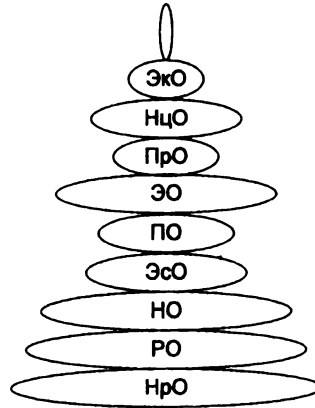

Рис. Е 2. Возможная модель МО селян старшего поколения конца XX в.

**Тематика и краткое описание проведенных
под руководством автора или при его участии
социологических исследований**

№ п/п	Тема	Год	Параметры исследования (объект, методы; объем выборки, организация, осуществляющая исследование; руководитель)
1	2	3	4
1	Изучение уровня религиозности населения и эффективности атеистической работы	1980–1981	Население Кустанайской и Актобинской областей; анкетный опрос; 2000 чел.; Кустанайский обком Компартии Казахстана; И. Н. Живогляд, П. В. Сафронов
2	Изучение духовного мира населения Карагандинской области	1981–1982	Население Карагандинской области; анкетный опрос; 800 чел.; Карагандинский горком Компартии Казахстана; Общественный институт социологических исследований; И. Н. Живогляд, Э. Г. Филимонов
3	Изучение духовного облика трудящихся	1981–1982	Население Карагандинской, Целиноградской и Кустанайской областей; анкетный опрос; 5000 чел.; Карагандинский опорный пункт Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС; И. Н. Живогляд
4	Изучение духовного облика населения многонациональной страны	1982–1983	Население Кустанайской и Карагандинской областей; анкетный опрос; 10000 чел.; Институт социологических исследований АН СССР, Карагандинский опорный пункт Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС ; И. Н. Живогляд
5	Комплексное социологическое исследование сельского населения	1983–1984	Сельское население Карагандинской области; анкетный опрос; 500 чел.; Карагандинский государственный университет; И. Н. Живогляд, Л. С. Приходько

Продолжение таблицы

1	2	3	4
6	Изучение духовного облика населения. Работа партийной организации по атеистическому воспитанию населения	1983	Население Ставропольского края; анкетный опрос; анализ документов партийных комсомольских и профсоюзных комитетов; интервью; 1800 чел.; Институт научного атеизма АОН при ЦК КПСС; Ю. П. Зуев, Г. С. Лямин
7	Молодой верующий в современной религиозной общине	1983–1984	Члены религиозных общин Карагандинской и Кустанайской областей; анкетный опрос; 3500 чел.; Институт научного атеизма АОН при ЦК КПСС; Л. С. Приходько
8	Изучение духовного облика трудящихся совхозов	1983–1985	Сельское население Северного и Центрального Казахстана; анкетный опрос; интервью; 10000 чел.; Карагандинский опорный пункт Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС; И. Н. Живогляд
9	Изучение состояния и эффективности работы по атеистическому воспитанию населения	1984–1985	Население Кустанайской и Карагандинской областей; анкетный опрос; 1500 чел.; Карагандинский опорный пункт Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС; И. Н. Живогляд, Л. С. Приходько
10	Исследование быта, культуры духовной жизни населения	1986–1987	Население Кустанайской области; анкетный опрос; 1500 чел.; областная социологическая лаборатория при ЦК КПСС; П. В. Сафронов
11	Изучение направления и форм рабочего и свободного времени населения	1987–1988	Население Карагандинской и Кустанайской областей; анкетный опрос; 2000 чел.; Институт социологических исследований АН СССР, Карагандинский государственный университет; И. Н. Живогляд, Л. С. Приходько
12	Изучение социальной ориентированности на образование выпускников сельских школ Свердловской области	1995–1996	Выпускники сельских школ Свердловской области, студенты УрСХИ; анкетный опрос; 500 чел.; кафедра философии и экономической теории УрГСХА; Ю. П. Зуев

Окончание таблицы

1	2	3	4
13	Морально-психологическая обстановка в деревне	1995–1997	Сельские жители Курганской и Пермской областей анкетный опрос; 300 чел.; РАГС при президенте РФ; Л. С. Приходько
14	Мировоззренческая культура молодежи	1995–1997	Студенты УрГСХА; анкетный опрос; 150 чел.; кафедра философии и экономической теории УрГСХА; Л. С. Приходько
15	Профессиональная ориентация молодежи в условиях формирования рынка труда	1996	Сельские жители Свердловской области; анкетный опрос; 300 чел.; кафедра философии и экономической теории УрГСХА; Л. С. Приходько
16	Эволюция экономических, политических и духовных ориентаций	1995, 1996, 1997	Студенты УрГСХА; мониторинг; 100; 120; 98 чел.; кафедра философии и экономической теории УрГСХА; Л. С. Приходько
17	Религиозные и атеистические ориентации. Общественное мнение.	1997	Сельское население Свердловской области; анкетный опрос; 200 чел.; Отдел религиоведения РАГС; Ю. П. Зуев

Научное издание

Приходько Лариса Сергеевна

**МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ
РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: XX век**

Монография

Редактор Н. М. Юркова
Компьютерная верстка Н. А. Ушениной

**Отпечатано ИП Горонков А.В.
Свердловская обл.,
г. Верхняя Пышма, ул. Феофанова, 4**

Подписано в печать 02.06.09. Формат 60/84/16. Бумага для множ. аппаратов. Усл. печ. л. 9,6. Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 200 экз. Заказ № 281.
Издательство ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет». Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11.
